

ISSN 2713-0681

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Институт социально-политических исследований
ОБЩЕСТВЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО Science. Culture. Society

№ 1 / 2026

Том 32

DOI: [10.19181/nko.2026.32.1](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1)

EDN: [NVLXYV](https://www.edn.org/NVLXYV)

Сетевой рецензируемый научный журнал
Издаётся с 1995 г.

(Ранее назывался: «Социальная политика и предпринимательство»;
«Предпринимательство. Политика. Наука»; «Наука. Политика. Предпринимательство»)

Выходит 4 раза в год

Включён в РИНЦ, перечень ВАК (К2), Белый список/ЕГПНИ (Уровень 3, 2025).

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Москва
2026

Главный редактор научного журнала

Левашов Виктор Константинович, доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН (ИСПИ ФНИСЦ РАН).

Заместители главного редактора

Великая Наталия Михайловна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Зубок Юлия Альбертовна, доктор социологических наук, профессор, ФНИСЦ РАН.

Иванов Вилен Николаевич, чл.-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Ответственный секретарь

Гребняк Оксана Валерьевна, научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Члены редколлегии

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, Ереванский государственный университет (Армения).

Большаков Владимир Ильич, доктор философских наук, профессор РГУ нефти и газа им. И.М. Губкина.

Буланова Марина Борисовна, доктор социологических наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Вакарелу Мариус, доктор философии, Национальный университет политических наук и государственного управления (Румыния).

Вдовиченко Лариса Николаевна, доктор социологических наук, профессор, РГГУ.

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, ИСПИ ФНИСЦ РАН; Институт Европы РАН.

Денисова Галина Сергеевна, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет

Дудина Виктория Ивановна, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет

Евтич Миролjub, доктор политических наук, профессор, Белградский университет (Сербия).

Журавлев Анатолий Лактионович, академик РАН, доктор психологических наук, профессор, Институт психологии РАН; Московский Гуманитарный Университет.

Забирова Айгуль Тлеубаевна, доктор социологических наук, профессор, Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан (Казахстан).

Иванов Дмитрий Владиславович, доктор социологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет.

Ильичева Людмила Ефимовна, доктор политических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН; РАНХиГС.

Константинова Лариса Владимировна, доктор социологических наук, профессор, РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Мартыненко Владимир Владимирович, доктор политических наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН.

Назарова Елена Александровна, доктор социологических наук, профессор, МГИМО; РАНХиГС.

Овчарова Ольга Геннадиевна, доктор политических наук, доцент, РГСАИ.

Орлова Ирина Викторовна, доктор философских наук, профессор, РАНХиГС.

Осипов Геннадий Васильевич, академик РАН, доктор философских наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН; Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова.

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, профессор, ИСД ФНИСЦ РАН; РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Рогачев Сергей Владимирович, доктор экономических наук, профессор, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Романович Нелли Александровна, доктор социологических наук, доцент, Воронежский филиал РАНХиГС.

Сакка Фламиния, доктор политических наук, профессор, Университет Тушии (Италия).

Селезнёв Игорь Александрович, кандидат социологических наук, доцент, ИСПИ ФНИСЦ РАН.

Селиверстова Нина Анатольевна, доктор социологических наук, профессор, ИС ФНИСЦ РАН.

Сингх Вирендра, доктор философии, профессор, Аллахабадский университет (Индия).

Топилин Анатолий Васильевич, доктор экономических наук, профессор, ИСД ФНИСЦ РАН.

Тощенко Жан Терентьевич, член-корр. РАН, доктор философских наук, профессор, Институт социологии ФНИСЦ РАН; РГГУ.

Шереги Франц Эдмундович, кандидат философских наук, директор Центра социального прогнозирования и маркетинга.

Editor in Chief

Victor K. Levashov, Doctor of Sociology, Director, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS (ISPR FCTAS RAS).

Deputy Chief Editors

Nataliya M. Velikaya, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Yuliya A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor, FCTAS RAS.

Vilen N. Ivanov, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Executive Secretary

Oksana V. Grebnyak, Researcher, ISPR FCTAS RAS.

Members of the editorial Board

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Science, Professor, Yerevan State University (Armenia).

Vladimir I. Bolshakov, Doctor of Philosophy, National University of Oil and Gas "Gubkin University".

Marina B. Bulanova, Doctor of Sociology, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Marius Vacarelu, Ph.D. in administrative sciences, National University of Political Studies and Public Administration (Romania).

Larissa N. Vdovichenko, Doctor of Sociology, Professor, Russian State University for the Humanities.

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Science, ISPR FCTAS RAS; Institute of Europe RAS.

Galina S. Denisova, Doctor of Sociology, Professor, Southern Federal University

Victoria I. Dudina, Doctor of Sociology, St Petersburg University.

Mirosljub Jevtic, Ph.D. in Political Science, Full Professor, University of Belgrade (Serbia).

Anatoly L. Zhuravlev, Academician, Doctor of Psychology, Professor, Institute of Psychology RAS; Moscow University for the Humanities.

Aigul T. Zabirowa, Doctor of Sociology, Professor, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (Kazakhstan).

Dmitrii V. Ivanov, Doctor of Sociology, St Petersburg University.

Ludmila E. Ilyicheva, Doctor of Political Science, Professor, ISPR FCTAS RAS; RANEPa.

Larisa V. Konstantinova, Doctor of Sociology, Professor, Plekhanov Russian University of Economics.

Vladimir V. Martynenko, Doctor of Political Science, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Elena A. Nazarova, Doctor of Sociology, Professor, MGIMO University; RANEPa.

Olga G. Ovcharova, Doctor of Political Science, RSSAA.

Irina V. Orlova, Doctor of Philosophy, Professor, RANEPa.

Gennadii V. Osipov, Academician, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; Higher School of Contemporary Social Sciences, MSU.

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociology, Professor, Institute of Social Demography of FCTAS RAS; Plekhanov Russian University of Economics.

Sergey V. Rogachev, Doctor of Economics, Professor, ISPR FCTAS RAS.

Nelly A. Romanovich, Doctor of Sociology, Professor, RANEPa Voronezh branch.

Flaminia Saccà, Full Professor of Political Sociology, Tuscia University (Italy).

Igor A. Seleznev, Candidate of Sociology, ISPR FCTAS RAS.

Nina A. Seliverstova, Doctor of Sociology, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS.

Virendra P. Singh, Ph.D. in Sociology, Professor, University of Allahabad (India).

Anatoly V. Topilin, Doctor of Economics, Institute of Social Demography of FCTAS RAS.

Zhan T. Toshchenko, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Sociology of FCTAS RAS; RSUH.

Franc E. Sheregi, Candidate of Philosophy, Director of the Center for Social Forecast and Marketing.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРАХ ОБРАЗОВАНИЯ И ТРУДА

Барановская Т. В.

Представления о рынке труда выпускников региональных
вузов в динамике 8

Подлесная М. А., Ильина И. В.

Тезаурус молодёжной политики в восприятии специалистов:
позиционирование молодёжи как актора или агента
социального действия 17

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Слобожникова В. С.

П. Д. Киселёв о местном самоуправлении в структуре
регионального уровня публичной власти в России. 36

Внук В. К.

Тордесильясско-Сарагосский период как первая
геополитическая эпоха 50

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Гуселетов Б. П.

Успехи праворадикальных партий в Нидерландах и Чехии
на парламентских выборах 2025 года. 62

Шаталов О. И.

Специфика субнационального уровня политики как фактор
электоральных побед оппозиции 80

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФОКУСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Мухачёв В. В.

Мещанство в истории России до 1917 года. 99

ГЛОБАЛЬНЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ

Атаманенко А. А.

Репрезентация образа защитника Отечества в российском супергеройском
комиксе: политико-интенциональный анализ 112

Симонян Р. Х.

Социальное познание: взаимодействие социологии
и художественной литературы. 127

СОЦИОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

Павлов Н. М.

Социально-сетевой анализ православного прихода как формы локальной социальной организации 140

РЕЦЕНЗИИ

Мельков С. А., Забузов О. Н.

Уточнение природы политики через изучение двойственной природы человека (рецензия на книгу: Рэнгем Р. Парадокс добродетели. Странная история взаимоотношений нравственности и насилия в эволюции человека. М.: Издательство АСТ: COPRUS, 2025. 480 с.) 157

IN MEMORIAM

Памяти Е. М. Мчедловой (1964–2026) 166

CURRENT PROBLEMS OF MANAGEMENT IN THE FIELDS OF EDUCATION AND LABOR

- Baranovskaya, T. V.*
Perceptions of the labor market of university graduates in dynamics 8
- Podlesnaia, M. A., Ilina, I. V.*
Youth policy thesaurus in specialists' perceptions: positioning youth
as actors or agents 17

THEORY AND PRACTICE OF STATE GOVERNANCE

- Slobozhnikova, V. S.*
P. D. Kiselev on local self-government in the structure
of the regional level of public power in Russia. 36
- Vnuk, V. K.*
Tordesillas-Zaragoza period as the first geopolitical epoch 50

SOCIO-POLITICAL PROCESSES IN RUSSIA AND ABROAD

- Guseletov, B. P.*
The successes of right-wing radical parties in the Netherlands
and the Czech Republic in the parliamentary elections of 2025 62
- Shatalov, O. I.*
The specifics of the subnational level of politics as a factor
in the electoral victories of the opposition 80

SOCIAL AND CULTURAL PROCESSES IN THE FOCUS OF SOCIOLOGICAL THEORY

- Mukhachev, V. V.*
Philistinism in the history of Russia before 1917 99

GLOBAL AND LOCAL TRENDS IN CULTURAL DEVELOPMENT

- Atamanenko, A. A.*
Representation of the image of the defender of the Fatherland
in Russian superhero comics: political-intentional analysis. 112
- Simonyan, R. H.*
Social knowledge: The interplay between sociology and literature 127

SOCIOLOGY OF RELIGION

Pavlov, N. M.

Social network analysis of the Orthodox parish
as a form of local social organization 140

REVIEWS

Mel'kov, S. A., Zabuzov, O. N.

Clarifying the nature of politics through the study of the dual nature
of humankind (Book review: Wrangham R. The goodness paradox:
the strange relationship between virtue and violence in human evolution.
Moscow: AST: Corpus, 2025. 480 p.) 157

IN MEMORIAM

Mchedlova E. M. (1964–2026) 166

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРАХ ОБРАЗОВАНИЯ И ТРУДА

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.1.1](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.1)
EDN TULOUV
УДК 316.44

Т. В. Барановская¹

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РЫНКЕ ТРУДА ВЫПУСКНИКОВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ВУЗОВ В ДИНАМИКЕ

Аннотация. Представления выпускников вузов о рынке труда своего региона являются важным объектом исследования: с одной стороны, изучение трудовых ориентаций молодёжи позволяет предположить и прогнозировать процессы на рынке труда в будущем, с другой стороны, способствует пониманию ситуации и потенциальных проблем с рабочей силой в регионах. В статье приводится анализ представлений выпускников вузов о рынке труда, выполненный на основе двух волн исследований в 2015 и в 2025 годах в Саратове методом анкетного опроса. Выявлены некоторые изменения представлений за исследуемый период вслед за трансформациями рынка труда. Особенно рельефными являются изменения, касающиеся представлений выпускников Саратова о карьерных преимуществах, зафиксированные в 2015 и 2025 годах. В 2015 году наиболее популярными позициями были «коммуникабельность» и «владение иностранными языками», в 2025 году — обладание дипломами курсов повышения квалификации. Мода и реклама продолжают играть большую роль в представлениях выпускников о рынке труда, что может снижать мотивацию и оказывать фрустрирующее воздействие на молодёжь при столкновении с реальным трудоустройством.

Ключевые слова: молодёжь, рынок труда, мотивация, выпускники вузов, образование

Для цитирования: Барановская Т. В. Представления о рынке труда выпускников региональных вузов в динамике // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 1. С. 8–16. DOI [10.19181/nko.2026.32.1.1](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.1). EDN TULOUV.

Введение. За относительно короткий исторический период российская система высшего образования претерпела значительные институциональные преобразования, что нашло отражение в изменении структуры и содержания образовательных программ и институтов, а также положении выпускников вузов на рынке труда. Вместе с тем высшее образование остаётся ключевым инструментом формирования профессиональных компетенций и навыков [1; 2].

Рынок труда любой страны постоянно подвергается изменениям. Некоторые из них обусловлены структурными процессами, другие — циклическим развитием рыночной экономики. Однако в любом социуме показатели уровня безработицы, заработной платы, динамики и распределения занятости являются важнейшими критериями, определяющими не только материальное благосостояние населения, но и степень социально-политической устойчивости общества [3].

Отход от патерналистской модели и обязательной занятости при социальном осуждении практик смены работы не мог произойти быстро и бесследно. Потребовалось время для осмысления и принятия новых условий, связанных со свободным выбором сферы деятельности, когда совпадение специальности, полученной в вузе, и источника дохода перестало быть обязательным, а ответ-

ственность за выбор перешла полностью на индивида. Процесс формирования новых условий на рынке труда породил множество как положительных, так и отрицательных явлений и тенденций как для работодателей, так и для работников, особенно молодёжи, часто имеющей изначально завышенные и романтические представления о профессиональном будущем [4; 5; 6].

Факторы и особенности интеграции выпускников в региональный рынок труда. Важнейшей социально-демографической группой для анализа процессов, влияющих на эффективное функционирование рынка труда, является молодёжь. Именно с молодёжью связано дальнейшее социально-экономическое развитие как отдельных регионов, так и страны в целом. Поэтому исследование проблемы интеграции молодёжи, молодых специалистов и выпускников вузов и колледжей в рынок труда не теряет своей актуальности многие годы [7; 8]. Гармоничное вхождение представителей этой социально-демографической группы в современный рынок труда во многом обеспечит не только лучшее его функционирование, но и хорошее социальное самочувствие самих молодых людей, предотвратив разочарование и профессиональное выгорание, в том числе через формирование адекватных ожиданий [9].

Несмотря на тот факт, что реализация на рынке труда специальности, полученной в вузе или колледже, не только не является обязательной, но и нарушение такой связи до сих пор является почти социальной нормой, взаимодействие рынка труда и образования как ключевых участников рынка справедливо привлекает к себе все больше внимания. Количество трудоустроенных выпускников по полученной специальности признано одним из критериев эффективной работы вузов на государственном уровне [10]. Учебные заведения стремятся соответствовать запросам и нуждам рынка труда, адаптируя программы к современным требованиям, предлагая курсы повышения квалификации и переквалификации для лиц, уже имеющих специальность, а рынок труда нуждается в специалистах, квалификация которых адекватна реальности и будет способствовать развитию той или иной отрасли, а не отставанию [11].

Пристальное внимание к вопросу трудоустройства выпускников со стороны государственных органов и самих вузов имело хороший результат — в 2024 году было трудоустроено 68% выпускников программ бакалавриата и специалитета, 84% — программ магистратуры. Из числа работающих студентов доля трудоустройства по полученной специальности составила от 70% до 98% [12]¹.

Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что во всех направлениях подготовки высокая доля выпускников трудоустроена в сфере торговли — отрасли экономики с низким уровнем зарплаток и карьерных перспектив, которая может абсорбировать выпускников независимо от их профессиональных компетенций. Высокая концентрация выпускников в торговле сигнализирует о наличии проблем, в том числе о несоответствии представлений выпускников вузов реальному рыночному спросу и предложениям в ряде регионов [13]. Адекватность и реалистичность таких представлений является одним из важнейших факторов успешной интеграции выпускников вузов в рынок труда.

Трудовая мотивация молодёжи, её ожидания от рынка труда ввиду высокой актуальности часто становились объектом исследования социологов, психоло-

¹ В РФ трудоустроены почти 70% выпускников бакалавриата и специалитета 2024 года // ТАСС. 06.11.2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22327247> (дата обращения: 24.07.2025).

гов, экономистов и демографов. Довольно значительные особенности молодежи в этой сфере сделали целесообразным обращение многих авторов к теории поколений, выделяющей среди молодежи поколения Y (1984–1996 г. р.) и Z (1997–2012 г. р.) [14]. В работах отмечается большое влияние цифровизации общества, которое пришлось на период социализации современной молодежи, особенно поколения Z — сегодняшних выпускников [15].

Изменения в экономике, социальной сфере, цифровизация не только трансформировали рынок труда, но и преломили представления о нем среди молодежи. Исследователи отмечают амбициозность молодежи и завышенные ожидания от рынка труда [16]. Доминирующими интересами стали свободное время, путешествия, творческий характер труда, его польза и карьерный рост [17]. При этом, несмотря на широкий доступ к информации, отмечается некоторое несоответствие между специальностями, модными в молодежной среде, и востребованными на рынке труда [18]. Эти и другие факторы, накладываясь на региональные особенности рынка труда, зависящие в первую очередь от экономического развития территории, образуют интеграционно довольно сложную социально-экономическую ткань трудовой сферы, особенно для выпускников в ситуации поиска первой работы [19; 20].

Завышенные ожидания и представления не способствуют их реализации, а, напротив, встречают сопротивление работодателей, которое реализуется в так называемом «обратном эйджизме» — дискриминации молодежи [16]. Поэтому исследование конкретных представлений молодых людей о рынке труда, в который им только предстоит интегрироваться, тенденций изменений этих представлений имеет большое практическое значение как для рынка труда регионов, так и для самих молодых людей.

Как изменились представления выпускников о рынке труда: по результатам двух волн исследований. В целях изучения в динамике основных проблем и выявления противоречий в процессе трудоустройства выпускников вузов, связанных с их представлениями о рынке труда, в 2015 году [21] и в 2025 году Центром социологических исследований «РОСС–XXI век» были проведены идентичные социологические исследования методом анкетного опроса. Респондентами выступили выпускники вузов г. Саратова (N=476 в 2015 году и N=460 в 2025 году).

В рамках изучения существующей модели интеракции между соискателем (выпускником) и работодателем на рынке труда респондентам был задан вопрос: «Посредством чего вы искали или планируете искать место работы?» (респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа). В 2015 году по популярности среди выпускников вузов Саратова лидировали такие каналы поиска работы как «Знакомства» — 81% и «Интернет» — 57%. Наименее востребованными оказались «Службы занятости населения» — 10% и «Телевидение» — 5%. В 2025 году самым популярным каналом поиска работы остались «Знакомства» (80%) и «Интернет» — популярные сайты с объявлениями о вакансиях (85%). Такие каналы, как «Службы занятости населения» (6%), а также «Телевидение» (0%), снизили свой и без того невысокий в 2015 году рейтинг. Таким образом, государственные механизмы регулирования занятости через «Центры занятости населения» не приобрели популярности у выпускников и по-прежнему маркируются как низкоэффективные.

Если по поводу оценки эффективности служб занятости выводы остались без изменений, то интерпретация других данных 2025 года (популярность каналов «Знакомства» и «Интернет») требует корректировки, несмотря на близкие

результаты. Пандемия коронавирусной инфекции изменила наши представления о многих сферах деятельности, создав условия для стремительного роста интереса к применению информационных технологий. Предпочтение сайтов с вакансиями больше не может интерпретироваться как «пассивность», так как объективно этот канал является флагманом современного подхода к трудоустройству. Однако всё ещё высокий уровень надежд, связанных с возможностями канала «Знакомства», показывает высокое значение семьи для первого, а в каких-то случаях и дальнейшего трудоустройства, демонстрируя сохранение патриархальных традиций на рынке труда молодёжи.

Наиболее важным критерием при выборе места работы для выпускников 2015 года, как показали результаты исследования, являлась возможность карьерного роста (67%), уровень зарплаты (43%) и стабильность (31%). Вариант ответа «Социальный пакет» не входил в явные приоритеты (14%). При этом 52% респондентов ответили, что планируют продвижение по карьерной лестнице в течение пяти лет, и треть опрошенных ответили, что планирует его в течение года. Таким образом, выпускники вузов в значительной степени были ориентированы на построение карьеры «в короткий срок». Вместе с тем стереотип о приоритете для молодых людей заработной платы в полной мере не нашёл отражения в рамках представленного исследования.

Опираясь на данные исследований о ценностных ориентациях молодёжи, в 2025 году потребовалось включить в критерии выбора работы новый пункт — свободный график работы. Наше исследование показало изменения популярности критериев поиска желаемой работы за период между двумя волнами. Три критерия оказались близки по частоте выбора респондентами: возможность карьерного роста, уровень заработной платы и свободный график работы уложились в диапазон 55–65% (65%, 60% и 55% соответственно). Критерий «Социальный пакет» по-прежнему остался в аутсайдерах, хотя немного усилил позиции, поднявшись за исследуемый период с 14% в 2015 до 19% в 2025 году. Горизонт планирования карьерных продвижений также остался коротким с тенденцией к ещё большему сокращению: 45% ожидают продвижение по карьерной лестнице в течение года и 44% — в течение пяти лет.

Важнейшим для понимания проблем интеграции выпускников в профессиональную сферу является вопрос конкурентных преимуществ в представлении выпускников. В качестве основных потенциальных преимуществ в 2015 году респонденты выделили коммуникабельность (59%) и знание иностранных языков (51%). Значительно менее популярными оказались такие классические альтернативы, как высокий уровень знаний (50%), опыт работы (17%) и стажировки (10%).

В 2025 году «коммуникабельность» и «иностранные языки» в качестве конкурентных преимуществ утратили свои лидирующие позиции. Иностранные языки выбрали 35%, а коммуникабельность — лишь 30%. Включённый в анкету 2025 года новый пункт «Прохождение курсов» стал лидером опроса, его выбрали в качестве конкурентного преимущества 71% респондентов. Вероятно, здесь сказывается влияние моды и рекламы. Если в 2015 году были чрезвычайно популярны тренинги по коммуникациям разного рода, то через 10 лет их место в качестве средства для достижения успеха заняли «курсы» с соответствующей массивной рекламой. Появилось и получило широкое распространение новое устойчивое выражение — «купить курсы». Изменения, нашедшие отражение в повседневной речи, свидетельствуют о значительном сдвиге представлений. Представления о высоком уровне знаний, опыте работы и стажировках

как о конкурентных преимуществах претерпели незначительные изменения по сравнению с 2015 годом: 54%, 29% и 14% соответственно.

В рамках обсуждения вопроса о динамике связи и взаимодействия рынка труда и института образования большой интерес представляет анализ выбора ответов респондентов на вопрос о конкурентных преимуществах в зависимости от наличия опыта работы по специальности. Значимые расхождения во взглядах на конкурентные преимущества при трудоустройстве молодых людей, уже включившихся в реальный рынок труда, и тех, кто узнает о нем теоретически, в том числе и главным образом в университетах, где они обучаются и приобретают специальность, свидетельствуют о слабой или искажённой связи между двумя основными «игроками» — рынком труда и институтом образования.

В исследовании 2015 года [21] зафиксирована чрезвычайно высокая трансформация представления молодёжи о конкурентных преимуществах с появлением опыта работы по специальности. Основной удар опыт работы в 2015 году нанёс по представлению о коммуникабельности как основном конкурентном преимуществе выпускника. Респонденты, не имеющие опыта работы, более всего возлагали надежды именно на коммуникабельность — 71%. Однако у получивших опыт работы в реальном секторе экономики этот показатель снизился более чем в два раза — до 31%. Принципиальная трансформация представлений в 2015 году коснулась и отношения к владению иностранным языком как основному конкурентному преимуществу. До приобретения опыта работы по специальности владение иностранным языком считали таковым 67% респондентов, среди «опытных» выпускников — 33%. Подчеркнём, что исследование проводилось среди выпускников вузов г. Саратова — города с традиционно слабым акцентом на международной деятельности.

В исследовании 2025 года разница между представлениями молодёжи, имеющей опыт работы, и без него также имеет место, но не может быть артикулирована как столь существенная, какой она была по некоторым позициям в 2015 году. Коммуникабельность и иностранные языки как конкурентные преимущества в представлениях современных выпускников Саратова утратили свои лидирующие позиции независимо от наличия опыта работы. Однако новая мода — «курсы» — проходит тот же путь. Так, среди не имеющих опыта работы выпускников на «прохождение курсов» как основное конкурентное преимущество рассчитывают почти 90% респондентов, тогда как среди тех, кто такой опыт приобрёл, оптимизм по отношению к «курсам» снижается до 39%. Таким образом, несмотря на тот факт, что мода на представления о рынке труда и конкурентные преимущества имеет место, можно констатировать некоторое сближение представлений о рынке труда выпускников с реальностью.

Критика существующей системы образования в современном российском обществе приобрела устойчивый характер. Часто эта критика объективна и конструктивна и несёт важную миссию обратной связи, стимулируя необходимые изменения в образовательных институтах по совершенствованию их работы. С другой стороны, нередки случаи поверхностной, непродуманной критики, вредной уже потому, что она отвлекает внимание от действительно важных сторон деятельности образовательных институтов, нуждающихся в коррекции. Следует признать и подчеркнуть, что эффективное функционирование рынка труда не может определяться только работой института образования, необходимы комплексные меры, направленные на создание условий для адаптации молодых специалистов к требованиям рынка и повышения их конкурентоспособности.

Выводы. Проведённое исследование показало, что в представлениях о рынке труда выпускников вузов г. Саратова за период с 2015 по 2025 год произошли некоторые изменения. Несоответствие между реалиями и представлениями о рынке труда, зафиксированное в первой волне исследования (2015 год), сохранилось, хотя и содержательно трансформировалось.

Среди основных каналов поиска работы остались личные знакомства (семейные связи по-прежнему являются основным каналом поиска первой работы) и интернет (направление поиска к 2025 году сформировалось вокруг известных сайтов). Критериями, по которым работа определяется как желательная, традиционно служат карьерный рост и зарплата. Важно отметить, что горизонт планирования своей карьеры остаётся коротким, что является важным маркером реалистичности представлений о рынке труда.

Наиболее рельефно ошибки представлений заметны в видении конкурентных преимуществ. Эти представления изменились, но мало приблизились к реальности, оставаясь под влиянием моды и рекламы. Ошибочные ориентиры выпускников, выделяющих в качестве главного конкурентного преимущества в борьбе за рабочее место то коммуникабельность в 2015 году, то «покупку курсов» в 2025 году, отодвинув на второй план профессиональные знания и стажировки, не будут способствовать гармоничному вхождению молодых специалистов в рынок труда. Искажённые представления при столкновении с реальностью формируют разочарование, фрустрацию и снижение мотивации и самооценки [18].

«Мода на представления» о рынке труда среди молодёжи, как и любая мода, изменчива по своей сути. Её изменения выглядят как своевременный отклик на новизну. Однако многие из модных представлений, обещающих быстрый успех, не только не несут в себе истинного потенциала, но и снижают значимость действительно важных факторов и направлений. В этом разрезе «иностранные языки» и «коммуникабельность» в региональных вузах в 2015 году и «покупка курсов» в 2025 году, воспринимаясь как основные карьерные преимущества, демонстрируют модные тенденции, дающие удовлетворение на этапе размышлений и приводящие к разочарованиям при реальном трудоустройстве. Точки роста в сложившихся условиях заключаются в информировании выпускников о реальном положении дел на рынке труда, а также в ориентированности студентов старших курсов на реальный сектор экономики — действующие организации.

Библиографический список

1. *Гайфуллин А. Ю.* Социологический анализ трудоустройства выпускников вузов: имеющийся опыт и ожидания // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 3. С. 231–243. DOI [10.21869/2223-1552-2023-13-3-231-243](https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-3-231-243). EDN [IFHJEQ](https://www.edn.ru/IFHJEQ).
2. *Филина Ф. В.* Ситуация на рынке труда и проблемы повышения конкурентоспособности выпускников вузов // Вектор экономики. 2021. № 2(56). С. 51. EDN [DFGATP](https://www.edn.ru/DFGATP).
3. *Мигранова Л. И.* Тенденции современного рынка труда: анализ трудоустройства выпускников вузов // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России : Материалы XVI Международной научно-практической конференции (Уфа, 23-24 мая 2024). Уфа : УФИЦ РАН, 2024. С. 144–149. EDN [EWGMOW](https://www.edn.ru/EWGMOW).
4. *Никулина Ю. Н.* Исследование уровня профессиональной подготовленности и конкурентоспособности молодых специалистов на региональном рынке труда // Креативная экономика. 2014. № 9(93). С. 167–175. EDN [SNXTCJ](https://www.edn.ru/SNXTCJ).
5. *Буланова М. А.* Роль стратегической политики государства в формировании условий социальной мобильности работающей молодёжи // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 4(57). С. 149–157. EDN [ONIRAH](https://www.edn.ru/ONIRAH).

6. *Пугач В. Ф.* Человеческие ресурсы высшей школы России на рубеже XX–XXI веков: статистико-социологический анализ. М.: НИТУ «МИСиС», 2022. 256 с. EDN [VQFMAJ](#).
7. *Козлова М. А.* Взаимодействие системы образования и рынка труда в условиях цифровизации: соединение интересов университета и общества через концепцию employability // Современное педагогическое образование. 2024. № 2. С. 197–201. EDN [LQTFOG](#).
8. *Пак Л. Г., Кочемасова Л. А., Соколова Ю. А.* Акмеологическая концепция социально-педагогического содействия трудоустройству выпускников вузов: от теории к практике // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 4(44). С. 373–389. DOI [10.32516/2303-9922.2022.44.19](#). EDN [RCTEOS](#).
9. *Сергеева В. Ю., Абрамов А. П.* Социальная рефлексия студентов курских вузов о перспективах трудоустройства (по результатам исследований в Юго-Западном государственном университете) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2019. Т. 9, № 4(33). С. 194–201. EDN [QTHDXJ](#).
10. *Охтова И. М.* Подготовка и трудоустройство выпускников экономических вузов: современное состояние и перспективы // Вестник ИЭАУ. 2020. № 27. С. 9. EDN [DOCNLT](#).
11. *Белаш О. Ю., Баскакова Д. Ю.* Выпускники технических вузов на рынке труда: требования работодателей // Инновации. 2021. № 6(272). С. 90–95. DOI [10.26310/2071-3010.2021.272.6.011](#). EDN [XLYYWQ](#).
12. Выпускники высшего образования на российском рынке труда: тренды и вызовы : Доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2022 г. / Н. К. Емелина, К. В. Рожкова, С. Ю. Рошин [и др.]. М.: НИУ ВШЭ, 2022. 160 с. EDN [FKUTTF](#).
13. *Токарева Е. Ю.* Особенности трудоустройства выпускников российских высших учебных заведений // Наука молодых – будущее России : сб. научных статей международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых: в 3 т. (Курск, 15–16 декабря 2016). Т. 1. Курск : Университетская книга, 2016. С. 367–370. EDN [XGZPGJ](#).
14. *Богачева Н. В., Сивак Е. В.* Мифы о «поколении Z» // Современная аналитика образования. 2019. № 1(22). С. 1–64. EDN [VBYUTA](#).
15. Влияние цифровых коммуникаций на формирование профессиональной культуры российской молодежи: результаты комплексного прикладного исследования / Е. В. Бродовская, А. Ю. Домбровская, Р. В. Пырма [и др.] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1(149). С. 228–251. DOI [10.14515/monitoring.2019.1.11](#). EDN [GGPMUI](#).
16. *Митрофанова Е. А., Митрофанова А. Е.* Молодежь на рынке труда // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2021. Т. 10, № 6. С. 72–78. DOI [10.12737/2305-7807-2022-10-6-72-78](#). EDN [UIQWHM](#).
17. *Кочкарев В. М.* Трудоустройство молодых специалистов: проблемы и механизмы их преодоления // Общество, экономика, управление, право: вызовы современности и перспективы развития : Материалы XI Международной научно-практической конференции (Рязань, 17 апреля 2025). М.: МУИВ, 2025. С. 369–374. EDN [VTNGIC](#).
18. *Артамонова М. В., Ламбаева И. А.* Обаяние требований выпускников российских вузов к рынку труда // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование : материалы Всероссийской научной конференции к 35-летию социологического образования в России (СПб, 14–16 ноября 2024). СПб : Скифия-принт, 2024. С. 997–1000. EDN [RPCTNI](#).
19. *Назифова М. А., Евсенкина Ю. М.* Положение выпускников вузов Рязанской области на рынке труда // Современные технологии в науке и образовании – СТНО-2025 : Сборник трудов VIII Международного научно-технического форума. В 10 т. (Рязань, 04–06 марта 2025). Т. 7. Рязань : РГПУ, 2025. С. 11–16. EDN [QJFIOS](#).
20. *Иониди Л. В., Чалова А. А.* К вопросу о трудоустройстве выпускников ставропольских вузов // Актуальные вопросы современной цифровой науки: теория, практика, инноватика : Материалы международной научно-практической конференции (Ставрополь, 24 апреля 2025). Краснодар : РЭА, 2025. С. 121–127. EDN [WMFOBO](#).

21. *Смирнов Р. Г.* Интеграция выпускников вузов в контексте регионального рынка труда (на примере г. Саратова) // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2016. № 4. С. 133–136. EDN *XGVKGN*.

Поступила: 17.09.2025. Доработана: 26.12.2025. Принята: 22.01.2026.

Сведения об авторе:

Барановская Татьяна Вячеславовна, доктор социологических наук, учёный секретарь, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. btv20100404@mail.ru
Author ID РИНЦ: [211324](#); ORCID: [0000-0002-4528-0814](#)

T. V. Baranovskaya¹

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

PERCEPTIONS OF THE LABOR MARKET OF UNIVERSITY GRADUATES IN DYNAMICS

Abstract. The perceptions of university graduates about the labor market in their region are an important object of research: on the one hand, studying the labor orientations of young people allows us to predict processes in the labor market in the future, on the other hand, it helps to understand the situation and potential problems with the labor force in the regions. The article presents an analysis of the views of university graduates on the labor market, based on two waves of research in 2015 and 2025 in Saratov using a questionnaire survey method. Significant changes in views over the period under study following the transformations of the labor market were revealed. The changes concerning the ideas of Saratov graduates about career advantages, recorded in 2015 and 2025, are particularly striking. In 2015, the most popular positions were “communication skills” and “proficiency in foreign languages”, in 2025 — completing advanced training courses. Fashion and advertising continue to play a major role in graduates’ perceptions of the labor market, which can reduce motivation and have a frustrating effect on young people when faced with real employment.

Keywords: youth, labor market, motivation, university graduates, education

For citation: Baranovskaya T. V. Perceptions of the labor market of university graduates in dynamics. *Science. Culture. Society*. 2026;32(1):8–16. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.1>

References

1. Gayfullin A. Yu. Sociological analysis of employment of university graduates: Existing experience and expectations. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics. Sociology. Management*. 2023;13(3):231–243. (In Russ.). DOI [10.21869/2223-1552-2023-13-3-231-243](https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-3-231-243).
2. Filina F. V. Situation on the labor market and problems of increasing the competitiveness of university graduates. *Vector Economy*. 2021;(2):51. (In Russ.).
3. Migranova L. I. Trends in the modern labor market: analysis of the employment of university graduates. In: Innovative technologies for managing the socio-economic development of Russian regions. Proceedings of the XVI International Scientific and Practical Conference. Ufa: UFIC RAN; 2024. P. 144–149. (In Russ.).
4. Nikulina Yu. N. The study of professional qualifications and competitiveness of young specialists in the regional labor market. *Creative Economy*. 2014;(9):167–175. (In Russ.).
5. Bulanova M. A. The role of strategic policy of the state in the forming of conditions of the social mobility of the working young people. *Power and Administration in the East of Russia*. 2011;(4):149–157. (In Russ.).
6. Pugach V. F. Human resources of higher education in Russia at the turn of the XX-XXI centuries: statistical and sociological analysis. Moscow: NITU MISIS; 2022. (In Russ.).
7. Kozlova M. A. Interaction between the education system and the labor market in the context of digitalization: connecting the interests of the university and society through the concept of employability. *Modern Pedagogical Education*. 2024;(2):197–201. (In Russ.).

8. Pak L. G., Kochemasova L. A., Sokolova Yu. A. Acmeological concept of social and pedagogical assistance to the employment of university graduates: from theory to practice. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*. 2022;(4):373–389. (In Russ.). DOI [10.32516/2303-9922.2022.44.19](https://doi.org/10.32516/2303-9922.2022.44.19).
9. Sergeeva V. Yu., Abramov A. P. The social reflection of students of Kursk universities about emergency attitudes (on the results of research in Southwest State University). *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economy. Sociology. Management*. 2019;9(4):194–201. (In Russ.).
10. Okhtova I. M. Preparation and employment of graduates of economic universities: current state and prospects. *Vestnik IEAU*. 2020;(27):9. (In Russ.).
11. Belash O. Yu., Baskakova D. Yu. Graduates of engineering university in the labor market: employers' requirements. *Innovations*. 2021;(6):90–95. (In Russ.). DOI [10.26310/2071-3010.2021.272.6.011](https://doi.org/10.26310/2071-3010.2021.272.6.011).
12. Emelina N. K., Rozhkova K. V., Roshchin S. Yu. [et al.] Higher education graduates in the Russian labor market: trends and challenges: report for the XXIII Yasinskaya (April) international scientific conference on problems of economic and social development, Moscow, 2022. Moscow: HSE; 2022. (In Russ.).
13. Tokareva E. Yu. Features of employment of graduates of Russian higher educational institutions. In: Science of the young is the future of Russia. Coll. of scientific articles of the international scientific conference of promising developments of young scientists: in 3 vol. Vol. 1. Kursk: Universitetskaya kniga; 2016. P. 367–370. (In Russ.).
14. Bogacheva N. V., Sivak E. V. Myths of Generation Z. *Sovremennaya analitika obrazovaniya*. 2019;(1):1–64. (In Russ.).
15. Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Yu., Pyrma R. V. [et al.] The impact of digital communication on Russian youth professional culture: results of a comprehensive applied study. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2019;(1):228–251. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2019.1.11](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.11).
16. Mitrofanova E. A., Mitrofanova A. E. Young in the labor market. *Management of the personnel and intellectual resources in Russia*. 2021;10(6):72–78. (In Russ.). DOI [10.12737/2305-7807-2022-10-6-72-78](https://doi.org/10.12737/2305-7807-2022-10-6-72-78).
17. Kochkarev V. M. Employment of young professionals: problems and mechanisms of their overcoming. In: Society, economics, management, law: modern challenges and development prospects. Proceedings of the XI International scientific and practical conference. Moscow: MUIV; 2025. P. 369–374. (In Russ.).
18. Artamonova M. V., Lambaeva I. A. The charm of Russian university graduates' demands on the labor market. In: Sociology in a changing world: theory, practice, education. Proceedings of the All-Russian scientific conference dedicated to the 35th anniversary of sociological education in Russia. St. Petersburg: Skifiya-print; 2024. (In Russ.).
19. Nazifova M. A., Evsenkina Yu. M. Position of university graduates of the Ryazan region in the labor market. In: Modern technologies in science and education – STNO-2025. Coll. of works of the VIII International scientific and technical forum. In 10 vol. Vol. 7. Ryazan: RGRTU; 2025. P. 11–16. (In Russ.).
20. Ionidi L. V., Chalova A. A. On the issue of employment of graduates of Stavropol universities. In: Current issues of modern digital science: theory, practice, innovation. Proceedings of the international scientific and practical conference. Krasnodar: REA; 2025. P. 121–127. (In Russ.).
21. Smirnov R. G. Integration of university graduates in the context of the regional labor market (on the example of Saratov). *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*. 2016;(4):133–136. (In Russ.).

Received: 17.09.2025. Corrected: 26.12.2025. Accepted: 22.01.2026.

Author information:

Tatiana V. Baranovskaya, Doctor of Sociology, Academic Secretary, Main Researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia. btv20100404@mail.ru
ORCID: [0000-0002-4528-0814](https://orcid.org/0000-0002-4528-0814)

М. А. Подлесная¹, И. В. Ильина²

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

² Тюменский государственный университет. Тюмень, Россия

ТЕЗАУРУС МОЛОДЁЖНОЙ ПОЛИТИКИ В ВОСПРИЯТИИ СПЕЦИАЛИСТОВ: ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ МОЛОДЁЖИ КАК АКТОРА ИЛИ АГЕНТА СОЦИАЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Молодёжная политика проходит значительные преобразования, направленные не только на соответствие современным вызовам, но и на формирование условий для жизнедеятельности и самореализации новых поколений. Состояние данной сферы непосредственно связано с перспективами развития страны и с ролью молодёжи как субъекта социального действия, способного реализовать эти перспективы. Теоретической основой исследования выступают тезаурусный подход и концепция диалектики социального действия. Методы исследования включали проведение фокус-групп с представителями региональных министерств и комитетов, руководителями организаций, работающих с молодёжью, а также анализ нормативных правовых актов. Выявлено, что молодёжная политика как сфера государственной деятельности находится в стадии реформирования и стандартизации, что приводит к трудностям с чётким определением её целей и задач как у специалистов и руководителей, так и на уровне законодательной базы. Наблюдаются проблемы с идентификацией потребностей молодёжи и разработкой чётких критериев оценки эффективности молодёжной политики. В риторике ответственных лиц молодёжь зачастую представляется как пассивная социальная группа, нуждающаяся в поддержке и контроле со стороны государства, а не как активный субъект — актор социального действия. Несмотря на определённое внимание к критерию «своевременного взросления» и становлению как самостоятельного экономического субъекта, в концептуальном тезаурусе профильных специалистов отсутствует выраженное понимание широкой миссии молодёжи в развитии страны. Исследование обосновывает необходимость переосмысления роли молодёжи не только как объекта, но и как активного субъекта социального действия, что должно найти отражение в стратегиях государственной политики. Результаты вносят вклад в научное понимание текущих вызовов молодёжной политики России, в том числе в контексте разработки стандартов качества услуг.

Ключевые слова: молодёжная политика, социология молодёжи, тезаурусный подход, концепция диалектики социального действия, актор, агент, фокус-группа, работа с молодёжью, специалисты молодёжной политики, субъектность

Для цитирования: Подлесная М. А., Ильина И. В. Тезаурус молодёжной политики в восприятии специалистов: позиционирование молодёжи как актора или агента социального действия // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 1. С. 17–35. DOI [10.19181/nko.2026.32.1.2](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.2). EDN [XMPADM](https://edn.ras.ru/XMPADM).

Благодарность: Авторы статьи выражают благодарность сотрудникам «Росмолодёжи» за возможность обсуждения проекта, руководству и сотрудникам АНО «СУВАГ» за подготовку и проведение полевых работ.

Введение. В июле 2024 года «Росмолодёжь» выступила инициатором разработки стандарта качества оказания услуг учреждениями молодёжной политики. Подготовка и написанию стандарта предшествовало социологическое исследование, проведённое сотрудниками Института социологии ФНИСЦ РАН. Исследование включало несколько этапов: фокус-группы с представителями региональных министерств, комитетов и учреждений молодёжной политики

(14 и 10 участников соответственно); анализ документов и научной литературы советского и постсоветского периодов в области молодёжной политики; а также экспертный опрос специалистов, непосредственно работающих с молодёжью (n=345), результаты которого не включены в анализ данной статьи. Здесь мы сосредотачиваемся на данных, полученных в результате фокус-групп и анализа документов.

Заявка на разработку стандарта качества оказания услуг учреждениями молодёжной политики отражает не только государственные интересы обеспечения суверенитета, включая международные аспекты, но и отвечает внутренним нуждам молодёжной политики, признавшей необходимость стандартизации¹. Многолетняя практика «свободного плавания»², характеризующаяся отсутствием жёсткой регламентации деятельности молодёжных учреждений, стала рассматриваться как недостаточно эффективная и не позволяющая оценить результаты молодёжной политики России в целом. Это поставило на повестку важные вопросы: цели современной молодёжной политики в России; понятие качества и эффективности услуг молодёжных организаций; определение молодёжи с учётом региональной неоднородности и демографических вызовов; а также актуальность концепции самореализации молодёжи, особенно в условиях продолжающегося военного конфликта и сохраняющейся угрозы безопасности.

Исследование также акцентирует необходимость стратегического понимания современности в контексте технологических укладов, цифровизации, демографии и рисков развития, а также роли России как субъекта международного процесса — активного или пассивного. Важен анализ качеств, мышления, ценностей и готовности молодёжи к социальному действию.

Методология и методы исследования. Среди многочисленных современных отечественных исследований, посвящённых молодёжи и молодёжной политике [2; 3; 4], особое место занимают работы В. А. Лукова, в частности, его докторская диссертация [5], в которой были изложены основные исследовательские разработки автора в этом направлении, и наиболее свежая его монография 2021 года в соавторстве с С. В. Луковым и Д. А. Тихомировым «Формирование и реализация государственной молодёжной политики в современной России». Методология нашего исследования базируется на тезаурусном подходе, предложенном В. А. Луковым, согласно которому тезаурус — это систематизированные знания субъекта, структурированные не по общему и частному, а через ценностные разделения «своё» и «чужое» [6]. Это позволяет создавать чёткие дефиниции ключевых понятий молодёжной политики, категоризировать молодёжь по социальным и культурным признакам, исследовать взаимосвязи в молодёжном сознании и разрабатывать концептуальные модели молодёжной среды [1]. В соответствии с

¹ Заметим, что решения о стандартизации отрасли принимались и прежде. Например, в 2010 году Департаментом молодёжной политики и общественных связей Министерства спорта, туризма и молодёжной политики Российской Федерации был разработан «Базовый отраслевой перечень государственных услуг (работ), оказываемых (выполняемых) федеральными государственными учреждениями сферы молодёжной политики». Были предложены также примерные стандарты оказания услуг, рекомендуемые в соответствии с действующим законодательством. Подробнее об этом см. [1, с. 176].

² В отдельных работах говорится о противоречивой российской ситуации, которая складывается под влиянием общественных перемен, в результате чего происходит регулярная трансформация молодёжной политики. То есть позиция «свободного плавания» в данном случае — такая ситуация, при которой нет определённости и жёсткой регламентации деятельности учреждений молодёжной политики со стороны государства. См. [1, с. 25].

обозначенным подходом социологом была предложена собственная методология: 1. формирование терминологического аппарата, при котором происходит создание чётких дефиниций ключевых понятий, связанных с молодёжью, её особенностями, проблемами и перспективами развития; 2. категоризация (разделение понятия «молодёжь» на отдельные категории, такие как возрастная группа, социальные роли, жизненные стратегии, культурные предпочтения и др.); 3. анализ связей между терминами, то есть изучение взаимосвязей между различными категориями и аспектами молодёжного сознания, поведения и деятельности; 4. создание модели, заключающееся в формулировании концептуальной схемы, отражающей структуру и динамику молодёжной среды [5, с. 42].

Молодёжь авторами тезаурусного подхода рассматривается как социальная группа с развитой культурной жизнью, способная к гибкому взаимодействию с разными тезаурусами и переключениям в них. Однако подобные переключения при взаимодействии с другими тезаурусами происходят в том случае, если они не представляются как «чуждое» (термин введён авторами подхода), то есть не являются чем-то неприемлемым для субъекта и его картины мира, не видятся субъекту как опасное для «своего» [1, с. 152–153]. Таким образом, при переключении всё же происходит процесс согласования тезаурусов на предмет «своего», «чужого», «чуждого». Иногда этот выбор ситуативный, зависящий в том числе от обстоятельств.

В результате исследования авторы упомянутой монографии пришли к ряду важных выводов, отмечая, что «социокультурная субъектность молодёжи в современном российском обществе основывается: 1) на противоречивом сочетании коллективизма советской эпохи и индивидуализма постсоветского периода; 2) большом разрыве образов и стилей жизни городской и сельской молодёжи, молодёжи, проживающей в мегаполисах и малых городах и поселениях, в культурных центрах и на периферии, чему соответствует и разрыв в реализации социальной субъектности в зависимости от достигнутого уровня развития территории в аспекте информационного общества (цифровой экономики и т.д.); 3) принципиальном сходстве конфигурации ценностных ориентаций в различных социальных и культурных средах российских территорий» [1, с. 98].

В связи с выявленными социокультурными особенностями современной российской молодёжи, которая, проживая в экономически и культурно неоднородных регионах России, придерживается одновременно отличных и схожих стилей жизни, стандартизированных, а в иных случаях уникальных взглядов, авторы упоминаемого исследования указывают на то, что и молодёжная политика по своим задачам должна следовать в сторону повышенного внимания к ценностным ориентациям молодёжи. Это обуславливает прогноз на возрастание актуальности тематики воспитания, где доминирующей становится парадигма социокультурной субъектности молодёжи в коллективе сверстников, с её основополагающими тезаурусами и связанными с ними картинами мира. В этом плане возникает необходимость поддержания, с одной стороны, преемственности поколений, с другой, развития инноваций, о сохранении связи с наследием прошлого и открывающихся путей реализации молодёжного потенциала в стратегиях выстраивания будущего [7, с. 285–286].

Второй аспект наших исследовательских рассуждений касается не регулирования текущего взаимодействия молодёжи с современностью, а необходимости сохранения преемственности поколений и исторического наследия. Особенно учитывая, что одним из наблюдений упоминаемого нами выше исследования

о социокультурных чертах современной молодёжи является противоречивость современной молодёжи, обусловленная сочетанием коллективистских установок советской эпохи и индивидуалистических черт постсоветского периода. Как минимум в первых поколениях современной российской молодёжи (реформенных и миллениалах) сохраняется, пусть и противоречивая, связь с ценностными идеалами советского общества, что свидетельствует о более глубокой культурной укоренённости советской модели, чем простое физическое воспроизведение образа «советского простого человека» [8; 9]. Это указывает на то, что советская культура, несмотря на этапы трансформации и дистанцирования от имперского прошлого, всё же содержит в своей основе многовековые архетипические элементы русской национальной культуры.

Важным в этом контексте представляется ретроспективный анализ О. В. Аксёновой, которая выявляет диалектику социального действия как единство свободы и алгоритма: с одной стороны, социальное действие включает акторский компонент — способность к творческим и нестандартным решениям, выходящим за рамки инструкции; с другой — агентский компонент — действие по регламентированным алгоритмам и стандартам [10]. Среди факторов, влияющих на преобладание того или иного типа социального действия, — экономическая направленность, уровень модернизации и качество технологического развития, что реализуется через образовательные и воспитательные системы. С середины XX века в развитых странах наблюдается стремительное развитие технологических систем, в связи с чем и усиление агентского типа социального действия с характерным алгоритмическим мышлением и снижением творческой субъектности [11]. Последнее связано непосредственно с сутью технологической системы, которая организована достаточно просто, алгоритмически. В этом смысле сложность человеческого мышления, особенно нестандартного, становится помехой, ведущей к дополнительным рискам. Упрощение и стандартизация в массе — одна из задач общества, нацеленного на дальнейшее развитие технологий и активную цифровизацию. Как замечает Аксёнова, для России на протяжении веков было характерно преобладание акторского типа социального действия, что определялось множеством факторов, в частности, большими территориями, сложностями климата, довольно частой необходимостью жизни на преодоление (многочисленные оборонительные войны, восстановление после них, неурожаи, голод и т.д.), особой системой управления, где наблюдалась одновременно централизация и децентрализация власти с её перераспределением через воспроизводимого этой же системой актора. Это не исключает наличие агентского типа, но преобладание того или иного типа действия определяется особенностями мышления и степенью субъектности.

Диалектика акторско-агентских типов социального действия проявляется также в соотношении коллективизма и индивидуализма в организации социальной жизни. По мнению Аксёновой, российская социальная система, в том числе в советский период, и отчасти в настоящее время, характеризуется симбиозом культурных и системных элементов, что формирует более сложные формы социальной организации, нежели простое противостояние индивидуализма и коллективизма. Этот симбиоз проявляется, к примеру, в индивидуализме, ориентированном на общественное благо [12]. Анализ современных исследований, включая работы В. А. Лукова, демонстрирует, что дихотомия коллективизм/индивидуализм среди российской молодёжи имеет противоречивый и комплексный характер, который не сводится к новизне последних десятилетий, а является исторически обусловленным и культурно укоренённым явлением.

При анализе и стандартизации молодёжной политики важно учитывать два ключевых концепта: во-первых, наличие ярко выраженных тезаурусов современности, а во-вторых, сложность влияния исторического наследия, проявляющегося через акторско-агентские императивы. Поскольку мы изучали не саму молодёжь, а тех, кто с нею работает и организует молодёжную политику, особенно важно было разобраться с тем, каков тезаурус непосредственно её учредителей и исполнителей, и насколько в их картине мира присутствует представление о молодёжи как об активно действующем акторе. С этой целью в ходе фокус-групп (как с представителями региональных министерств (14 чел.), так и с руководителями учреждений молодёжной политики на местах (10 чел.)) модератором зондировалось, что такое молодёжная политика, с какой целью она осуществляется, как понимается участниками молодёжь, какова её региональная специфика, что сегодня может быть свидетельством успешно проводимой молодёжной политики в России и т.д. При этом для нас было важно определить не только тезаурус современных управленцев в области молодёжной политики относительно их профессионального интереса, но и то, как этот тезаурус складывался в советское и в настоящее время. Был проведён традиционный анализ документов для изучения и сопоставления соответствующих определений (молодёжная политика, её цели, молодёжь и требования к ней, субъекты молодёжной политики и т.д.), представленных в официальных документах, распоряжениях, научной литературе советского и постсоветского периодов. Сравнительный анализ официальных документов советского и постсоветского периодов позволил выявить эволюционные изменения и современные ориентиры в государственном понимании молодёжной политики.

Тезаурусы советских и российских официальных источников о молодёжной политике. Под молодёжной политикой, согласно Федеральному закону от 30.12.2020 № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации», понимается:

«комплекс мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового, научного и иного характера, реализуемых на основе межведомственного взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления при участии институтов гражданского общества, юридических лиц независимо от их организационно-правовых форм и граждан Российской Федерации, в том числе индивидуальных предпринимателей, и направленных на создание условий для развития молодёжи, её самореализации в различных сферах жизнедеятельности, на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодых граждан в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности Российской Федерации»³.

Акцент в данном определении делается на молодёжной политике как деятельности, исходящей от государства и органов местного самоуправления, на

³ Федеральный закон от 30.12.2020 г. №489-ФЗ «О молодёжной политике в РФ» (В редакции федеральных законов от 22.04.2024 № 95-ФЗ, от 28.12.2024 № 550-ФЗ, от 23.07.2025 № 258-ФЗ) // Президент России: [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения: 14.05.2025).

правленной на поддержку молодёжи, регулирование её сознания и поведения, организацию её активности. Конечной целью такой политики выступает обеспечение устойчивого социально-экономического развития, конкурентоспособности и безопасности страны. Научная литература также уточняет цель молодёжной политики как развития молодёжи для достижения могущества России [13].

В Советском Союзе основным субъектом управления молодёжью был ВЛКСМ (Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодёжи) или комсомол, находившийся под патронажем КПСС [14]. Действуя на основании Устава, организация ориентировалась на выборность, добровольность, самоуправление и связь с членами на разных уровнях; она имела разветвлённую структуру, охватывающую всю территорию СССР от первичных подразделений до общесоюзных органов.

В современной России субъектами молодёжной политики, согласно ФЗ «Омолодёжной политике в Российской Федерации», являются молодёжь, молодые семьи, молодёжные общественные объединения, федеральные и региональные органы власти, органы местного самоуправления, а также прочие организации, работодатели, профсоюзы, СМИ и отдельные граждане, включая индивидуальных предпринимателей. В отличие от централизованной советской системы, современная молодёжная политика характеризуется децентрализацией и распределением ответственности среди множества субъектов.

Тем не менее, несмотря на заявленную субъектность молодёжи в современном законодательстве, она зачастую выступает скорее объектом, чем активным субъектом молодёжной политики, являясь адресатом различных программ и инициатив.

В период СССР приоритетной задачей комсомола было идеологическое воспитание молодёжи на основе ценностей патриотизма, деятельности на благо страны, защиты Родины и готовности служить ей, в том числе и жизнью (Устав ВЛКСМ):

«готовым отдать для неё все свои силы, а если понадобится — жизнь, крепить мощь Вооружённых Сил СССР, изучать военное дело, проявлять бдительность, хранить государственную тайну»⁴.

Также важны были такие нравственные ценности, как общественный долг, взаимопомощь, честность, нравственная чистота, уважение в семье и борьба с социальными пороками. Члены комсомола должны были проявлять дисциплинированность, самокритику, быть примером в учёбе, труде и физической деятельности.

Другой ключевой задачей было повышение гражданской активности молодёжи через участие в общественно-полезной деятельности, содействие трудоустройству и организации досуга, подкреплённое активным участием комсомола в строительстве и развитии страны. В Уставе ВЛКСМ читаем:

«Комсомол принимает активное участие в создании материально-технической базы коммунизма, во всем государственном и хозяйственном строительстве, в освоении природных богатств нашей страны, в строительстве новых городов, заводов, фабрик, рудников, в дальнейшем подъёме сельского хозяйства, в развитии науки, культуры и искусства»⁵.

⁴ Устав ВЛКСМ. URL: <https://web.archive.org/web/20120418201519/http://komsomol.front.ru/files/ustav.html> (дата обращения: 14.05.2025).

⁵ Там же.

Современная молодёжная политика нацелена на *защиту прав и интересов молодёжи, на создание условий для её духовного, культурного, интеллектуального, психического, профессионального, социального и физического развития и самореализации, и создание условий для участия в разных областях общественной жизни*. Подчеркнём, условия могут быть, однако мотивация при этом может отсутствовать. Также для современной молодёжной политики важной задачей является *поддержка молодых семей и формирование культуры семейных отношений для улучшения демографической ситуации* в Российской Федерации⁶. При этом не хватает мотивационно-ценностной составляющей, поэтому открытым остаётся вопрос: что же будет вдохновлять молодых людей на повышение рождаемости? Современный официальный тезаурус молодёжной политики представляется менее конкретным и вдохновляющим по сравнению с советским.

Кроме того, современные задачи молодёжной политики включают борьбу с рисками и угрозами, такими как экстремизм, ксенофобия, коррупция и дискриминация, что отражает глобальные тренды повышения социального риска [15]. В федеральном законе «О молодёжной политике...» есть такая цель:

«...формирование системы нравственных и смысловых ориентиров, позволяющих противостоять идеологии экстремизма, национализма, проявлениям ксенофобии, коррупции, дискриминации по признакам социальной, религиозной, расовой, национальной принадлежности и другим негативным социальным явлениям».

Несмотря на важность учёта рисков, есть ограничения по тексту самого закона, так как из текста складывается впечатление, что нравственные ценности и смыслы нужны только для противостояния всему негативному, не являясь сами по себе значимыми. Таким образом подчёркивается инструментальная роль нравственных ценностей как противодействия негативным явлениям, что сужает их значение до утилитарной функции.

В СССР воспитание на основе чётко определённых идеалов и ценностей было приоритетом. В современной России акцент смещён к защите прав и самореализации, но, как известно, прежде чем реализовывать что-то, нужно это сформировать, взрастить. Хотя в современном законодательстве встречаются общие упоминания о нравственных ориентирах (патриотизме, гражданственности, преемственности традиций), конкретизация этих понятий зачастую отсутствует. Указ Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» вводит более конкретные формулировки — приоритет духовного над материальным, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и уважение, созидательный труд, крепкая семья, историческая память⁷ — но даже с этим документом современный молодёжный тезаурус не достигает ясности и уровня вдохновения советской идеологии. В итоге можно сделать следующие выводы: 1) язык ценностных и нравственных

⁶ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р. «Об утверждении Основ государственной молодёжной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Гарант.Ру. URL: <https://base.garant.ru/70813498/>; Основы государственной молодёжной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Правительство России: [официальный сайт]. URL: <http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 14.05.2025).

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России: [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 14.05.2025).

ориентиров советского времени конкретнее, чем современного (даже с учётом добавлений из указа Президента); 2) активное внедрение данных ценностей пока не затронуло в полной мере современную молодёжную политику, так как её приоритет не воспитательный (хотя в исследовании Вл. Лукова прогнозируется в ближайшем будущем усиление именно воспитательной компоненты).

Сравнительный анализ демонстрирует, что направления деятельности молодёжной политики в советский и современный периоды схожи (патриотическое и нравственное воспитание, общественная активность, образование, досуг). Однако к современным задачам добавилось противодействие негативному влиянию информационных потоков и угрозам безопасности. Кроме того, как показывает анализ официальных текстов молодёжной политики советского и российского периодов, в СССР деятельность комсомола была ориентирована на всю молодёжь, которую и формировали как инициативную и одарённую, при этом большая часть деятельности молодёжи того времени определялась как добровольческая. В настоящее время молодёжь и работа с ней дифференцируются, кластеризуются, приоритетной деятельностью при этом признается волонтерство со всеми сопутствующими данному термину организационными и управленческими принципами.

В СССР требования к молодёжи были высоки: она должна была самоотверженно служить комсомолу и государству, активно участвовать в жизни общества, а КПСС — выступать руководителем и наставником. Во всех сферах жизни общества, как отмечается основоположником идеи государственной молодёжной политики, её теоретического и правового обоснования, И. М. Ильинским⁸, присутствовало патерналистическое отношение к молодёжи [13; 16; 17]. В современной России молодёжь, формально признаваемая субъектом молодёжной политики, остаётся во многом объектом управленческих воздействий, а в официальной речи управленцев встречается понятие экономической лексики «потребитель», охватывающее не только молодёжь, но и социально уязвимые категории граждан (малоимущие молодые семьи, участники СВО определённого возраста и т.д.).

Преимуществом возрастных организаций и идеологическая социализация в СССР способствовали формированию активной, инициативной молодёжи, сыгравшей роль в исторических победах и развитии страны. В современности отсутствует чёткая концепция развития молодёжной политики, что подтверждается результатами фокус-групп, отражающих ограниченность стратегического планирования, системности и согласованности в действиях структур молодёжной политики.

Таким образом, современные вызовы требуют переосмысления и конкретизации целей и ценностных ориентиров молодёжной политики для обеспечения её эффективности и социальной значимости.

Тезаурус руководителей и управленцев молодёжной политики. Тезаурус выявлен в ходе двух фокус-групп — с представителями региональных министерств, комитетов и руководителями учреждений молодёжной политики.

⁸ Результатом активной деятельности И. М. Ильинского стал Закон СССР от 16.04.1991 г. № 2114-1 «Об общих началах государственной молодёжной политики в СССР». С 1 сентября 2013 г. формально этот закон утратил свою силу в связи со вступлением в действие Федерального закона от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Но концептуально он не потерял своего значения, войдя в главных своих положениях и в новый закон. Подробнее см. [16; 17].

В процессе обсуждения понятия «молодёжная политика» уже на старте фокус-групп проявилась множественность взглядов и отсутствие единого определения, что указывает на вариативность представлений об этом.

• Среди первых опорных тезисов прозвучало определение **молодёжной политики как баланса интересов государства и молодёжи**. Один из участников подчеркнул:

«Молодёжная политика — это поиск и баланс интересов государства и молодого человека. <...> Мы понимаем, что у нас задачи ставятся государством и внутривполитическим блоком и многими другими, и в то же самое время нам надо учесть развития личностные и возможности молодого человека. Вот этим мы как раз и занимаемся, пытаемся найти точку соприкосновения: чтобы и государству было безопасно и хорошо, и чтобы молодому человеку было безопасно и хорошо» (муж., Комитет молодёжной политики Ленинградской области).

Данный нарратив акцентирует внимание на безопасности и удовлетворении интересов обеих сторон. Далее следовало конкретизирующее представление о молодёжной политике как системе, способствующей своевременному взрослению и достижению жизненного успеха молодого человека, что отвечает интересам обеих сторон. Как отмечали участники фокус-групп, крайне важно добиться своевременного взросления молодого человека, без отставаний по жизненным задачам. Подчёркивалось, что неприемлемой является иждивенческая позиция молодого человека, прошедшего через учреждения молодёжной политики, но так и не ставшего самостоятельным успешным взрослым. Результативность молодёжной политики должна определяться не только жизненным успехом молодого человека, но и совпадением с задачами государства, что обозначалось понятием маршрутизации жизненного пути:

«Мне кажется, когда мы говорим о молодёжной политике как о поиске баланса интересов государства и молодёжи, мы заведомо ставим государство в рискованную позицию. Создавая целый спектр возможностей, но не маршрутизируя по нуждам государства самого молодого человека, мы тем самым упускаем важную составляющую молодёжной политики. Создать кучу возможностей для того, чтобы человек метался в них и выбрал в конечном итоге не то, неправильно. <...> Если мы не маршрутизируемся с нуждами государства, то мы значит играем в игры с воздушными замками... Если мы сами не ставим перед собой задачу, где конкретно должен оказаться молодой человек по истечении 35 лет, то с точки зрения реализации молодёжной политики её успешность заключается в том, чтобы он определился в своей жизни раньше своих 35 лет. <...> В целом, задача государственной молодёжной политики заключается в том, чтобы ты как можно раньше повзрослел, стал самостоятельным, экономическим субъектом, завёл собственную семью...» (жен., Агентство по делам молодёжи, Пермский край).

• Кроме того, **молодёжная политика была охарактеризована как посредничество**, где соответствующие специалисты выступают как проводники, призванные донести до молодёжи возможности, часто с патерналистским оттенком. Соподчинённость проявилась в языке, где молодёжь представлена как группа, которой «нужно раскрыть глаза»:

«Молодёжная политика — проводник между государством и молодёжью, которой нужно раскрыть глаза на то, что у неё куча возможностей. А оно так и есть. Для меня как для человека — выходца из республики, это очевидно...» (муж., отдел координации и работы с молодёжными проектами, Донецкая Народная Республика).

• Важным было и понимание **молодёжной политики как системы трансляции смыслов** и воспитания, что связывалось с реализацией президентских указов и стратегий развития:

«Слово воспитание становится преобладающим в нашей работе в связи с последними указами президента и принятой стратегией до 2030 года. Понятие “единая среда”, в том числе “воспитательная среда”, которую мы должны с “Движением первых” и с системой образования создать, уходит своей историей в вопрос о самореализации молодёжи. Создание ценностей, гражданственности становятся преобладающими. Это становится самостоятельной историей внутри нашей большой истории по молодёжной политике» (муж., Агентство по делам молодёжи, Архангельская область).

Аспект воспитания молодёжной политики особенно актуален для руководителей молодёжной политики новых российских территорий. Они подчёркивали необходимость для своих областей прежде всего качественной, а не количественной оценки молодёжной политики, так как местная молодёжь ещё недостаточно интегрирована, и требуется время для отказа от прежних идеологем (связанных с украинской пропагандой) и освоения новых культурных смыслов. Однако подобная региональная специфика, по оценке других участников фокус-групп, не является распространённой. При существенных различиях российских регионов, деятельность молодёжных учреждений на их территориях не сильно разнится (исключение, как заметили участники фокус-групп, составляет Северо-Кавказский округ, имеющий свою специфику). Новые российские территории, вливаясь в пространство российского социума, переживают этап адаптации со своей оценкой эффективности — прежде всего содержательной, смысловой:

«...У нас просто в Херсонской области есть некоторые сложности, мы сейчас проходим те этапы, которые вы (обращение к руководству молодёжной политики ДНР — прим. авторов) ранее прошли. Мы радуемся, например, тому, что у нас молодёжь не прячет лиц на фотографиях, радуемся, что они выходят с российскими флагами и не выбрасывают их. То есть тут есть такие нюансы <...> Здесь нам на новых территориях, наверное, больше смысловой темой надо наполняться, а потом уже, когда мы до конца интегрируемся, к каким-либо количественным показателям переходить» (муж., управление патриотического воспитания и методического сопровождения в молодёжной среде Министерства молодёжной политики, Херсонская область).

• Ещё одно понимание молодёжной политики — **взгляд на неё как на систему с «бесшовным переходом»**, с плавным движением молодого человека из одной институциональной структуры в другую (детский сад — школа — вуз и далее), без страха «не успеть» или «не попасть». Как пояснил один из участников фокус-группы, «бесшовный переход» — это необходимость государственных органов молодёжной политики видеть траекторию и жизненный путь мо-

лодого человека как на ладони. Язык опять же выдаёт необходимость, с одной стороны, определённого контроля молодёжи со стороны государства, с другой, опеку («видеть как на ладони»):

«Хотя у нас возраст молодёжи 14–35, но в эту категорию самые разные государственные задачи попадают, начиная от стратегии развития, семейного воспитания, демографических программ до участия в спецоперации в качестве мобилизованного. И нам важно, чтобы мы не теряли человека, чтобы его траектории, его жизненный путь был для нас как на ладони» (муж., Комитет молодёжной политики Ленинградской области).

Одной из задач молодёжной политики и отчасти критерием её результативности называлась способность региональных организаций готовить кадровый управленческий резерв для своих регионов и областей. В идеале уроженцы этих территорий и активисты молодёжной политики — это будущие региональные и местные руководители.

В целом, тезаурус руководителей отражал ключевые понятия: «баланс интересов», «маршрутизация жизненного пути», «посредничество», «трансляция смыслов», «бесшовный переход» и «будущие управленческие кадры». Как можно заметить, участники фокус-групп риторически не только попадали в тезаурус официальных документов молодёжной политики РФ, который был рассмотрен выше, но и транслировали некоторые маркеры советской системы молодёжной политики: преемственность возрастных организаций (октябрята, пионеры, ВЛКСМ), ранняя социализация и идейное воспитание подрастающего поколения. Важно, что сама молодёжная политика представлялась как крайне вариативная по своим задачам система.

• **Молодёжь и взгляд на неё профильных специалистов.** Обсуждение выявило следующие представления представителей молодёжной политики о молодёжи. Во-первых, это группа определённого возраста (14–35 лет); во-вторых, неоднородная по регионам, по активности участия в мероприятиях, проводимых учреждениями молодёжной политики («актив» и «пассив»), по наличию компетенций; в-третьих, несущая риски, так как из-за неоправданных ожиданий активные лидеры могут превратиться в оппозиционеров. От молодёжи ожидают как можно более ранней самостоятельности, ответственности и своевременного становления полноценным «экономическим субъектом». В свою очередь результативность молодёжной политики связывается с грамотной маршрутизацией жизненного пути молодого человека в соответствии с запросами государства.

Перечисленные нарративы отсылают к упомянутой ранее концепции диалектики социального действия (О. В. Аксёнова), которая проявляется в том, как видят специалисты/представители сферы молодёжной политики своего реципиента, в позиции актора или агента.

Отметим, что язык выдаёт не только положительное отношение чиновников к молодёжи, но и настороженное, что проявилось, например, в описании молодёжи как группы, несущей определённые риски для государства (в случае долгого и несвоевременного взросления), или как оппозиционной части общества.

Сам факт обсуждения работы с активной и пассивной молодёжью указывает на наличие специальных техник влияния на представителей каждой из этих групп. Условно «пассивная» часть молодёжи связывается специалистами молодёжной политики с «историей равных возможностей», с мероприятиями, не

предполагающими особых навыков (как того требуют конкурсы, ориентированные на молодёжный «актив»). Вслед за этим раскрываются исторические вехи молодёжной политики, когда установка в отрасли была на работу исключительно с лидерами:

«Надо признать, что мы лет десять жили с мыслью о том, что мы работаем только с лидерским сообществом. Инструменты были заточены на то, чтобы выявить актив. И дальше в этой логике вроде бы актив должен был бы транслировать все задачи молодёжной политики. Но ребята вырастают из этой жизненной истории и у них становятся другие жизненные приоритеты. Вот и всё!» (жен., Агентство по делам молодёжи, Пермский край).

Многолетняя установка обнаружила несколько драматических моментов. Лидеры среди молодёжи не всегда соответствовали предъявляемым к ним требованиям, формально участвуя в многочисленных мероприятиях молодёжной политики, по своим компетенциям и развитию лидерами не становясь. В условиях жёсткой нацеленности на лидерство среди молодёжи на несоответствия зачастую закрывали глаза. На фокус-группах эта тематика вызвала довольно сильный отклик, отмечалось, что было время, когда лидеров от молодёжи продвигали не по заслугам, а по их «выслужливости», негласно поощряя подобный сценарий карьерного продвижения. В связи с этим можно вспомнить истории окомсомоле позднего СССР, где «выслужливость» в какой-то момент стала более значимым качеством, чем искреннее следование комсомольским идеалам [18]. Правда в отличие от позднего СССР, в современной истории это совпало не с этапом распадающейся, деградирующей государственной системы, а только формирующейся Российской Федерации.

«Да, да, да. В этом слабое место лидерских программ. Казалось бы, человек активничает, но дальше не развивается. Он на каком-то моменте стопорится и всё. И он считает, что он лидер, что ему все должны, что его должны дальше тянуть. Раньше была такая практика, наверное, сами помните, конец 2010-х годов, когда людей продвигали не по компетенциям, а по выслужливости. И эти люди как раз, вот эти лидеры и вытали из этой обоймы, и с ними проблемы то и возникают...» (муж., Комитет молодёжной политики Ленинградской области).

Говоря о несостоявшихся молодёжных лидерах, в первую очередь упоминались неоправданные ожидания и то, что часть из них оказалась «не у дел», не получив обещанного государством быстрого социального лифта. Многие в дальнейшем ушли в оппозиционные сообщества. Характерно, что наряду с «лидерами», для которых, по образному выражению, отсылающему к спортивной риторике, не хватило «скамейки», были те, кто обладал и компетенциями, и сильным характером. В их описании выделялась критичность и сложность личности, они «не велись на лозунги», но и не создавали проблем, напротив, чувствовалась отдача и польза:

«А те люди, которые имеют компетенции, с ними то как раз проблем и нет. С ними сложнее, с ними трудно начать, потому что у них, допустим, есть какое-то критичное мнение, и его надо отрабатывать реально, а не лозунгами, а с ними потом проблем как раз и нет. А вот с теми, к кому на лозунгах мы входили, и возникали потом проблемы» (муж., Комитет молодёжной политики Ленинградской области).

Отметим, что об ошибках с молодёжным лидерством говорилось в прошедшем времени, как если бы проблема была устранена, или не обнаруживала себя в настоящем.

Важно то, что тезаурус управленцев, обозначив лидерство и ориентацию на него среди молодёжи как одну из вех истории молодёжной политики, отметил и то, что лидеры бывают разными — условно подлинными и фальшивыми. Одни делают дело и меняют среду вокруг себя, другие создают имитацию. Последним, похоже, не достаёт акторского начала и способа мышления, при котором действие становится по-настоящему эффективным, полезным (в том числе с точки зрения собственных ожиданий) и творческим. При этом настоящий актер, в соответствии с высказываниями о подлинных лидерах, неудобен, сложен, критичен, требует разговора не лозунгами, а в контексте значимых для него смыслов. «Фальшивый лидер» в итоге оказывается в оппозиционных группах, будучи не способным в полной мере соблюсти ни свой личный, ни общественный интерес. То есть не проявляя ни индивидуалистической, ни коллективистской позиции, по сути, не являясь в полном смысле самостоятельным субъектом.

В контексте обсуждения молодёжи, отмечалась и проблемная неопределённость понятия «самореализация», которая затрудняет постановку целей молодёжной политики и контроль за их достижением. Указывалось, что подобная неопределённость — не столько особенность самих управленцев на местах, сколько отсутствующая официальная позиция. Язык официальных документов слабо проясняет ситуацию, предлагая крайне общие и размытые формулировки:

«И в рамках молодёжной политики абсолютно обтекаемо: самореализация молодого человека, без чётких цифр, без чётких показателей. Складывается такое впечатление, что у нас до конца даже наверху не понимают, что хотят получить от молодёжной политики. Поэтому очень сложно ставить цели и самим себе. Вы все смеётесь, но так и есть. Иногда как с этим бороться просто не понимаешь» (муж., отдел координации и работы с молодёжными проектами, Донецкая Народная Республика).

Подобные высказывания вызывали смех, свидетельствуя, что тема действительно острая и отчасти щекотливая. Таким образом, руководители и исполнители в сфере молодёжной политики находятся в ситуации, когда им не до конца ясны цели, задачи, основные термины. С этой неопределённостью, как можно предположить, связана и проблема отсутствия методики контроля. Неопределённость диктует свой формат планирования, затруднительный для некоторых специалистов молодёжной политики. Однако другими участниками фокус-групп подобная неопределённость рассматривалась как степень их собственной свободы в действиях и реализации молодёжной политики. То есть незаформулированность отрасли в условиях её относительно нежёстких управляемости и контроля со стороны государства имеет и свои преимущества.

Тезаурус чиновников молодёжной политики относительно молодёжи характеризуется тем, что в нем есть требования к молодёжи, и её качества определяются не столько возрастом, сколько способностью соответствовать предъявляемым требованиям. Основными понятиями, связанными с молодёжью, являются: лидер, лидерские сообщества, подлинный и фальшивый лидер, лидер-оппозиционер, молодёжь, несущая риски государству, актив/пассив молодёжи, мероприятия для молодёжного актива и пассива. Молодёжь рассматривается как крайне неоднородная, сложная с точки зрения своих потребностей группа. При

этом одним из главных требований как к молодёжи, так и к работе учреждений молодёжной политики остаётся своевременное взросление молодой личности, успешное вхождение в экономическую, семейную, демографическую историю страны, последовательное следование жизненным циклам. Всё должно быть вовремя и без дополнительной нагрузки на государство (последнее особо важно). Специалисты/представители молодёжной политики хотели бы так же видеть в молодёжи лидеров (так они это определяют), но не фальшивых, а подлинных. При этом сама система молодёжной политики была организована так, что фальшивое лидерство какое-то время поддерживалось. Можно предположить, что термин «лидер» не вполне удачен и не способен объяснить то, что так нравится самим руководителям молодёжной политики. Описывая «подлинного лидера», они говорили о сложной, изначально неудобной, но честной и верной своим идеалам личности. Важно не оставлять разговор о «подлинном» человеке, его ценностях и о том, какой молодой человек нужен России.

• **Тезаурус о стандартизации молодёжной политики.** Как показало обсуждение фокус-групп, процесс стандартизации отрасли связан со структурной перестройкой системы молодёжной политики. С одной стороны, определённую популярность приобрели удобные многофункциональные центры, с другой, есть заявка от государства на укрупнение многочисленных и слабо поддающихся систематизации и контролю молодёжных учреждений, среди которых много узкопрофильных. Таким образом, как видится это со стороны исполнителей, возникло желание «почистить» отрасль, убрав мелких и не вполне эффективных игроков. Происходит как будто централизация молодёжной политики по аналогии с тем, как это было в СССР, свидетельством чему может служить, например, появление таких организаций, как «Движение Первых», «Росмолодёжь», с другой, в реалиях современной капиталистически ориентированной России это иная централизация, с иными задачами. Отсюда и осторожное отношение некоторых участников фокус-групп к процессу стандартизации отрасли, ведь в итоге могут пострадать узкопрофильные и небольшие, но не менее важные учреждения молодёжной политики на местах. Укрупнение может лишить возможности пользоваться услугами учреждений молодёжной политики молодёжь вне агломераций:

«Мы как отрасль должны расти, развиваться за счёт прироста инфраструктуры. И то, что существуют такие организации, как многофункциональные центры — это хорошо, но есть и узкопрофильные. Центр психологической поддержки, стационарные лагеря, подростковые центры. При этом всякий раз нужны доказательства, что эти узкопрофильные учреждения действительно нужны. Объясню почему? <...> Постоянно на уровне государственного экономического блока существует желание схлопнуть это всё в одно учреждение. В одно или в два. То есть не расширять, а наоборот, сужать отрасль. С нашей позиции как защитников отрасли, нам хотелось бы не схлопываться, а расширяться. Для этого всякий раз нам надо доказывать, что каждое учреждение само по себе играет важную и независимую роль» (муж., Агентство по делам молодёжи, Архангельская область).

Одним из основополагающих в программе стандартизации является перечень сервисов и услуг, которыми может воспользоваться молодёжь в настоящее время. При этом акцент делается на услуге, оставляя в прошлом понятие «работ» учреждений молодёжной политики. Это вызвало отдельное обсуждение в фокус-группах. В частности, указывалось, что термин «услуга», плохо зареко-

мендовавший себя ранее в системе образования, при введении его в молодёжную политику может исказить суть работы с молодёжью.

Таким образом, тезаурус управленцев молодёжной политики отражает сложный и многогранный взгляд с признанием достижений, проблем и перспектив отрасли. Язык участников фокус-групп выдавал обеспокоенность за будущее отрасли, они не хотели бы видеть укрупнение и стандартизацию, при которых незащищённая часть молодёжи (прежде всего в отдалённых сельских регионах) остаётся без услуг молодёжной политики, а гуманистический смысл выхолащивается как из используемых терминов, так и из процесса взаимодействия с молодёжью.

Заключение. В настоящей работе с использованием тезаурусного подхода исследовались смысловые языковые конструкции российского законодательства в области молодёжной политики, включая сравнение с советским законодательством. Были проведены фокус-группы со специалистами, ответственными за молодёжную политику (руководители и заместители руководителей министерств, комитетов и директоры учреждений), что позволило проследить, каким образом формируется понимание понятий «молодёжь», «молодёжная политика» и её цели у организаторов этой политики. Цель изучения состояла в выявлении и анализе того, как на уровне законодательной и организационно-управленческой базы посредством языковых конструкций формируется и отражается понимание главного субъекта молодёжной политики — молодёжи, её запросов, перспектив и роли в развитии страны.

В дополнение к тезаурусному подходу была применена концепция диалектики социального действия, которая позволила интерпретировать данные языковых конструкций с точки зрения восприятия молодёжи либо как пассивного, либо как активного субъекта. Исследовалось, наделяет ли государство молодёжь качествами актора или агента социального действия, а также какие ожидания связаны с молодёжью — является ли она активным участником развития страны либо выполняет ограниченные и детерминированные функции.

Результаты исследования выявили, что понимание молодёжи и молодёжной политики у непосредственных учредителей, организаторов и исполнителей не является полностью сформированным. Среди руководителей, ответственных за неё, отсутствует чёткое понимание целей молодёжной политики, особенно в долгосрочной перспективе, что сказывается на ограниченности стратегического планирования, отсутствии системности и согласованности в действиях структур молодёжной политики. Выявленная неопределённость создаёт риски для реализации заявленных государственных приоритетов.

Руководители молодёжных организаций характеризуются достаточно разрозненными взглядами на молодёжную политику, которые можно условно разделить на две смысловые линии. Первая — баланс интересов государства и молодёжи, вторая — патерналистская, в рамках которой молодёжная политика воспринимается как инструмент поддержки и защиты молодёжи в процессе самореализации, при этом молодёжь рассматривается как пассивный субъект и опекаемая группа. Поддерживается концепция агентской, а не акторской модели личности (хотя надо признать, что участники фокус-групп и высказывали своё предпочтение подлинным, а не фальшивым молодым лидерам) и социального действия, при которой интересы молодёжи должны совпадать с интересами государства.

Молодёжь (в том числе на уровне законодательства) рассматривается как неоднородная и сложная группа, условно делящаяся на активных и пассивных участ-

ников, включая лидеров (как истинных, так и ложных, уходящих в оппозицию при неоправданных ожиданиях), а также тех, кто нуждается в социальной поддержке. Руководители ожидают от молодёжи своевременного взросления в соответствии с этапами социального вхождения, пропагандируемые государством как «успешная жизнь», одним из критериев которой является становление молодого человека полноценным экономическим субъектом. Для некоторых участников фокус-групп это является показателем эффективности молодёжной политики.

Важным представляется постепенный отход государства и представителей молодёжной политики от неоднозначных и обобщённых формулировок в определении молодёжи, её потребностей и задач, а также самой молодёжной политики и её целей. Это позволит повысить прозрачность работы специалистов, осуществляющих деятельность в данной области, а также установить объективные критерии оценки эффективности молодёжной политики. Рекомендуется при стандартизации отрасли учитывать различие между молодёжью как «потребителем услуг» и как «актором развития», закрепляя в документах механизмы поддержки именно субъектной позиции.

В заключение следует подчеркнуть научную новизну проведённого исследования. В нём комплексно был применён тезаурусный подход к анализу смысловых языковых конструкций в законодательстве и практиках российской молодёжной политики, включая взгляды самих руководителей и специалистов на местах. Это позволило выявить недостаточную сформированность понимания молодёжи и молодёжной политики у самих специалистов/представителей молодёжной политики, а также противоречия в их представлениях и специфику патерналистского подхода в восприятии молодёжи. Использование концепции диалектики социального действия обогатило интерпретацию, позволив рассмотреть вопросы субъектности молодёжи в контексте её активного или пассивного социального действия. Исследование вносит важный вклад в социологию молодёжи и молодёжную политику, предлагая интеграцию методологических и теоретических подходов к анализу государственных практик и коммуникаций с молодёжью.

Библиографический список

1. Луков Вал. А., Луков С. В., Тихомиров Д. А. Формирование и реализация государственной молодёжной политики в современной России. М. : Русайнс, 2021. 286 с. EDN [ANTBOE](#).
2. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России в зеркале социологии: к итогам многолетних исследований. М. : ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020](#). EDN [BNSNDA](#).
3. Ильинский И. М. Молодежь России и проблемы образования (пути, которые выбрали не мы). М. : МосГУ, 2022. 813 с. EDN [KSMOSB](#).
4. Меркулов П. А. Молодежная политика в России: государственные и общественные управленческие практики. Орёл : Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС, 2017. 160 с. EDN [YSUZLL](#).
5. Луков В. А. Социокультурные основания социальной субъектности российской молодежи (тезаурусная концепция молодежи) : дис... д-ра социол. наук : 22.00.06 / Луков Валерий Андреевич. М., 2019. 438 с. EDN [RPRHOV](#).
6. Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы : Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Национальный институт бизнеса, 2008. 782 с. EDN [QOAAEF](#).
7. Пинчук А. Н., Кареева С. Г. Государственная молодежная политика в современной России: переосмысление перспектив в тезаурусном подходе // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 2. С. 282–287. DOI [10.17805/zpu.2022.2.22](#). EDN [IUBVOA](#).
8. Радаев В. В. Миллениалы. Как меняется российское общество. М. : НИУ ВШЭ, 2019. 224 с. DOI [10.17323/978-5-7598-1985-1](#). EDN [STOTFS](#).
9. Левада А. Ю. Ищем человека : социологические очерки, 2000–2005. М. : Новое издательство, 2006. EDN [QOGBAH](#).

10. Аксенова О. В. Диалектика социального действия. К методологии изучения трансформаций субъектности // Россия реформирующаяся. 2023. № 21. С. 122–149. DOI [10.19181/ezheg.2023.5](https://doi.org/10.19181/ezheg.2023.5). EDN [ZMVQYE](https://www.edn.ru/entry/2023/05/10).
11. Аксенова О. В. Парадигма социального действия: профессионалы в российской модернизации. М. : Институт социологии РАН, 2016. 304 с. EDN [VYBENB](https://www.edn.ru/entry/2016/05/11).
12. Аксенова О. В. Индивидуализм и коллективизм в условиях технологического прогресса // Философские науки. 2024. Т. 67, № 2. С. 81–96. DOI [10.30727/0235-1188-2024-67-2-81-96](https://doi.org/10.30727/0235-1188-2024-67-2-81-96). EDN [FCVWSR](https://www.edn.ru/entry/2024/02/12).
13. Ильинский И. М. Государственная молодёжная политика в СССР. М. : МосГУ, 2017. 432 с. EDN [YDWXKC](https://www.edn.ru/entry/2017/02/13).
14. Ильинский И. М., Луков В. А. Феномен комсомола и современные тенденции развития молодёжного движения в России // Социологические исследования. 2018. № 10(414). С. 44–53. DOI [10.31857/S013216250002157-5](https://doi.org/10.31857/S013216250002157-5). EDN [YOUXTN](https://www.edn.ru/entry/2018/10/14).
15. Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии: Опыт исследования молодежи. М. : Мысль, 2007. 288 с. EDN [VJCPYE](https://www.edn.ru/entry/2007/02/15).
16. Закон о молодежи: Документы и материалы по истории становления государственной молодёжной политики в России : в 2 т. / Сост. и авт. вступ. ст. И. М. Ильинский, Вал. А. Луков. Т. 1. М. : МосГУ, 2008. 544 с. EDN [QRDJRR](https://www.edn.ru/entry/2008/02/16).
17. Закон о молодежи: Документы и материалы по истории становления государственной молодёжной политики в России : в 2 т. / Сост. и авт. вступ. ст. И. М. Ильинский, Вал. А. Луков. Т. 2. М. : МосГУ, 2008. 547 с.
18. Подлесная М. А. Православная религиозность в условиях социальных изменений: социологическая рефлексия жизненных историй верующих советских и пост-советских поколений. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 498 с. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-417-8.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-417-8.2023). EDN [MGFVHN](https://www.edn.ru/entry/2023/02/18).

Поступила: 24.11.2025. Доработана: 11.02.2026. Принята: 20.02.2026.

Сведения об авторах:

Подлесная Мария Александровна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения регионов России, Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. yamap@yandex.ru
Author ID РИНЦ: [661786](https://elibrary.ru/author_index.action?id=661786); ORCID: [0000-0002-2159-4958](https://orcid.org/0000-0002-2159-4958)

Ильина Илона Валерьевна, старший преподаватель, Тюменский государственный университет. Тюмень, Россия. i.v.ilina@utmn.ru
Author ID РИНЦ: [893346](https://elibrary.ru/author_index.action?id=893346); ORCID: [0000-0003-3118-2372](https://orcid.org/0000-0003-3118-2372)

М. А. Podlesnaia¹, I. V. Ilina²

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow, Russia

² Tyumen State University. Tyumen, Russia

YOUTH POLICY THESAURUS IN SPECIALISTS' PERCEPTIONS: POSITIONING YOUTH AS ACTORS OR AGENTS

Abstract. The Youth policy is undergoing significant transformations aimed not only at meeting modern challenges but also at creating conditions for the life and self-realization of new generations. The state of this sphere is directly linked to the country's development prospects and the role of youth as a subject of social action capable of realizing these prospects. The theoretical foundation of the study comprises the thesaurus approach and the concept of the dialectic of social action. Research methods included focus groups with representatives of regional ministries, committees, and heads of organizations working with youth, as well as an analysis of regulatory legal acts. It was revealed that youth policy as a sphere of government activity is undergoing reform and

standardization, which leads to difficulties in clearly defining its goals and objectives, both among specialists and decision-makers, and within the legislative framework. There are challenges in identifying young people and their needs, as well as in developing clear criteria for assessing the effectiveness of youth policy. In the rhetoric of decision-makers, youth is often portrayed as a passive social group in need of state support and control, rather than as an active subject — an actor of social action. Despite some attention to the criterion of “timely maturation” and the development of youth as independent economic subjects, the conceptual thesaurus of youth policy specialists lacks a clear understanding of the broader mission of youth in national development. The study substantiates the need to rethink the role of youth not only as an object but also as an active subject of social action, which should be reflected in state policy strategies. The results contribute to the scientific understanding of the current challenges of Russian youth policy, including in the context of developing quality service standards.

Keywords: youth policy, sociology of youth, thesaurus approach, concept of the dialectic of social action, actor, agent, focus group, work with youth, youth policy specialists, subjectivity

For citation: Podlesnaia M. A., Ilna I. V. Youth policy thesaurus in specialists' perceptions: positioning youth as actors or agents. *Science. Culture. Society*. 2026;32(1):17–35. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.2>

Acknowledgements: The authors of the article express their gratitude to the staff of Rosmolodezh for the opportunity to discuss the project, and to the management and staff of ANO SUVAG for preparing and conducting research and field work.

References

1. Lukov Val. A., Lukov S. V., Tikhomirov D. A. Formation and implementation of state youth policy in modern Russia. Moscow: Rusayns; 2021. (In Russ.).
2. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Russian youth in the mirror of sociology. Results of long-term research. Moscow: FCTAS RAS; 2020. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-325-6.2020).
3. Ilyinsky I. M. The youth of Russia and the problems of education (the ways that we did not choose). Moscow: MosGU; 2022. (In Russ.).
4. Merkulov P. A. Youth policy in Russia: state and public management practices. Oryol: Central Russian Institute of Management, branch of RANEPa; 2017. (In Russ.).
5. Lukov V. A. Sociocultural foundations of social subjectivity of Russian youth (thesaurus concept of youth). Dissertation work. Moscow; 2019. (In Russ.).
6. Lukov Val. A., Lukov Vl. A. Thesauri: Subjective organization of humanitarian knowledge. Moscow: National Institute of Business; 2008. (In Russ.).
7. Pinchuk A. N., Karepova S. G. State youth policy in modern Russia: rethinking prospects in the thesaurus approach. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2022;(2):282–287. (In Russ.). DOI [10.17805/zpu.2022.2.22](https://doi.org/10.17805/zpu.2022.2.22).
8. Radaev V. V. Millennials. How Russian Society is Changing. Moscow: HSE; 2019. (In Russ.).
9. Levada A. Yu. Looking for a person: sociological essays, 2000–2005. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2006. (In Russ.).
10. Aksenova O. V. Social action dialectics. On a theory of agency studies. *Rossiia reformiruyushchayasya*. 2023;21:122–149. (In Russ.). DOI [10.19181/ezheg.2023.5](https://doi.org/10.19181/ezheg.2023.5).
11. Aksenova O. V. Paradigm of social action: professionals in Russian modernization. Moscow: Institute of Sociology RAS; 2016. (In Russ.).
12. Aksenova O. V. Individualism and collectivism in the context of technological progress. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2024;67(2):81–96. (In Russ.). DOI [10.30727/0235-1188-2024-67-2-81-96](https://doi.org/10.30727/0235-1188-2024-67-2-81-96).
13. Ilyinsky I. M. State youth policy in the USSR. Moscow: MosGU; 2017. (In Russ.).
14. Ilyinsky I. M., Lukov V. A. The Phenomenon of the Komsomol and modern trends in the development of the youth movement in Russia. *Sociological Studies*. 2018;(10):44–53. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250002157-5](https://doi.org/10.31857/S013216250002157-5).
15. Zubok Yu. A. The phenomenon of risk in sociology: Experience of youth research. Moscow: Mysl'; 2007. (In Russ.).
16. Ilyinsky I. M., Lukov V. A. (comp.) Law on youth: Documents and materials on the history of the formation of state youth policy in Russia. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: MosGU; 2008. (In Russ.).

17. Ilyinsky I. M., Lukov V. A. (comp.) Law on youth: Documents and materials on the history of the formation of state youth policy in Russia. In 2 vols. Vol. 2. Moscow: MosGU; 2008. (In Russ.).
18. Podlesnaia M. A. Orthodox religiosity in the context of social change: a sociological reflection of the life stories of believers of the Soviet and post-Soviet generations. Moscow: FCTAS RAS; 2023. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-417-8.2023](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-417-8.2023).

Received: 24.11.2025. Corrected: 11.02.2026. Accepted: 20.02.2026.

Author information:

Mariia A. Podlesnaia, Candidate of Sociology, Leading researcher,
Center for the Study of Russian Regions, Institute of Sociology of FCTAS RAS. Moscow,
Russia. yamap@yandex.ru
ORCID: [0000-0002-2159-4958](https://orcid.org/0000-0002-2159-4958)

Iлона В. Ильина, Senior Lecturer, Tyumen State University.
Tyumen, Russia. i.vilina@utmn.ru
ORCID: [0000-0003-3118-2372](https://orcid.org/0000-0003-3118-2372)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.1.3](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.3)
EDN [YJLJEM](https://edn.ras.ru/YJLJEM)
УДК 321.01

В. С. Слобожникова¹
¹ ГАУГН. Москва, Россия

П. Д. КИСЕЛЁВ О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ В СТРУКТУРЕ РЕГИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

Аннотация. Управляемость политического пространства в рамках любой формы организации власти следует отнести к фундаментальным проблемам в политике. Его устройство предопределяется не только вызовами времени, но и историческими практиками и их осмыслением. В статье анализируется ценный опыт подготовки и реализации реформы П. Д. Киселёва в 30–50-е гг. XIX в. по организации управления территориями Российской империи, на которых проживали государственные крестьяне. Сделан вывод, что, несмотря на сословный характер предложенной Киселёвым модели, её следует отнести к базовым в организации сочетания государственного управления (на уровне губерний и округов) и самоуправления (в волостях и сельских обществах). Это обусловлено тем, что в ходе «реформ Киселёва» были поставлены проблемы разграничения властных полномочий, строго регламентированного участия чиновников в организации самоуправления и введён строгий запрет на вмешательство в текущие дела, что актуально и сегодня. Особого внимания заслуживает структура самоуправления и подходы к его формированию: самоуправление на уровне волостей и сельских обществ, выделение распорядительных и исполнительных органов в его структуре, создание сельских обществ, альтернативность выдвижения кандидатов из крестьянской среды, организация процедур реального участия крестьян в самоуправлении в разном качестве. П. Д. Киселёв не только предложил управленческую структуру, которая вписалась в современные ему политические реалии абсолютистского государства и сохранившегося общинного самоуправления, но и доказал, возглавляя её реализацию, эффективность разработок, повысив социально-экономический уровень развития государственных крестьян, что было бы невозможно без внедрения предложенной модели самоуправления. В статье показан значимый вклад П. Д. Киселёва в поиск эффективной модели территориально-регионального управления для России, сочетающей государственное управление и самоуправление, и разработку принципов её функционирования.

Ключевые слова: политическая мысль России, П. Д. Киселёв, местное самоуправление, региональное управление, реформа государственных крестьян, Российская империя, XIX век, государственные крестьяне

Для цитирования: Слобожникова В. С. П. Д. Киселёв о местном самоуправлении в структуре регионального уровня публичной власти в России // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 1. С. 36–49. DOI [10.19181/nko.2026.32.1.3](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.3). EDN [YJLJEM](https://edn.ras.ru/YJLJEM).

Введение. Управляемость политическим пространством, контролируемым властью, можно отнести к ведущим вызовам для политических элит и их лидеров со времён образования партий в различных формах, но особенно остро этот вопрос встаёт в государственных конструкциях, непосредственно связанных с выстраиванием системы управления над определёнными регионами. Территориально-государственное устройство современной России характеризуется

сложной структурой на огромном пространстве. В 2025 г. в Российской Федерации принят новый Федеральный закон о местном самоуправлении, в котором есть специальное указание: «Органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти» (Глава 1, Ст. 6.1)¹. В современном законодательстве самоуправление рассматривается в контексте системы публичной власти страны, что не снимает проблемы соотношения и соподчинения структур этой системы. Это особенно заметно в сфере контроля за деятельностью органов местного самоуправления со стороны органов государственной власти в историческом контексте и живучести традиций прошлого.

К современной модели регионального уровня политической власти и его соотношению с местным самоуправлением наша страна шла не одно столетие, испробовав различные варианты организации территориального самоуправления. В России устройство власти на отдельных территориях стало важным для правителей с момента образования государства, объединения земель вокруг Москвы и создания единого центра. Из двух тенденций в решении этой проблемы — усиления централизации и вписывания в государственное управление территориального самоуправления — к концу XVII в. власть Московской Руси выбрала централизацию, усилив власть назначаемых воевод; под средневековой демократией, которая строилась на разветвлённой системе территориального самоуправления, была подведена историческая черта. Её элементы с ограниченными полномочиями остались только на уровне крестьянской общины.

Однако абсолютная централизация и бюрократизация политической власти в стране оказались невозможными даже на имперском этапе развития. Поиски вариантов включения общественной власти в политическую (государственную) систему начались с Петра I и носили не столько территориальный, сколько сословно-территориальный характер, касаясь дворян и мещан. Попытки закрепить в местном самоуправлении в качестве основного территориальный принцип и вписать его в систему государственной власти особенно активно предпринимались во второй половине XIX в. и связаны с реформами Александра II. Апробация решения этой проблемы приходится на 30–40-е гг. этого века и связана с именем Павла Дмитриевича Киселёва и его чрезвычайно успешной, по мнению современных исследователей, реформой государственных крестьян, заложившей основы, актуальные для понимания современных процессов. Обращение к разработкам П. Д. Киселёва сегодня важно с точки зрения изучения соотношения местного самоуправления с государственной властью и его места в региональном управлении. Особенно актуально изучение предложенных этим мыслителем и государственным деятелем принципов формирования самоуправления, его структуры и роли в устройстве отдельных территорий, выходящей за рамки государственно-хозяйственных нужд.

Самоуправление относится к негосударственным акторам политического процесса. Его функции не ограничиваются управлением на определённой территории. От действенности, а не формальности его функционирования зависит уровень гражданственности, качество общества, политическая культура не только на уровне сознания, но и на уровне поведения, активного участия в общественных делах. Особенную значимость организация политической власти на региональном уровне, её соотношение с самоуправлением приобретают в со-

¹ Федеральный закон от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Президент России: [официальный сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51732> (дата обращения: 11.11.2025).

временных условиях необходимости корректировки государственного функционала, процессов демократизации, востребованности гражданственности и динамичного этногенеза.

Политическая культура нации оказывает самостоятельное влияние на социальное и политическое развитие страны. Одним из источников формирования современной российской политической культуры служит интеллектуальное наследие дореволюционной политической мысли. Изучение наследия мыслителей означает не только качественное приращение знаний в теоретической сфере, но и определённый вклад в познание проблем национальной идентичности. Политическая мысль России составляет важную часть гуманитарного знания и духовной культуры страны. В мировой интеллектуальной практике она признана самостоятельным направлением — субдисциплиной политологии. Несомненны успехи американской и западноевропейской политологии как в постановке, так и в трактовке многих проблем современного политического процесса, однако американоцентризм современной политической науки в определённом смысле уже исчерпал себя. Сегодня для всех очевидно, что без достижений мировой политической науки и разработок политических проблем русскими мыслителями невозможно становление современной национальной политической науки, отвечающей интересам страны. Можно по-разному, с современных позиций и с учётом степени развития политической науки, оценивать уровень проработки тех или иных проблем, но нельзя не признать, что мыслителей России волновали прежде всего российские проблемы. Вековые наработки в области описания, изучения и анализа политической сферы позволяют нам лучше понять страну, в которой мы живём. И тем более необходимо знать её тем, кто ею управляет, властвует в ней и будет делать это в будущем. Поэтому изучение политической мысли в целом и политических взглядов отдельных мыслителей — это предмет не только научного, но и сугубо практического значения для современной России и отечественной политологии [1, с. 3–4].

Каждая страна опирается на собственный исторический опыт и осмысление политических практик мыслителями и государственными деятелями. Особенно это актуально, если современное положение рассматривать не с позиции законсервированности или статики, а в динамике, развитии и совершенствовании. В этом контексте обращение к взглядам деятелей, принимавших участие в реформировании местного самоуправления в России и приближавших его современное качество и состояние, не теряет актуальности в XXI веке. Статья фокусируется на анализе принципов организации местного самоуправления в трактовке П. Д. Киселёва как модели, сочетающей государственное руководство и общественную инициативу.

Методология исследования. В политической науке сложились две основные традиции изучения политических взглядов. Одна предполагает их выявление на основе теоретических разработок мыслителей; другая, расширяя источниковую базу, выходит на анализ социально-политической мысли [1, с. 18–22]. Автор придерживается первой из названных традиций, считая политические идеи персонифицированными. Цель статьи состоит в выявлении принципиальных подходов к организации и функционированию микрорегионального уровня публичной власти — местного самоуправления, разработанных Павлом Дмитриевичем Киселёвым (1788–1872 гг.).

Монополия на исследование жизни и деятельности П. Д. Киселёва принадлежит историкам. В дореволюционный период (до 1917 г.) деятельность Павла Дмитриевича рассматривалась в контексте императорских правлений [2]. В период правления Николая I (1825–1855 гг.) раскрывалась его роль в решении крестьянского вопроса, особенно реформы государственных крестьян [3]. Исследователями правления Александра II подчёркивался особый вклад Киселёва в освобождение крестьян от крепостной зависимости [4]. За заслуги перед Отечеством материал о нём был внесён в 25-томный «Русский биографический словарь», издававшийся в 1896–1918 гг. [5].

В советское время, в середине XX века, вышел фундаментальный двухтомный труд Н. М. Дружинина о государственных крестьянах и реформе П. Д. Киселёва [6; 7]. Интерес к вкладу П. Д. Киселёва в развитие России на современном этапе изучения избранной для данной статьи проблематики был вызван публикацией С. В. Мироненко, посвящённой тайнам политической истории России в первой половине XIX века [8]. Продуктивным, с точки зрения изучения жизни и деятельности Павла Дмитриевича, оказался XXI век. В первом десятилетии вышло несколько статей и была защищена кандидатская диссертация Р. А. Румянцевым [9; 10]. Во втором десятилетии А. Минин опубликовал монографию «Граф П. Д. Киселёв: портрет министра как зеркало эпохи» [11]. В третьем десятилетии к изучаемой проблеме обратилась И. А. Резванцева («Киселёв — великий русский реформатор») [12], а Р. Т. Латыпов и А. В. Ручкин посчитали нужным изучить опыт П. Д. Киселёва по созданию Министерства государственных имуществ в контексте складывания системы управления государственной собственностью в России с 1837 по 1917 гг. [13, с. 156–158]. Непосредственно политическим взглядам П. Д. Киселёва посвящены статьи В. С. Блиновой конца 90-х гг. XX века [14; 15; 16], в которых раскрывалось отношение Павла Дмитриевича к российскому государству и к разработкам местного самоуправления.

Таким образом, насыщенная событиями биография П. Д. Киселёва предопределила обращение исследователей — как дореволюционных, так и современных — к различным периодам его жизни и службе на высоких государственных постах, прежде всего во главе Министерства государственных имуществ. Взгляды на организацию регионального уровня политической власти и местное самоуправление, как и сама реформа этого уровня общественно-политической власти, за редким исключением рассматриваются в контексте реформы государственных крестьян, которая как современниками, так и потомками оценивается различно [2, с. 174; 13, с. 158; 14, с. 32–33].

При разработке подходов к изучению политических взглядов П. Д. Киселёва учитывалось несколько базовых факторов.

Во-первых, традиционно политическая мысль исследуется на основе обращения к теоретическому наследию мыслителей, занимающихся анализом политико-социально-гуманитарной реальности, представленным сегодня целым рядом наук различного уровня теоретического обобщения и использования эмпирических данных. При изучении этого направления в политической науке возникает серьёзный вопрос о прикладном значении разрабатываемых мыслителями проблем.

Во-вторых, учитывались принципы и наработки герменевтики: для понимания текстов необходимо изучить личность автора и обязательно обратиться к историческому и культурному контексту, в котором находился мыслитель, что помогает понять его личностные мотивы.

В-третьих, использовались трактовки рационализма, предложенные известным британским философом Майклом Оукшотом (1901–1990 гг.), 17 лет возглавлявшим кафедру политологии Лондонской школы экономики и политических наук. В контексте избранной для статьи темы важна не столько его консервативно-традиционалистская ориентация, сколько подходы к определению истинности и эффективности знания, которое может выстраиваться на разных источниках. Оукшот, критикуя либеральный рационализм, получивший широчайшее распространение в мире, теоретически обосновывал необходимость перехода на традиционалистские позиции в познании. Чисто теоретическое знание он определял как рационалистическое, техническое. Для получения истинного знания необходимо ещё и знание, полученное на основе практики и опыта, которое Оукшот называл «практическим» и относил к «традиционному типу знания». Оно, по его мнению, присутствует «в любой деятельности; без него невозможно ни овладеть каким бы то ни было умением, ни заниматься какой-то конкретной деятельностью». Эти «два вида знания» «являются двумя компонентами знания, вовлечённого в любую конкретную человеческую деятельность», что «справедливо и относительно политики: знание политики предполагает обладание как техническими, так и практическими познаниями» [17, с. 13–15].

В-четвертых, П. Д. Киселёв представляет собой пример политического деятеля, удачно сочетавшего успешный опыт военной, дипломатической и административной службы. Он не только разработал реформу государственных крестьян, но и успешно руководил её осуществлением на протяжении 19 лет, а затем из предложений императора (членство в Государственном совете или возглавить посольство во Франции после заключения позорного для России Парижского мира) выбрал служение стране в качестве посла и очень многое сделал для восстановления авторитета России после проигранной Крымской войны. Обращение не только к теоретическим разработкам Павла Дмитриевича, но и к практической реализации реформы государственных крестьян позволит получить более полное представление о политическом знании, которым обладал Киселёв.

В-пятых, для выявления представлений о самоуправлении в региональном политическом управлении автором использовался структурно-функциональный подход, что позволило проанализировать структуру этого уровня публичной власти и функционал каждого элемента (института) в трактовке П. Д. Киселёва.

Историко-политический контекст формирования взглядов П. Д. Киселёва. На протяжении двух веков Россия существовала в статусе империи. Преобладающую часть XIX в. страна переживала системный кризис — кризис феодально-крепостнической системы, основу которой составляли абсолютизм и крепостное право. Вклад императоров в решение этих проблем можно оценивать по-разному, но каждый из них не мог позволить себе игнорировать вызовы времени, в том числе и Николай I (1825–1855 гг.). Исследователи как прошлого, так и современности сходятся во мнении, что он понимал глубину опасности сохранения крепостничества, считал необходимым реформировать отношения в деревне и ликвидировать крепостное право, но стал заложником господствующего среди дворянства мнения о его исторической предопределённости, традиционности и спасительности для «неразумных» крестьян, которые без опеки помещиков сопьются и обнищают [5, с. 9, 117–118, 134; 9, с. 28; 18, с. 210].

Несмотря на то, что даже в высших сферах с недоверием относились к образованию народа, императором был выбран путь демонстрации положительного примера реформирования жизни государственных крестьян как шага к отмене крепостного права. Этот шаг призван был преодолеть сопротивление, изменить мнение дворянства и убедить его в неэффективности крепостного права, экономической как минимум. Проводником этих идей Николай I избрал П. Д. Киселёва, который до этого блестяще себя зарекомендовал на военной службе и при устройстве государственной власти на освобождённых Россией территориях в Молдавии и Валахии.

Реформу государственных крестьян николаевского времени общепризнанно называют «реформой Киселёва». Из всех попыток изменить отношения в российской деревне, предпринятых ранее, она стала самой заметной и результативной реформой в отношении казённой деревни. Даже оппонент реформы граф Е. Ф. Канкрин (1774–1845 гг.) называл созданное по инициативе П. Д. Киселёва для её проведения Министерство государственных имуществ «не только Министерством имуществ, но и преимуществ» [13, с. 158].

С юридической точки зрения, государственные крестьяне до создания этого Министерства находились в ведении Министерства финансов, а с структурно-социальной стороны составляли податное сословие, от налогоплательщика потенциала которого в условиях тогдашней аграрной России напрямую зависело наполнение государственного бюджета. Основные положения реформы были приняты в 1837–1841 гг. и предполагали решение широкого круга экономических, политических, юридических и социальных задач (наведение порядка в управлении казёнными землями, предотвращение их растаскивания помещиками и чиновниками, упорядочение взимания налогов, введение более прогрессивных форм сборов, подъём сельскохозяйственного производства и развитие социальной инфраструктуры).

Не только советские, но и дореволюционные издания о П. Д. Киселёве единодушны во мнении, что он резко критически относился к российским реалиям, особенно к положению в деревне, состоянию сельского населения и российской бюрократии. Нищих крестьян он считал бедой государства и угрозой его спокойствию, отмечая, что крестьяне «коснели в грубом невежестве, поражены развратом и безначалием, довершали своё расстройство нетрезвостью» [18, с. 18–19]. Подобные оценки отражали патерналистский взгляд эпохи, характерный для государственного деятеля того времени. Именно в этих условиях формировались взгляды Киселёва на необходимость сочетания государственного контроля с элементами общественного самоуправления.

Представления П. Д. Киселёва о региональном уровне публичной власти и организации самоуправления. Реформа государственной деревни задумывалась и осуществлялась П. Д. Киселёвым на основе комплексного подхода и затрагивала все стороны жизни крестьян. Она призвана была, с одной стороны, защитить государственных крестьян от произвола чиновников и помещиков, а с другой — поспособствовать развитию деревни не только экономическому, но и социальному, и культурному. По сути, Киселёв предложил современное видение роли местного самоуправления в контексте территориальной публичной власти.

Реализация реформы была невозможна без структурно-организационных нововведений. Основу новой структуры регулирования жизни государственных

крестьян составили управленческо-правовые изменения. Полицейский и Судебные уставы, по убеждению П. Д. Киселёва, призваны были ввести в практику жизни государственной деревни юридические начала. Реформа формировала новое правовое пространство отношений государства и крестьян, они должны были нести строго оговорённые обязанности по отношению друг к другу, то есть вводился принцип взаимной ответственности (в категориях современной политической науки — разграничение полномочий). Это в условиях абсолютной монархии первой половины XIX в., строившейся на принципе жёсткого подчинения, не принималось бюрократией и рассматривалось как разрушение исконных основ государственности, а в современных условиях может быть отнесено к насущной необходимости выстраивания отношений государства и местного самоуправления как управленческого территориального института гражданского общества.

Организационно обеспечить реализацию принципа ответственности призвана была создаваемая новая система управления казённой деревней, сочетавшая государственное руководство и крестьянское самоуправление. В анализе следует учитывать также, что в условиях сословной структуры российского общества реформа проводилась только по отношению к крестьянству, относившемуся к податным сословиям². Общероссийское управление казённой деревней, по настоянию П. Д. Киселёва, сосредотачивалось в Министерстве государственных имуществ, которое он создал и возглавлял на протяжении 19 лет. Региональное управление в унитарной империи, какой была Россия в то время, не могло не быть теснейшим образом связано со структурой административно-территориального устройства страны, поэтому в основу регионального и местного управления была положена четырёхъярусная административная система (губерния — округ — волость — сельское общество).

П. Д. Киселёвым было предложено в губерниях и округах организовать для государственных крестьян государственное управление, а в волостях и сельских обществах — самоуправление, то есть региональный уровень публичной власти предлагалось структурно строго разделить на государственную — политическую власть и самоуправленческую — общественную.

В губерниях с этой целью создавались Палаты государственных имуществ, руководителями которых министр назначал главных управляющих, занимавшихся общим руководством государственными крестьянами; к их функционалу относились четыре категории дел: организация в округах, волостях и сельских обществах местного управления; поддержание среди крестьян порядка; забота о правах, хозяйстве и культурно-бытовых нуждах крестьян; контроль за отбыванием повинностей. Структура Палаты состояла из двух отделений: хозяйственного, которым руководил советник, и лесного во главе с губернским лесничим. Штат каждого из отделений насчитывал от 28 до 43 человек. Вторая ступень политического управления государственными крестьянами формировалась в округе. Главной фигурой здесь являлся окружной начальник. По реформенному законодательству на него возлагалась обязанность непосредственного опекуна крестьян, руководителя и организатора всех сторон деревенской жизни; на этой должности структурно должно было заканчиваться государственное управление [6, с. 527–528, 534–542].

² Крепостные крестьяне считались собственностью дворян-помещиков и не составляли самостоятельного сословия.

На следующих уровнях — волостном и сельском — организовывалось самоуправление, то есть в волостях и сельских обществах по широчайшему кругу вопросов не предусматривалось государственного вмешательства. На этом особенно настаивал П. Д. Киселёв. Организация общественного самоуправления предусматривала создание и функционирование распорядительных и исполнительных управленческих структур³. Распорядительная власть в волости принадлежала волостному сходу, в который направлялись представители от сельских обществ. Формирование этого представительного органа самоуправления было чётко проработано. Выборы его представителей проводились раз в три года, 1 ноября, в каждом сельском обществе путём опроса в два тура. Один член волостного схода выдвигался от 20 дворов. Он должен был быть не моложе 25 лет, хорошего поведения, не из бездомных, рачительным хозяином [6, с. 546]. Волостной сход собирался один раз в три года для выборов исполнительных органов волостного самоуправления (волостного правления и волостной расправы). В волостное правление избирались волостной голова и два его заместителя по хозяйственной и полицейской части. В состав волостной расправы, которая занималась судебно-апелляционными делами, избирались «добросовестные», а возглавлял её волостной голова [6, с. 544–545].

П. Д. Киселёв предложил и ввёл особый порядок отбора кандидатов на должности волостного начальства: каждое сельское общество избирало по три кандидата на каждую волостную должность; из числа предложенных волостной сход избирал также по три кандидата; из числа этих избранных окружной начальник, Палата государственных имуществ и губернатор утверждали одного. Претендовать на волостные должности не могли кандидаты, которые уже служили в выборной должности три срока, если им было более 60 лет, если страдали тяжёлыми недугами и если в семье не было другого взрослого работника [6, с. 547], то есть на выборные должности вводились определённые ограничения — цензы.

Низовую ступень крестьянского самоуправления, основную управляющую единицу в соответствии с реформой, составляло «сельское общество», а не селение, деревня или село с общинным самоуправлением, которое сохранялось. Географически «сельское общество» формировалось из нескольких селений, расположенных на расстоянии не далее 15 вёрст друг от друга и насчитывавших до 1500 ревизионных душ; всё это пространство становилось территорией ответственности самоуправляющегося сельского общества и поступало в его распоряжение. Полагаем, что это предложение прежде всего связано было с необходимостью защиты крестьянских земель от их незаконного захвата и возвращения уже захваченных.

По реформе Киселёва высшими распорядительными полномочиями наделялся сельский сход. В его состав входили выборные и представители исполнительной власти самоуправления. В число выборных каждые 10 дворов выдвигали по два человека из совершеннолетних глав семейств. Если на сходе обсуждался вопрос отдельного селения, то на нём присутствовали все домохозяева этого селения. Сроки созыва сельских сходов были строго регламентированы и предусматривали сходы, решающие разные задачи. Три раза в год собирались обыкновенные сходы для обсуждения и решения общественных дел. Специальные

³ Наши современники такие политические понятия, как «республика», «разделение властей», «выборы», относят к аксиоматичным, не отдавая, как правило, себе отчёта в длительности пути нашей страны к такому качеству повседневности.

сходы раз в три года избирали сельское начальство. Чрезвычайные сходы проводились только с разрешения окружного начальства. П. Д. Киселёв отказался от идеи проведения общей сходки всего сельского общества по двум соображениям. Во-первых, в многолюдном собрании затруднено рассмотрение дел, а во-вторых, это позволяло предотвратить проникновение в состав «выборных» недобросовестных людей, которые могли бы захватить власть и злоупотреблять ею, распоряжаясь общественными делами [6, с. 557–558].

Исполнительную власть в сельском обществе возглавлял старшина. Его главным помощником в каждом селении являлся сельский староста. К представителям сельской исполнительной власти относились также сборщик податей и его помощники, смотритель запасного магазина, писарь, сотские, десятские, полесовщики и пожарные старосты. Сельский сход на каждую должность избирал по три кандидата, из которых волостное правление отбирало одного. Палата государственных имуществ утверждала эту кандидатуру [6, с. 562]. В состав органов сельского управления входила также сельская расправа, которая занималась разбором крестьянских споров и мелких проступков, не требующих формального судебного разбирательства, а также оценкой и продажей имущества неисправных плательщиков налогов [6, с. 569].

Подходы, используемые в управлении государственными крестьянами, были для П. Д. Киселёва принципиальными. Он разделял популярное в то время мнение о младенческом состоянии народа и стремился предоставить ему возможность осознать свои гражданские права. По мнению Павла Дмитриевича, безнравственность чиновников и самих крестьян достигла высшей степени и требовала усиленных мер для искоренения злоупотреблений. Киселёв постоянно предостерегал чиновников от вмешательства во внутренние мирские дела, особенно в разбор споров и тяжб между крестьянами, в работу сельских и волостных управ. Чиновникам запрещалось участвовать в совещаниях сельского схода и обжаловать его приговоры. Лица, подлежащие отчёту и ответу, устранялись от составления приговоров. Порядок формирования и функционирования крестьянского самоуправления отсекал от участия в нем неблагонадёжных, смутьянов, нарушителей правил и норм. Самоуправление, по Киселёву, предназначалось для домовитых, хозяйственных, добропорядочных крестьян. Избрание на должность рассматривалось как обязательная служба, от которой не смел отказаться ни один крестьянин [6, с. 547].

При реализации реформы «самые горькие разочарования» ожидали П. Д. Киселёва и его сподвижников со стороны чиновников Министерства. Однако «ни одна из ступеней чиновной иерархии Министерства не была так засорена невежественными, грубыми и преступными элементами, как институт Окружного управления», который непосредственно руководил государственной деревней. На службу в этот институт охотно шли отставные офицеры и «прожжённые дельцы бюрократических канцелярий». «Помещичий разврат и безграничное самоуправство» особенно демонстрировали крестьянские «опекуны» — окружные начальники, которые в массе позволяли себе присваивать мирские суммы и принимать «подарки» натурой и деньгами. Проблема виделась Киселёву в недостатке «просвещённых, честных и усердных исполнителей», которые, как минимум, смогли бы наладить делопроизводство, находившееся в особенно плачевном состоянии на уровне самоуправления [7, с. 98–112].

Реализация реформы самоуправления сопряжена была с серьёзными препятствиями. Чтобы в лице крестьянских выборных получить «покорную аген-

туру», чиновники нередко вмешивались в выборы не напрямую, а договариваясь о кандидатах с зажиточными крестьянами. Проверки самого Киселёва показали низкий образовательный, деловой и нравственный уровень выбранных на должности в самоуправлении. Нередко волостные и сельские выборные короткий срок своих полномочий использовали в корыстных интересах: не выплачивали положенные жалования, тратили общественные средства, практиковали «самовольные сборы» не только деньгами, но и натурой. Покорные перед вышестоящим начальством, они грубо и жестоко относились к крестьянам. Что противопоставлялось волоките, небрежности, поборам и насилию, господствовавшим в практике местного самоуправления? П. Д. Киселёв активно использовал административный подход: внимание к жалобам крестьян, удаление и судебные преследования провинившихся [7, с. 113–129]. Краеугольным камнем всего управления П. Д. Киселёв считал законность, которой он буквально поклонялся. Только соблюдение законов и устранение произвола могли обеспечить улучшение благосостояние крестьян. Эти принципы стали основополагающими для его деятельности. Возглавляя 19 лет Министерство государственных имуществ, он настойчиво боролся с казнокрадством, лихоимством и произволом чиновников.

Аристократические салоны расценили реформу Киселёва как умаление прав дворянства. Постоянный оппонент проектов и преобразований князь А. С. Меншиков называл его «злодеем дворянства», считал заражённым «коммунизмом», обвинял в том, что в деревне укоренились демократические начала [7, с. 525–526]. Ещё категоричнее в оценках был князь А. Ф. Голицын, заявлявший, что Министерство государственных имуществ несовместимо с монархическим правлением, так как в нём есть республиканские начала, а именно, общественное начало и мирские суды [2, с. 174].

Заключение. С точки зрения современных представлений о самоуправлении, мы можем критически отнестись к предложенной и реализованной П. Д. Киселёвым модели, так как для самоуправления казённой деревни была характерна жёсткая регламентация, множественность функций и ограниченная демократичность. Однако, если учесть абсолютистский политический контекст, особенности российской бюрократии, уровень неграмотности и политической культуры населения, то во многом становится понятным радикальный смысл понятия «киселизм», которое было распространено в обществе и воспринималось консервативной его частью как более страшное для России, чем «коммунизм». Конечно, следует учитывать, что самоуправление функционировало в социальном сегменте казённых крестьян, в определённое историческое время, отличавшееся определёнными качественными параметрами общества и государства. Причины «вкоренившейся заразы» Киселёв видел в недостатке честных людей, в низком уровне морального развития общества и возлагал надежды на медленное нравственное совершенствование.

Критическое отношение самого П. Д. Киселёва к реализации реформы не отменяет достоинств его разработок и предвидения того, каким должно быть самоуправление. К вневременным позитивным моментам предложенной им модели самоуправления следует отнести следующие положения:

- чёткое законодательное разграничение региональной публичной власти на политическую (государственную) и общественную (самоуправленческую);

- законодательно закреплённый принцип взаимной ответственности в структуре публичной власти между территориальными государственными структурами и органами местного самоуправления;
- выделение в структуре общественного самоуправления распорядительной и исполнительной властей (к распорядительным относились волостной и сельский сходы, которые формировали исполнительные структуры);
- теснейшая связь самоуправленческой должности и функционала;
- определение ограничений (цензов) для занятия выборных должностей;
- введение альтернативности при избрании на должности;
- разработка строгих требований к кандидатам и их количеству.

По сути, предложенная П. Д. Киселёвым модель самоуправления пронизана демократизмом (и это в условиях абсолютной монархии!), причём он был ограниченным на уровне утверждения выбираемых должностных лиц исполнительных структур и полным на уровне принятия решений и их исполнения. Модель предусматривала включение всех домохозяев в принятие решений в разной степени; альтернативность выборов способствовала выделению из крестьян наиболее активных и созданию, по сути, самоуправленческого резерва.

Ценно, что П. Д. Киселёв в самоуправлении видел не просто управленческий потенциал по исполнению государственных обременений казённой деревни и взиманию податей, а рассматривал его как важнейший институт осуществления правительственного попечительства, считал его организатором различных сторон сельской жизни, а не только хозяйственной. Самоуправление призвано было укрепить солидарность, ответственность, повысить политико-культурный уровень как сельского общества в целом, так и отдельных крестьян, сделать их социально более активными и заинтересованными в устройстве общих дел и развитии территории, на которой они проживали.

Как и рассчитывал П. Д. Киселёв, самоуправление способствовало модернизации деревни, развитию производительных сил казённой деревни, улучшению качества жизни казённых крестьян. Финансирование новых для деревни мероприятий по организации продовольственного дела (обеспечение крестьян «семенами и продовольствием на случай неурожая и голода»), профилактики пожаров (перепланировка и перестройка деревянно-соломенной деревни, строительство кирпичных заводов, введение страхования), проведение агрономических и ветеринарных мер, содержание училищ, школ, лечебниц, домов призрения почти целиком покрывалось за счёт «крестьянских капиталов» (в 1856 г. они составляли 81% всей суммы накоплений), которые формировались за счёт доходов «от мирских оброчных статей и суммы общественного сбора» [7, с. 217–289]. На наш взгляд, в силу объективных обстоятельств попечительская политика по отношению к казённой деревне не смогла её превратить в «счастливый оазис», но несмотря на это, как свидетельствует статистика, за полвека численность крепостных не увеличилась, а государственных крестьян — в отдельных регионах выросла на 50% (в середине XIX в. из 69 млн чел. населения России 19 млн составляли казённые крестьяне и 23 млн — крепостные, т.е. помещичьи) [18], что косвенно свидетельствует о позитивном влиянии проведённых реформ. Опыт, полученный в результате осуществления реформы П. Д. Киселёва, заслуживает особого внимания, изучения и учёта в политической практике современной России.

Библиографический список

1. Слобожникова В. С. Эволюция политической мысли России (XI — первая половина XX веков). Саратов : Изд-во «КУБиК», 2016. 112 с. ISBN 978-5-91818-463-9.
2. Заблоцкий-Десятовский А. Граф П. Д. Киселёв и его время: материалы для истории императоров Александра I, Николая I и Александра II. В 4 т. Т. 2. СПб : Тип. М. М. Стасюлевича, 1882. 356 с.
3. Князьков С. А. Граф П. Д. Киселёв и реформа государственных крестьян // Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. В 6 т. Т. 2. М. : Товарищество И. Д. Сытина, 1911. С. 218–233.
4. Готье Ю. В. Граф Павел Дмитриевич Киселёв // Освобождение крестьян: деятели реформы : сб. статей. М. : Научное слово, 1911. С. 54–89.
5. Киселев, Павел Дмитриевич // Русский биографический словарь : в 25 т. Т. 8: Ибак — Ключарев / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А. А. Половцова. СПб : Императорское Русское историческое общество, 1897. 756 с.
6. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. В 2 т. Т. 1: Предпосылки и сущность реформы. Москва ; Ленинград : АН СССР, 1946. 635 с.
7. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. В 2 т. Т. 2: Реализация и последствия реформы. Москва ; Ленинград : АН СССР, 1958. 617 с.
8. Мироненко С. В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М. : Мысль, 1990. 237 с. ISBN 5-244-00406-9.
9. Румянцев Р. А. Военная и государственная деятельность Павла Дмитриевича Киселёва: 1805–1862 гг. : дис... канд. ист. наук : 07.00.02 / Румянцев Роман Александрович. М., 2009. 186 с. EDN [QENAUH](#).
10. Румянцев Р. А. Павел Дмитриевич Киселёв // Вопросы истории. 2008. № 12. С. 50–61. EDN [JWCZGF](#).
11. Минин А. Граф П. Д. Киселёв: портрет министра как зеркало эпохи. СПб : СПбГУПТД, 2012. 238 с. EDN [XMFMSX](#).
12. Резванцева И. А. П. Д. Киселёв — великий русский реформатор // Молодой ученый. 2023. № 44(491). С. 317–320. EDN [SWLXLW](#).
13. Латыпов Р. Т., Ручкин А. В. Система управления государственной собственностью в Российской Империи во второй трети XIX — начале XX века // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5(80). С. 155–163. DOI [10.26105/SSPU.2022.80.5.015](#). EDN [PJMDOT](#).
14. Блинова В. С. Взгляды П. Д. Киселева на местное самоуправление // Региональная политика: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 2. Саратов: Поволжский межрегиональный учебный центр, 1997. С. 28–33.
15. Блинова В. С. Взгляды П. Д. Киселева на российское государство // Общественная мысль, политические движения и партии в России XIX–XX вв. : Сб. научных статей (по материалам межвуз. науч. конф. (Брянск, 15-16 октября 1996)). Брянск: БГПУ, 1996. С. 16–18.
16. Блинова В. С. О политических взглядах П. Д. Киселева // Проблемы политологии и политической истории : Межвуз. сб. научных трудов. Вып. 6. Саратов: Саратовский университет, 1996. С. 4–8.
17. Оукиот М. Рационализм в политике и другие статьи / Пер. с англ. М. : Идея-Пресс, 2002. 288 с. EDN [TSPQPB](#).
18. Блинова В. С. Государственные крестьяне Саратовской губернии в первой половине XIX века // Вопросы крестьяноведения : сб. статей. Вып. 1. Саратов : Сарат. гос. с/х академия, 1994. С. 92–94.

Поступила: 19.11.2025. Доработана: 12.02.2026. Принята: 20.02.2026.

Сведения об авторе:

Слобожникова Валентина Сергеевна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры истории политических учений, Государственный академический университет гуманитарных наук. Москва, Россия. slvase@mail.ru
 Author ID РИНЦ: [438055](#); ORCID: [0000-0002-6952-991X](#)

P. D. KISELEV ON LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE STRUCTURE OF THE REGIONAL LEVEL OF PUBLIC POWER IN RUSSIA

Abstract. The manageability of the political space within any form of government organization should be considered a fundamental problem in politics. Its structure is determined not only by the challenges of the time, but also by historical practices and their interpretation. The article analyzes the valuable experience of the preparation and implementation of P. D. Kiselev's reform in the 1830s–1850s, which aimed to organize the management of the territories of the Russian Empire inhabited by state peasants. It is concluded that, despite the class-based nature of Kiselev's proposed model, it should be considered a fundamental approach to combining state administration (at the level of provinces and districts) and self-government (in volosts and rural communities). This is due to the fact that during Kiselev's "reforms" the problems were raised of delineating authority, strictly regulating the involvement of officials in self-government, and a strict prohibition was introduced on interference in day-to-day affairs, which remains relevant today. Special attention should be paid to the structure of self-government and the approaches to its formation: self-government at the level of volosts and rural communities, the allocation of deliberative and executive bodies in its structure, the creation of rural communities, the alternative nomination of candidates from the peasant environment, and the organization of procedures for the real participation of peasants in self-government in various capacities. P. D. Kiselev not only proposed a management structure that fit into the contemporary political realities of the absolutist state and the preserved communal self-government, but also proved the effectiveness of the developments by leading its implementation, which increased the socio-economic level of development among the state peasants, something that would not have been possible without the implementation of the proposed model of self-government. The article demonstrates a significant contribution by P. D. Kiselev to finding an effective model of territorial and regional governance for Russia, which combines state administration and self-government, and to developing the principles of its functioning.

Keywords: Russian political thought, P. D. Kiselev, local self-government, regional administration, state peasants reform, Russian Empire, 19th century, state peasants

For citation: Slobozhnikova V. S. P. D. Kiselev on local self-government in the structure of the regional level of public power in Russia. *Science. Culture. Society.* 2026;32(1):36–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.3>

References

1. Slobozhnikova V. S. Evolution of political thought in Russia (11th – first half of 20th centuries). Saratov: KUBiK Publ. House; 2016. (In Russ.) ISBN 978-5-91818-463-9.
2. Zablotsky-Desyatovskiy A. Count P. D. Kiselev and his time: materials for the history of emperors Alexander I, Nicholas I, and Alexander II. In 4 vols. Vol. 2. St. Petersburg: M. M. Stasyulevich's Printing House; 1882. (In Russ.).
3. Knyazkov S. A. Count P. D. Kiselev and the reform of state peasants. In: The great reform: Russian society and the peasant question in past and present. In 6 vols. Vol. 2. Moscow: I. D. Sytin Partnership; 1911. P. 218–233. (In Russ.).
4. Gautier Yu. V. Count Pavel Dmitrievich Kiselev. In: The emancipation of the peasants: Architects of the reform: Coll. of Arts. Moscow: Nauchnoe Slovo; 1911. P. 54–89. (In Russ.).
5. Polovtsov A. A. (ed.) Kiselev, Pavel Dmitrievich. In: Russian biographical dictionary: In 25 vols. Vol. 8: Ibak – Klyucharev. St. Petersburg: Imperial Russian Historical Society; 1897. (In Russ.).
6. Druzhinin N. M. State peasants and the reform of P. D. Kiselev. In 2 vols. Vol. 1: Preconditions and essence of the reform. Moscow: Leningrad: Academy of Sciences of the USSR; 1946. (In Russ.).
7. Druzhinin N. M. State peasants and the reform of P. D. Kiselev. In 2 vols. Vol. 2: Implementation and consequences of the reform. Moscow: Leningrad: Academy of Sciences of the USSR; 1958. (In Russ.).

8. Mironenko S. V. Pages of the secret history of the autocracy: Political history of Russia in the first half of the 19th century. Moscow: Mysl'; 1990. (In Russ.). ISBN 5-244-00406-9.
9. Rummyantsev R. A. Military and state activity of Pavel Dmitrievich Kiselev: 1805–1862. Candidate Degree Thesis. Moscow; 2009. (In Russ.).
10. Rummyantsev R. A. Pavel Dmitrievich Kiselev. *Voprosy Istorii*. 2008;(12):50–61. (In Russ.).
11. Minin A. Count P. D. Kiselev: A Portrait of a minister as a mirror of the era. St. Petersburg: SPbSUTD; 2012. (In Russ.).
12. Rezvantseva I. A. P. D. Kiselev – the great Russian reformer. *Young Scientist*. 2023;44:317–320. (In Russ.).
13. Latypov R. T., Ruchkin A. V. the system of state property management in the Russian empire in the second third XIX – early XX centuries. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*. 2022;(5):155–163. (In Russ.). DOI [10.26105/SSPU.2022.80.5.015](https://doi.org/10.26105/SSPU.2022.80.5.015).
14. Blinova V. S. P. D. Kiselev's views on local self-government. In: Regional policy: interuniversity coll. of scientific papers. Issue 2. Saratov: Volga Interregional Educational Center; 1997. P. 28–33. (In Russ.).
15. Blinova V. S. P. D. Kiselev's views on the Russian state. In: Public thought, political movements and parties in Russia in the 19th–20th centuries: Coll. of scientific arts. (on materials of the interuniversity scientific conference. Bryansk: BSPU; 1996. P. 16–18. (In Russ.).
16. Blinova V. S. On the political views of P. D. Kiselev. In: Problems of political science and political history: interuniversity coll. of scientific papers. Issue 6. Saratov: Saratov University; 1996. P. 4–8. (In Russ.).
17. Oakeshott M. Rationalism in politics and other essays. Moscow: Idea-Press; 2002. (In Russ.).
18. Blinova V. S. State peasants of the Saratov Province in the first half of the 19th century. In: Questions of peasant studies: coll. of arts. Issue 1. Saratov: Saratov State Agricultural Academy; 1994. P. 92–94. (In Russ.).

Received: 19.11.2025. Corrected: 12.02.2026. Accepted: 20.02.2026.

Author information:

Valentina S. Slobozhnikova, Doctor of Political Science, Professor,
Professor of the Department of History of Political Thought,
State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia. slvase@mail.ru
ORCID: [0000-0002-6952-991X](https://orcid.org/0000-0002-6952-991X)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.1.4](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.4)
EDN [YARBMA](https://edn.yarbma.ru)
УДК 327

В. К. Внук¹

¹ Университет «Синергия». Москва, Россия

ТОРДЕСИЛЬЯССКО-САРАГОССКИЙ ПЕРИОД КАК ПЕРВАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭПОХА

Аннотация. Целью настоящей статьи является анализ генезиса, эволюции и кризиса Тордесильяско-Сарагосского периода в мировом политическом процессе как самостоятельной геополитической эпохи. Методологической основой исследования являются геополитический подход, теория конфликтов и иерархический подход. Автор выделяет три фазы Тордесильяско-Сарагосской эпохи: генезис, имперский перегрев, кризис. В статье акцентируется внимание на том, что в конце XV в. — первой половине XVII в. в мировой политической системе происходят кардинальные изменения: совокупность региональных политических систем трансформируется в глобальную систему; возникают и закладываются основы первых колониальных империй — португальской и испанской; формируются первые глобальные талассократии в лице Португалии и Испании. Одновременно оформляется нормативно-правовая база, устанавливающая монополию указанных государств на территориальную экспансию, и формируется первая глобальная сверхдержава в лице Испанского королевства. В статье делается вывод, что Тордесильяский и Сарагосский договоры определили политическое разделение мира на протяжении последующих столетий, создав важный юридический прецедент: впоследствии аналогичные соглашения по разделу сфер влияния стали заключать другие государства. Таким образом, именно в Тордесильяско-Сарагосскую геополитическую эпоху были заложены основы глобализации и установлена монополия западноевропейских государств на территориальную экспансию во всём мире. Вследствие этого первой геополитической эпохой следует считать не Вестфальскую, а Тордесильяско-Сарагосскую эпоху.

Ключевые слова: геополитика, Тордесильяско-Сарагосская эпоха, Испания, Португалия, сверхдержава, талассократия, колониальные империи, Тордесильяский договор, мировая политическая система

Для цитирования: Внук В. К. Тордесильяско-Сарагосский период как первая геополитическая эпоха // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 1. С. 50–61. DOI [10.19181/nko.2026.32.1.4](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.4). EDN [YARBMA](https://edn.yarbma.ru).

Введение. С точки зрения геополитики мировую историю можно представить как последовательную смену эпох, которые характеризуются определённым балансом сил в международной политической системе и механизмом правового регулирования. В то же время до сих пор не сложилось единого взгляда на периодизацию геополитики. Целесообразно обратиться к концепции Хартленда, предложенной Хэлфордом Маккиндером, который выделял «революцию, начатую великими мореплавателями поколения Колумба» [1, с. 432]. В рамках теории Маккиндера доколумбовая эпоха характеризовалась борьбой Европы и Азии, а отличительной чертой колумбовой эпохи стала морская экспансия европейских колониальных империй [2, с. 19]. Автор концепции «столкновения цивилизаций» Самуэль Хантингтон также выделяет 1500 г. в качестве определённого рубежа и называет процесс становления глобальных западных империй между 1500 и 1750 гг. «возвышением Запада». По мнению Хантингтона, современная эра наступила около 1500 г., когда национальные государства Запада (Великобрита-

ния, Франция, Испания, Австрия, Пруссия, Германия и Соединённые Штаты) составляли многополярную международную систему в рамках западной цивилизации, а также завоёвывали, колонизировали или оказывали решающее влияние на все остальные цивилизации [3, с. 21]. Иммануил Валлерстайн особо выделял 1600 год, в котором началась эпоха меркантилизма, вследствие чего XVII столетие стало веком формирования капитализма и подготовило последующий этап новой масштабной экспансии капитализма на рубеже XVIII–XIX вв. [4, с. 43].

Большинство отечественных авторов придерживаются точки зрения, согласно которой первая геополитическая эпоха началась вследствие заключения в 1648 г. Мюнстерского и Оснабрюкского соглашений, в результате которых были заложены основные принципы современной мировой политики. Так, профессор И. Ф. Кефели выделяет пять основных геополитических эпох: Вестфальскую (1648–1815), Венскую (1815–1918), Версальскую (1918–1945), Потсдамскую (1945–1991) и современную, Беловежскую (с 1991 — по настоящее время) [5, с. 70]. Согласно ещё одной точке зрения, первая геополитическая эпоха началась в результате раздела мира Португалией и Испанией в 1494 г. [6, с. 123–124].

Последняя точка зрения представляется наиболее обоснованной. До начала Великих географических открытий мир не являлся единой политической системой, а представлял собой совокупность региональных политических систем, в рамках которых существовало государство-лидер. Например, в Европе роль лидера в разные эпохи играли Афины, Спарта, Рим, Византия, Франкское государство, Священная Римская империя. В Средней Азии и на Ближнем Востоке в качестве лидеров выступали Ассирийская держава, держава Ахеменидов, государство Селевкидов, Египет Птолемея, Греко-Бактрийское царство, империя Сасанидов, Арабский халифат. На индийском субконтиненте в разное время в качестве региональных держав выступали империя Маурьев, держава Гуптов, Делийский султанат. Региональные политические системы или не взаимодействовали между собой, или это взаимодействие носило слабый и кратковременный характер. Однако в конце XV века международный порядок изменился: с началом эпохи Великих географических открытий мир стал единой геополитической системой с выраженным центром и периферией, а Тордесильяский договор (1494 г.) стал документом, юридически закрепляющим новую систему международных отношений.

В то же время данная точка зрения также подлежит критике. В результате Тордесильяского договора была проведена граница в Атлантическом океане, то есть была начата юридическая процедура раздела мира. Завершение данной процедуры было осуществлено лишь тридцать пять лет спустя, в результате заключения Сарагосского договора 1529 г., в ходе которого была проведена демаркационная линия в Тихом океане. Таким образом, корректнее было бы говорить о Тордесильяско-Сарагосской геополитической эпохе.

Целью исследования является анализ генезиса, эволюции и кризиса первой — Тордесильяско-Сарагосской — геополитической эпохи.

Научная новизна исследования заключается в обосновании авторской периодизации геополитической истории, выделяющей Тордесильяско-Сарагосскую эпоху в качестве самостоятельного этапа формирования единой мировой политической системы.

Методологической основой исследования являются геополитический и иерархический подходы, а также теория конфликтов. В рамках геополитического подхода политические явления исследуются через анализ распределения и перераспределения сфер влияния между государствами — центрами силы. В рам-

ках иерархического подхода политические явления раскрываются в контексте отношений «ядро — полупериферия — периферия». В рамках теории конфликтов анализ явлений осуществляется через противоборство субъектов мирового политического процесса.

Актуальность данной темы определяется тем, что именно в Тордесильяско-Сарагосскую геополитическую эпоху закладывались основы глобализации и оформлялась нормативно-правовая база, устанавливающая монополию государств «глобального Запада» на территориальную экспансию. Впоследствии заключение договоров, подобных Тордесильяскому и Сарагосскому, стало общепринятой международной практикой. В качестве примера можно привести продажу в 1803 г. Францией Соединённым Штатам Луизианы; договор Гваделупе-Идальго 1848 г. между Мексикой и США, по которому к США отошли Калифорния, Техас, Нью-Мексико, Юта, Невада и Аризона; а также Берлинскую конференцию европейских государств 1884 г. по разделу Африки. Неоднократные предложения президента США Дональда Трампа о покупке у Дании острова Гренландия¹, также опираются на логику и сделаны в духе Тордесильяского и Сарагосского соглашений.

Результаты исследования. Начало Нового времени ознаменовалось кардинальными политическими, социальными и экономическими трансформациями, которые оказали решающее влияние на мировую политику и заложили фундамент первой глобальной геополитической эпохи. Захват в январе 1492 г. Гранады — последнего владения арабов на Пиренейском полуострове — означал завершение реконквисты и формирование ядра будущей Испании. После завершения реконквисты Арагон и Кастилия приступили к территориальной экспансии и захвату торговых путей. Однако в конце XV в. окрепшая Османская империя перекрыла торговые средиземноморские пути из Европы в Индию и Китай. Значение прежних торговых средиземноморских держав — Генуи и Венеции — резко упало. Европейским государствам требовались новые торговые пути в Азию, идущие в обход Средиземного моря.

Португалия и Испания первыми среди европейских держав предприняли попытки поиска альтернативного морского пути в Индию. Географическое положение Пиренейского полуострова, выдвинутого далеко на запад в Атлантический океан, благоприятствовало экспансии Португалии и Испании в поисках Индии в западном направлении. Португалия первой приступила к колониальной экспансии. В 1415 г. португальцы захватили на африканском побережье крепость Сеуту, которая стала плацдармом для продвижения на западное побережье Африки. В 1432 г. португальцы овладели Азорскими островами. В 1487 г. экспедиция Бартоломеу Диаса достигла мыса Доброй Надежды. В итоге португальская колониальная империя сложилась «как совокупность морских портов, контролируемых португальской короной, от востока Африки до Дальнего Востока в Китае, Японии и Восточной Индонезии» [7, с. 54]. Буллами римского папы Николая V королю Португалии Альфонсу V предоставлялось «свободное и полное право находить, захватывать и покорять всех сарацинов, язычников и других врагов Христа, где бы они ни находились; присваивать себе их королевства, княжества, домены, владения» [8, с. 188].

С возвышением Кастилии и Арагона и началом испанской экспансии рим-

¹ Шварцман В. Как Трамп может присоединить к США Гренландию и что ему может помешать // РБК. 21.01.2026. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/01/2026/696f9b4b9a7947efca3d69d9> (дата обращения: 01.02.2026).

ская курия была вынуждена заняться вопросом разграничения сфер влияния в Атлантике. Мнимое открытие западного пути в Индию в ходе экспедиции Христофора Колумба в 1492 г. вызвало тревогу со стороны Португалии, сделавшей ставку на поиски путей в Индию в обход Африканского континента. Португальский король Жуан II и его правительство решили, что Кастилия и Арагон нарушили права Португалии, ранее подтверждённые римско-католической церковью. Возникла необходимость разделения сфер влияния между двумя крупнейшими европейскими державами. В булле “Inter caetera” от 4 мая 1493 г. новоизбранный римский папа Александр VI, являвшийся уроженцем Арагона, утвердил права Фердинанда и Изабеллы «на все острова и материки, найденные и те, которые будут найдены, открытые и те, которые будут открыты, к западу и к югу от линии... на расстоянии ста лиг к западу и к югу от любого из островов, обычно называемых Азорскими и Зелёного Мыса» [9, с. 1167]. Таким образом, римский понтифик предоставил Кастилии и Арагону, наряду с Португалией, права на завоевание вновь открытых земель в Атлантическом океане [10, с. 11].

Разумеется, такой результат не устраивал Португалию, по настоянию которой был осуществлён пересмотр зон влияния двух держав. 7 июня 1494 г. в кастильском городе Тордесильяс при посредничестве римской курии между королевствами Кастилия и Арагон с одной стороны и королевством Португалия с другой был заключён договор, согласно которому новая и окончательная разграничительная граница определялась как «линия от полюса до полюса, то есть от полюса арктического до полюса антарктического с севера на юг, в 370 лигах к западу от островов Зелёного Мыса, ...и чтобы всё, что уже открыто или будет открыто королём Португалии или его кораблями, будь то острова или материки к востоку от этой линии и внутри её на севере и на юге, принадлежало названному сеньору — королю Португалии и его преемникам на веки вечные, и чтобы все острова и материки как открытые, так и те, что будут открыты королём и королевой Кастилии и Арагона или их кораблями к западу от названной линии, на севере и на юге, принадлежали означенным сеньорам — королю и королеве и их преемникам на веки вечные» [11, с. 432]. Таким образом, по Тордесильясскому договору территория Американского континента, за исключением части современной Бразилии, попала в сферу интересов Кастилии и Арагона, а Африка и Азия — в сферу интересов Португалии [12, с. 164]. Римский папа Юлий II утвердил договор в 1506 г. [13, с. 25]. В итоге была проведена и легализована первая демаркационная линия, разделившая потенциальные сферы влияния двух глобальных держав в Атлантическом океане, а сам Тордесильясский договор стал «одним из первых и самых высокомерных актов европейской имперской глобальной географии», в результате которой «мир был разделён надвое двумя европейскими королевствами, которые использовали карту для объявления своих глобальных амбиций»².

Первая четверть XVI в. ознаменовалась активной колониальной экспансией Арагоно-Кастильской державы. В 1508 г. был захвачен Пуэрто-Рико, в 1511 г. — Куба, в 1519–1521 гг. произошёл захват Ацтекской империи. Внук и наследник Фердинанда и Изабеллы Карл Габсбург принял во владение огромную державу, включающую ряд европейских королевств, а также обширные владения в Новом Свете. Арагоно-Кастильская держава достигла пика своего могущества и заняла в международных делах главенствующее положение. Этот ресурс позволил новому монарху

² Brotton J. A history of the world in twelve maps. London: Penguin Books, 2012. P. 186–187. Цит. по [14, с. 79], (*перевод мой* — Внук В. К.).

добиться избрания императором Священной Римской империи под именем Карл V. Новый император считал своей миссией объединение христианской Европы: господство одного монарха позволило бы преодолеть раздробленность Европейского континента и консолидировать силы для борьбы против турецкой угрозы [15, с. 24].

Не менее активно происходило становление португальской колониальной империи. В 1498 г. флотилия под командованием Васко да Гамы достигла Индии в обход Африки. В 1500 г. экспедиция Педру Алвареша Кабрала достигла берегов современной Бразилии и объявила открытую землю собственностью португальской короны. В 1510 г. была основана Португальская Индия со столицей в Гоа, а в 1512 г. открыты «острова пряностей» — Молуккские острова, ставшие главным «яблоком раздора» для двух колониальных империй. Предпринятая испанской короной экспедиция Фернандо Магеллана (1519–1522 гг.) осуществила первое кругосветное путешествие, в ходе которого было доказано, что Молуккских островов можно достичь, двигаясь из Европы в западном направлении. Так как сферы влияния Арагоно-Кастильской державы и Португальского королевства были разграничены только в Западном полушарии, но не в Восточном, Карл V имел все основания заявить права на «острова пряностей». В течение последующих семи лет между двумя колониальными державами развернулась борьба за обладание Молуккскими островами, что создало угрозу нарушения баланса между государствами.

22 апреля 1529 г. между императором Карлом V и португальским королём Жуаном III в дополнение к Тордесильяскому договору был заключён Сарагосский договор, согласно которому была проведена вторая демаркационная «линия-полукруг от полюса к полюсу, расположенная в семнадцати градусах от Молуккских островов к востоку, что составляет двести девяносто семь с половиной лиг»³ [16]. Таким образом, в 1529 г. был окончательно оформлен глобальный раздел мира между Арагоно-Кастильской и Португальской державами, в результате чего сложились две первые колониальные империи: испанская и португальская.

Для детального анализа эволюции данной геополитической системы условно можно выделить три фазы Тордесильяско-Сарагосской эпохи: генезис, имперский перегрев, кризис.

Фаза генезиса (1494–1556) — период интенсивного расширения испанской и португальской империй. В этот период стратегии португальской и испанской колонизации кардинально различались, что определило двойственную структуру эпохи.

Отличительной чертой колониальной политики Португалии являлось создание фортов и факторий на африканском и азиатском побережье: не имея возможности контролировать большие территории, Португалия старалась удержать за собой лишь некоторые важные в стратегическом отношении пункты, служившие узловыми центрами торговых путей и игравшие роль опорных точек. Такая стратегия принесла положительный результат: в руках португальцев оказались все нити колониальной торговли с Ост-Индией [17, с. 119]. Португалия основала торговые порты в таких отдалённых местах, как Гоа, Ормуз, Бомбей, Цейлон, Бахрейн, Молуккские острова, Нагасаки, Макао и др. При этом Португалия доминировала не только в торговле между Азией и Европой, но и в торговле между различными государствами Азии. Уже в первое двадцатилетие XVI в. Португалии удалось стать главным поставщиком специй и пряностей в Европу.

³ Текст Сарагосского договора цитируется по архивным документам к 500-летию первого кругосветного плавания [16] (*перевод мой* — Внук В.К.).

Испанская колониальная стратегия, напротив, была направлена на подчинение целых государств. Так, после захвата империи Ацтеков (1521 г.) последовал разгром и захват государства Тараско (1531 г.) и империи Инков (1532–1533 гг.), а также других доколумбовых цивилизаций. В ходе колонизации местное население безжалостно истреблялось физически, обращалось в рабство, а также массово гибло от голода и привезённых из Старого Света болезней. Для замещения рабочей силы на рудниках, сахарных плантациях и иных объектах, испанские и португальские колонизаторы были вынуждены прибегнуть к массовому завозу на Американский континент негров-рабов из Африки. Таким образом, косвенным следствием заключения Тордесильяского и Сарагосского договоров стало возникновение и бурное развитие трансатлантической работоторговли между португальскими владениями в Африке и португальскими и испанскими владениями на Американском континенте [18, с. 3].

Первоначально колониальная экспансия Испании и Португалии не встречала серьёзной конкуренции со стороны других европейских держав. Однако уже в первой половине XVI в. положения Тордесильяского и Сарагосского договоров начинает оспаривать Франция: король Франциск I прямо заявил, что требует «свободы морей и океанов» [19, с. 235]. Английские Тюдоры, состоявшие с испанскими Габсбургами в династических союзах, не бросали серьёзных вызовов Испании до 1560 г. [20, с. 12]. При этом, не имея возможности вступить в открытое противостояние с испанским и португальским флотами, Франция и Англия во второй половине XVI в. вели борьбу с ними путём организации каперских рейдов [21, с. 62]. Разумеется, такая тактика, хотя и наносила определённый ущерб флотам Испании и Португалии, не могла принести Англии и Франции решающего успеха. Тем не менее, планы Карла V по созданию «всемирной монархии» были сорваны. В 1556 г. Карл V отрёкся как от императорского престола, так и от престола Испании, а спустя год, в 1557 г., умер второй подписант Сарагосского договора — португальский король Жуан III, оставивший после себя единственного преемника — малолетнего Себастьяна I.

1557 г. можно считать условной датой окончания фазы генезиса Тордесильяско-Сарагосской эпохи.

Фаза перегрева (1557–1609). Вторая половина XVI в. и в Испании, и в Португалии характеризуется ростом экономических проблем. Испанский король Филипп II проводил активную внешнюю политику, вследствие которой ресурсы (военные, финансовые, экономические, демографические), необходимые для решения внутренних вопросов, перенаправлялись для решения внешнеполитических проблем. Неудовлетворительное состояние финансов приводило к росту налогообложения, эмиссии денег, увеличению долгов. Для пополнения казны все сделки купли-продажи облагались алькабалой — специальным налогом, размер которого постоянно увеличивался. Такая налоговая политика имела двойственный эффект, с одной стороны, алькабала приносила до 40% доходов в государственную казну Испании, а с другой — тормозила развитие экономики [22, с. 57]. Кроме того, огромный приток золота и серебра из колоний сделал производство внутри страны неприбыльным. Как следствие, уже с середины 40-х гг. XVI в. в Испании начинается спад производства. Началась «революция цен»: уже к середине XVI в. цены на продовольствие и другие товары выросли вдвое, а к концу столетия — в четыре раза [23, с. 262]. Подорожавшие испанские товары теряли конкурентоспособность в сравнении с товарами из других стран. Уже с середины

XVI в. начинается экономический упадок Испании, дополненный утратой преобладания на морях, и одновременный рост экономик Нидерландов и Англии. Упадок экономики и финансов самым пагубным образом сказывался на состоянии армии и флота. Как следствие, успехи Испанской короны чередовались с неудачами. Так, в 1565 г. была предпринята колонизация Филиппин, а уже в следующем, 1566 г. году началась революция в Нидерландах.

В Португалии из-за роста конкуренции со стороны других государств цены на колониальные товары начали снижаться, а затраты на содержание фортов, крепостей, а также колониальной администрации, возрастали [24, с. 43]. Ситуация усугублялась гибелью в 1578 г. короля Себастьяна I, которая привела к пресечению Ависской династии. Последним обстоятельством воспользовался Филипп II, который осуществил присоединение Португалии к Испании (заключение в 1583 г. Иберийской унии). Таким образом, Филиппу II удалось объединить под своей властью весь Пиренейский полуостров: Арагон, Кастилию, Леон, Каталонию, Валенсию, Наварру, Гренаду и Португалию. Вместе с Португалией к Испании перешли обширные колониальные владения (Бразилия, владения в Африке, Индии, Индокитае, Океании и др.). В результате Иберийской унии Испания на некоторое время упрочила свой статус лидера мирового политического процесса и фактически стала единственной глобальной державой. Это объединение стало вершиной Тордесильяско-Сарагосской системы и одновременно ознаменовало кульминацию её «перегрева», так как максимальное расширение совпало с началом истощения ресурсов, а потребности для дальнейшей экспансии превышали возможности экономики.

До начала XVII в. Испании удавалось поддерживать статус глобальной державы. Так, по договору с Англией 1604 г. Лондону пришлось принять большинство условий, выдвинутых Мадридом [25, с. 77–78]. Однако на поддержание статуса глобальной державы у Испании становилось всё меньше ресурсов. В итоге Испанское государство оказалось не в состоянии покрывать растущие расходы и было вынуждено прибегать к политике внутренних займов. Если в 1563 г. сумма испанского госдолга составляла 30 млн дукатов, то к началу XVII в. — уже 140 млн дукатов. Положение финансов с каждым годом усугублялось, поэтому примерно один раз в двадцать лет испанские короли были вынуждены объявлять дефолт: в 1557, 1575, 1596, 1607, 1627 [26, с. 145].

Фаза кризиса (1609–1648). В 1609 г. Испания была вынуждена признать независимость Нидерландов. Эту дату можно считать «точкой надлома» испанского могущества и началом финальной стадии Тордесильяско-Сарагосской эпохи. Кроме того, претензии Габсбургов на мировое господство не могли не вовлечь Испанию в Тридцатилетнюю войну. Как следствие, против испанских и австрийских Габсбургов выступила широкая коалиция европейских государств: протестантские княжества Германии, Нидерланды, Англия, Франция, Швеция и ряд других стран. Боевые действия для Испании шли на разных, часто удалённых друг от друга фронтах. Пользуясь тем, что испанские вооружённые силы были разбросаны по всему миру, противники получили шанс нанести им поражение по частям. Так, голландский флот в 1639 г. нанёс сокрушительное поражение испанскому флоту в битве при Даунсе, большая часть испанских кораблей была уничтожена, и Испания уже была не в состоянии восстановить своё господство на море. В 1643 г. французские войска нанесли решающее поражение испанцам

в битве при Рокруа. Военные действия выкачивали из Испании все ресурсы, Кортесы отказывались давать деньги на войну, страна находилась в состоянии перманентного экономического кризиса и была не в состоянии продолжать боевые действия. По Вестфальскому миру (1648 г.) Испания была вынуждена окончательно признать независимость Нидерландов. Хотя Тридцатилетняя война не привела к краху Габсбургов, но упадок Испании стал очевиден [27, с. 97].

Вестфальский мир считается датой рождения международного права и принципа суверенитета в современных международных отношениях. [28, с. 82]. Одновременно это событие подвело черту под Тордесильяско-Сарагосской геополитической эпохой — на смену ей пришла Вестфальская геополитическая эпоха, основанная на принципе европейского баланса сил, а Испания окончательно уступила статус мирового лидера [29, с. 15]. Но и после заключения Вестфальского мира кризис Испанского государства не завершился. Ещё в 1640 г. началось восстание в Португалии, в результате которого королём был провозглашён герцог Браганса, а уже в 1668 г. Мадрид был вынужден согласиться на расторжение Иберийской унии и признать суверенитет Португалии. Вместе с утратой Португалии испанские Габсбурги потеряли контроль над большинством португальских колоний в Южной Америке, Африке, Азии, Океании.

Общий политический и экономический кризис Испанского государства усугублялся династическим кризисом. Матримониальная политика испанских Габсбургов, основанная на кровнородственных связях, привела к полному вырождению династии. Смерть в 1700 г. Карла II означала пресечение испанской ветви Габсбургов и повлекла за собой войну за Испанское наследство. По результатам Утрехтского мира 1713 г. испанский престол достался представителю французских Бурбонов. Произошёл раздел Испанской державы: к Австрии отошли Неаполитанское королевство, Сардиния, Миланское герцогство, испанские Нидерланды, к Англии — Гибралтар и Минорка. Несмотря на то, что Испании удалось сохранить большинство колоний, на главенствующую роль отныне стала претендовать Англия, получившая стратегически важные территории, а также выгодные торговые привилегии, в частности, асьенто — монопольное право на ввоз в испанские колонии африканских рабов. Английские торговцы немедленно воспользовались предоставленным правом: только за период с 1714 по 1739 г. британская выручка от работорговли составила астрономическую сумму в 224 млн песо [30, с. 27]. По итогам Утрехтского мира Испания, крупнейшее государство XV–XVII столетий, хотя и сохранила колониальную империю, но окончательно утратила статус сверхдержавы и даже на некоторое время превратилась из субъекта мирового политического процесса в объект. Итак, к началу XVIII в. Тордесильяско-Сарагосская система была полностью заменена новой геополитической архитектурой.

Выводы. Проведённое исследование позволяет сделать вывод, что мировая политическая система сформировалась более чем за столетие до Вестфальского мира 1648 г., а именно в первой половине XVI в., в результате первого в человеческой истории глобального раздела мира по Тордесильяскому договору 1494 г. и Сарагосскому договору 1529 г. Эти договоры являлись итогом компромисса и основывались на имевшемся балансе сил между Арагоно-Кастильской державой и Португалией. Фактически королевства Арагон и Кастилия, как и королевство Португалия, стали первыми глобальными талассократиями — государствами, чьё могущество основано на контроле акваторий: портов, проливов, океанических и морских путей.

Пик геополитического могущества Испанского государства пришёлся на середину цикла, а именно на 1583 г., когда в результате Иберийской унии к Испании было присоединено Португальское королевство, и образовалась первая глобальная геополитическая сверхдержава. При этом период между Тордесильяским и Сарагосским договором (1494–1529) можно считать первой эпохой глобального равновесия, по аналогии с Тридцатилетней войной, предшествовавшей Вестфальской геополитической эпохе, наполеоновскими войнами, предшествовавшими Венской геополитической эпохе, Первой мировой войной, предшествовавшей Версальской геополитической эпохе, и Второй мировой войной, предшествовавшей Ялтинско-Потсдамской геополитической эпохе.

Тордесильяский и Сарагосский договоры создали важный юридический прецедент раздела сфер влияния. В конце XV в. — первой половине XVI в. возникли и были заложены основы первых колониальных империй — португальской и испанской; оформилась нормативно-правовая база, устанавливающая монополию указанных государств на территориальную экспансию. Впоследствии подобные соглашения стали заключать и другие государства, в результате чего огромные территории Азии, Африки и Америки вместе с населяющими их народами стали объектами сделок между государствами «глобального Запада». Таким образом, Тордесильяско-Сарагосская эпоха заложила фундамент современной мировой политической системы, определив основные принципы геополитического соперничества на столетия вперед.

Библиографический список

1. *Mackinder H. J.* The geographical pivot of history // *The Geographical Journal*. 1904. Vol. 23, No. 4. P. 421–437.
2. *The geopolitics reader* / Ed. by G. Ó'Tuathail, S. Dalby, P. Routledge. London : Routledge, 1998. 328 p. DOI [10.4324/9780203444931](https://doi.org/10.4324/9780203444931).
3. *Huntington S. P.* The clash of civilizations and the remaking of world order. New York : Simon & Schuster, 1996. 367 p. ISBN 978-0684811642.
4. *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна II: Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750. М. : Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 528 с. ISBN 978-5-91244-170-7.
5. Глобальная геополитика / И. Ф. Кефели, И. И. Абылгазиев, И. В. Ильин [и др.]. М. : МГУ, 2017. 280 с. ISBN 978-5-19-011221-4.
6. *Исаев Б. А., Игнатьева И. Ф.* Геополитическая история как пограничная дисциплина истории и геополитики // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2024. № 90. С. 119–129. DOI [10.17223/19988613/90/13](https://doi.org/10.17223/19988613/90/13). EDN [BFASRO](https://www.edn.ru/19988613/90/13).
7. *Арутюнян Р. А.* Португальская экспансия в Малайе и ее влияние на организационно-правовую трансформацию институтов публичной власти в Малайе // *Историко-правовые проблемы: новый ракурс*. 2024. № 1. С. 48–64. DOI [10.24412/2309-152-2024-1-48-64](https://doi.org/10.24412/2309-152-2024-1-48-64). EDN [EPVTQM](https://www.edn.ru/2309-152-2024-1-48-64).
8. *Писаный Д. М.* Некоторые аспекты систематизации первоисточников по апологии рабства в Новое время: классификация и обзор когнитивного потенциала исторических документов // *Научный вестник ГОУ ЛНР «Луганский национальный аграрный университет»*. 2019. № 7-2. С. 185–203. EDN [BYWGW](https://www.edn.ru/2019-07-2)T.
9. Булла *Inter Caetera* №2, 4 мая 1493 г. // *Хрестоматия по истории международных отношений*. В 5 кн. Книга 2: Средние века / Д. В. Кузнецов. Благовещенск : БГПУ, 2013. С. 1166–1168.
10. *Терновая Л. О.* Влияние вымышленных регионов на геополитическую реальность // *Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)*. 2016. № 3(32). С. 7–17. EDN [WROBNH](https://www.edn.ru/2016-03).
11. *Хроники открытия Америки. Новая Испания. Книга I: Исторические документы: Пер. с исп. / Под ред. В. Б. Земскова, С. А. Шмидта*. М. : Академический Проект, 2000. 496 с. ISBN 5-8291-0078-9.

12. Неклесса А. И. Три глобуса Ойкумены // Метафизика. 2022. № 3(45). С. 161–171. DOI [10.22363/2224-7580-2022-3-161-171](https://doi.org/10.22363/2224-7580-2022-3-161-171). EDN [VEUBFH](https://www.edn.ru/VEUBFH).
13. Гольдин Г. Г., Терновая Л. О. Международно-правовое закрепление государственных границ: опыт истории и тревоги будущего // Учёные труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г. Б. Мирзоева. 2025. № 1(76). С. 24–29. EDN [HOCCKM](https://www.edn.ru/HOCCKM).
14. Duve T. El Tratado de Tordesillas: ¿Una ‘revolución espacial’? Cosmografía, prácticas jurídicas y la historia del derecho internacional público // Revista de historia del derecho. 2017. No. 54. P. 77–107.
15. Евдокимова А. А. Имперские амбиции Карла V Габсбурга (1519–1556) // Вестник Башкирского университета. 2005. Т. 10, № 1. С. 24–27. EDN [PXDAYT](https://www.edn.ru/PXDAYT).
16. Tratado de Zaragoza (17 a 22-IV-1529) // Documentos para el quinto centenario de la primera vuelta al mundo. La huella archivada del viaje y sus protagonistas / Translit. por C. Bernal. Sevilla, 2019–2022. Arch. ref.: ES.41091.AGI/29.3.8.16//PATRONATO.49.R.9. URL: [https://civilliter.es/biblioteca/ICSevilla2019_Tratado%20de%20Zaragoza%20\(a15\).pdf](https://civilliter.es/biblioteca/ICSevilla2019_Tratado%20de%20Zaragoza%20(a15).pdf) (accessed: 04.01.2026).
17. Лохова И. В. Особенности португальской колониальной экспансии XV–XVI веков // Genesis: исторические исследования. 2023. № 11. С. 112–123. DOI [10.25136/2409-868X.2023.11.43589](https://doi.org/10.25136/2409-868X.2023.11.43589). EDN [YUMHWU](https://www.edn.ru/YUMHWU).
18. Marques L. The Making of a Slave-Trading Entrepôt: Rio de Janeiro in the Economic Spaces of Mining, 1565–1763 // Culture and History Digital Journal. 2023. Vol. 12, No. 2. P. e019. DOI [10.3989/chdj.2023.019](https://doi.org/10.3989/chdj.2023.019). EDN [DSZBUU](https://www.edn.ru/DSZBUU).
19. Ashrafyan K. E. “The Silver Age of Piracy”: French pirates in the Atlantic in the first third of the XVI century // Samara Journal of Science. 2020. Vol. 9, No. 4. P. 232–239. DOI [10.17816/snv202094204](https://doi.org/10.17816/snv202094204). EDN [OZIZCO](https://www.edn.ru/OZIZCO).
20. Pickett M. F., Pickett D. W. The European struggle to settle North America: colonizing attempts by England, France and Spain, 1521–1608. London : McFarland, 2014. 264 p. ISBN 978-0-7864-5932-2.
21. Куликов Ф. И. Англия второй половины XVI века на пути в Китай: поиск северного морского пути и планы колонизации Сибири // Научный вестник Горно-Алтайского государственного университета : сб. ст. Том 15. Горно-Алтайск : Горно-Алтайский государственный университет, 2020. С. 61–67. EDN [MHDCPX](https://www.edn.ru/MHDCPX).
22. Муравьева Л. А. Экономика средневековой Европы в XV–XVI вв. // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 24(318). С. 52–62. EDN [SGFXEN](https://www.edn.ru/SGFXEN).
23. Всемирная история : В 10 т. Т. 4 / Отв. ред. М. М. Смирин. М. : Соцэкгиз, 1958. 824 с.
24. Розинская Н. А. Причины различий в динамике экономического роста в Португалии и Голландии в XV–XVII вв. в свете институциональных теорий // Журнал институциональных исследований. 2017. Т. 9, № 1. С. 39–50. DOI [10.17835/2076-6297.2017.9.1.039-050](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.1.039-050). EDN [YHGXOP](https://www.edn.ru/YHGXOP).
25. Петровский В. М. «Великая армада»: проблема эффективности действий испанского и английского флотов в войне 1585–1604 гг. // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. 2014. № 3. С. 63–78. EDN [SOANBJ](https://www.edn.ru/SOANBJ).
26. Пискорский В. К. История Испании и Португалии. СПб : Брокгауз-Эфрон, 1909. 276 с.
27. Саямов Ю. Н. Вестфальский мир и его принципы вчера и сегодня // Век глобализации. 2018. № 3(27). С. 95–105. DOI [10.30884/vglob/2018.03.09](https://doi.org/10.30884/vglob/2018.03.09). EDN [UZHWFH](https://www.edn.ru/UZHWFH).
28. Дробот Г. А. Системный подход к анализу мировой политики // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 1. С. 78–94. EDN [LLWZCD](https://www.edn.ru/LLWZCD).
29. Дорская А. А. Вестфальская система и ее роль в становлении современного миропорядка // Образование и право. 2024. № 6. С. 13–18. DOI [10.24412/2076-1503-2024-6-13-18](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2024-6-13-18). EDN [LNTYZZ](https://www.edn.ru/LNTYZZ).
30. Селиванова И. В. Реформы испанских Бурбонов и торговая система Новой Испании // Латиноамериканский исторический альманах. 2003. № 4. С. 25–40. EDN [PIYYHV](https://www.edn.ru/PIYYHV).

Поступила: 09.12.2025. Доработана: 04.02.2026. Принята: 26.02.2026.

Сведения об авторе:

Внук Владимир Константинович, кандидат политических наук, доцент кафедры фундаментальных юридических и социально-гуманитарных дисциплин, Московский университет «Синергия». Москва, Россия. wnuk@mail.ru
Author ID РИНЦ: [289408](https://elibrary.ru/author/id289408); ORCID: [0000-0002-8204-4079](https://orcid.org/0000-0002-8204-4079)

TORDESILLAS-ZARAGOZA PERIOD AS THE FIRST GEOPOLITICAL EPOCH

Abstract. The purpose of this article is to analyze the genesis, evolution and crisis of the Tordesillas-Zaragoza period in the world political process as a separate geopolitical epoch. The methodological basis of the study is a geopolitical approach, conflict theory and hierarchical approach. The author identifies three phases of the Tordesillas-Zaragoza epoch: genesis, imperial overheating, crisis. The article focuses on the fact that at the end of the 15th century — the first half of the 17th century, dramatic changes occur in the world political system: the totality of regional political systems is transformed into a global system; the foundations of the first colonial empires — Portuguese and Spanish — arise and are laid; the first global thalassocracies arise in the person of Portugal and Spain. Simultaneously, a regulatory framework is drawn up that establishes the monopoly of these states on territorial expansion, and the first global superpower is formed in the person of the Spanish kingdom. The article concludes that the Treaties of Tordesillas and Zaragoza determined the political division of the world over the following centuries, creating an important legal precedent: subsequently, other states began to conclude similar agreements on the division of spheres of influence. Thus, it was in the Tordesillas-Zaragoza geopolitical epoch that the foundations of globalization were laid and a monopoly of Western European states on territorial expansion around the world was established. As a result, the first geopolitical era should not be considered the Westphalian, but the Tordesillas-Zaragoza epoch.

Keywords: geopolitics, Tordesillas-Zaragoza epoch, Spain, Portugal, superpower, thalassocracy, colonial empires, Tordesillas Treaty, world political system

For citation: Vnuk V. K. Tordesillas-Zaragoza period as the first geopolitical epoch. *Science. Culture. Society.* 2026;32(1):50–61. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.4>

References

1. Mackinder H. J. The geographical pivot of history. *The Geographical Journal.* 1904;23(4):421–437.
2. Ó Tuathail G., Dalby S., Routledge P. (eds) *The geopolitics reader.* London: Routledge; 1998. DOI [10.4324/9780203444931](https://doi.org/10.4324/9780203444931).
3. Huntington S. P. *The clash of civilizations and the remaking of world order.* New York: Simon & Schuster; 1996. ISBN 978-0684811642.
4. Wallerstein I. *The Modern World-System II. Mercantilism and the consolidation of the European World-Economy, 1600–1750.* Moscow: Dmitry Pozharsky University; 2016. (In Russ.) ISBN 978-5-91244-170-7.
5. Kefeli I. F., Abylgaziev I. I., Ilyin I. V. [et al.] *Global geopolitics.* Moscow: MSU; 2017. (In Russ.). ISBN 978-5-19-011221-4.
6. Isaev B. A., Ignatieva I. F. Geopolitical history as a frontier discipline of history and geopolitics. *Tomsk State University Journal of History.* 2024;(90):119–129. (In Russ.). DOI [10.17223/19988613/90/13](https://doi.org/10.17223/19988613/90/13).
7. Arutyunyan R. A. Portuguese expansion in Malaya and its impact on the organizational and legal transformation of institutions of public power in Malaya. *Historical-Legal Problems: the New Viewpoint.* 2024;(1):48–64. (In Russ.). DOI [10.24412/2309-152-2024-1-48-64](https://doi.org/10.24412/2309-152-2024-1-48-64).
8. Pisanyi D. M. Some aspects of the systematization of sources of apology of the slavery in the New times: classification and review of the cognitive potential of historical documents. *Scientific Bulletin of the Luhansk State Agrarian University.* 2019;(7-2):185–203. (In Russ.).
9. The Bull Inter Caetera No. 2, May 4, 1493. In: Kuznetsov D. V. (comp.) *Reader on the history of international relations: In 5 vols. Vol. 2: The Middle Ages.* Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University; 2013. P. 1166–1168. (In Russ.).
10. Ternovaya L. O. The impact of fictional regions in the geopolitical reality. *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies).* 2016;(3):7–17. (In Russ.).
11. Zemskov V. B., Schmidt S. A. (eds) *Crónicas del descubrimiento de América. Nueva España.* Book I. Moscow: Academic Project; 2000. (In Russ.). ISBN 5-8291-0078-9.
12. Neklessa A. I. Three globes of Οικουμένη. *Metaphysics.* 2022;(3):161–171. (In Russ.). DOI [10.22363/2224-7580-2022-3-161-171](https://doi.org/10.22363/2224-7580-2022-3-161-171).

13. Goldin G. G. Ternovaya L. O. International legal consolidation of state borders: the experience of history and concerns of the future. *Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries*. 2025;(1):24–29. (In Russ.).
14. Duve T. El Tratado de Tordesillas: ¿Una ‘revolución espacial’? Cosmografía, prácticas jurídicas y la historia del derecho internacional público. *Revista de historia del derecho*. 2017;54:77–107. (In Spanish).
15. Yevdokimova A. A. Charles V of Habsburg’s imperial ambitions (1519-1556). *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 2005;10(1):24–27. (In Russ.).
16. Tratado de Zaragoza (17 a 22-IV-1529). In: Bernal C. (translit.) Documentos para el quinto centenario de la primera vuelta al mundo. La huella archivada del viaje y sus protagonistas. Sevilla; 2019–2022. Arch. ref.: ES.41091.AGI/29.3.8.16//PATRONATO.49.R.9. (In Spanish). URL: [https://civiliter.es/biblioteca/ICSevilla2019_Tratado%20de%20Zaragoza%20\(a15\).pdf](https://civiliter.es/biblioteca/ICSevilla2019_Tratado%20de%20Zaragoza%20(a15).pdf) (accessed: 04.01.2026).
17. Lokhova I. V. Special features of the Portuguese colonial expansion of the XV–XVI centuries. *Genesis: Historical Research*. 2023;(11):112–123. (In Russ.). DOI [10.25136/2409-868X.2023.11.43589](https://doi.org/10.25136/2409-868X.2023.11.43589).
18. Marques L. The Making of a Slave-Trading Entrepôt: Rio de Janeiro in the Economic Spaces of Mining, 1565–1763. *Culture & History Digital Journal*. 2023;12(2):e019. DOI [10.3989/chdj.2023.019](https://doi.org/10.3989/chdj.2023.019).
19. Ashrafyan K. E. “The silver age of piracy”: French pirates in the Atlantic in the first third of the XVI century. *Samara Journal of Science*. 2020;9(4):232–239. DOI [10.17816/snv202094204](https://doi.org/10.17816/snv202094204).
20. Pickett M. F., Pickett D. W. The European struggle to settle North America: colonizing attempts by England, France and Spain, 1521-1608. London: McFarland; 2014. ISBN 978-0-7864-5932-2.
21. Kulikov F. I. England of the second half of the XVI century on the way to China: the search for the Northern Sea Route and plans for the colonization of Siberia. In: Scientific Bulletin of the Gorno-Altai State University; call. of arts. Vol. 15. Gorno-Altaysk: Gorno-Altai State University; 2020. P. 61–67. (In Russ.).
22. Murav’eva L. A. The economy of medieval Europe in the 15th – 16th centuries. *International Accounting*. 2014;(24):52–62. (In Russ.).
23. Smirina M. M. (ed.) World History. In 10 vols. Vol. 4. Moscow: Sotsekgiz; 1958. (In Russ.).
24. Rozinskaya N. A. The reasons of differences in dynamics of economic growth in Portugal and Holland in the XV–XVII centuries: an institutional viewpoint. *Journal of Institutional Studies*. 2017;9(1):39–50. (In Russ.). DOI [10.17835/2076-6297.2017.9.1.039-050](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2017.9.1.039-050).
25. Petrovsky V. M. “Great Armada”: the problem of the effectiveness of the Spanish and English fleets in the war years 1585–1604. *Vestnik of Sholokhov Moscow State University for the Humanities. History and Political Science*. 2014;(3):63–78. (In Russ.).
26. Piskorsky V. K. The history of Spain and Portugal. St. Petersburg: Brockhaus-Efron; 1909. (In Russ.).
27. Sayamov Yu. N. Peace of Westphalia and its Principles in the Past and Present. *Age of Globalization*. 2018;(3):95–105. (In Russ.). DOI [10.30884/vglob/2018.03.09](https://doi.org/10.30884/vglob/2018.03.09).
28. Drobot G. A. A system analysis of world politics. *Social and humanitarian knowledge*. 2009;(1):78–94. (In Russ.).
29. Dorskaya A. A. The Westphalian system and its role in shaping the modern global order. *Education and Law*. 2024(6):13–18. (In Russ.). DOI [10.24412/2076-1503-2024-6-13-18](https://doi.org/10.24412/2076-1503-2024-6-13-18).
30. Selivanova I. V. The reforms of the Spanish Bourbons and trade system of New Spain. *Latin American Historical Almanac*. 2003;(4):25–40. (In Russ.).

Received: 09.12.2025. Corrected: 04.02.2026. Accepted: 26.02.2026.

Author information:

Vladimir K. Vnuk, Candidate of Political Science,
Associate Professor of the Department of Fundamental Legal and Socio-Humanitarian
Disciplines, Moscow University “Synergy”. Moscow, Russia. vnuk@mail.ru
ORCID: [0000-0002-8204-4079](https://orcid.org/0000-0002-8204-4079)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.1.5](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.5)
EDN [SJTIMQ](https://edn.sjtimq.ru)
УДК 329.1:324(492+437)

Б. П. Гуселетов^{1,2}

¹ Институт Европы РАН. Москва, Россия

² Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

УСПЕХИ ПРАВОРАДИКАЛЬНЫХ ПАРТИЙ В НИДЕРЛАНДАХ И ЧЕХИИ НА ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 2025 ГОДА

Аннотация. В статье анализируются итоги парламентских выборов 2025 г. в Чехии (3–4 октября) и Нидерландах (29 октября), показавшие значительное усиление позиций партий-членов евроскептической европартии «Патриоты за Европу»: АНО 2011 бывшего премьер-министра Чехии А. Бабиша, одержавшей победу в Чехии, и Партии свободы члена нижней палаты парламента Нидерландов Г. Вилдерса, продемонстрировавшей высокий результат и подтвердившей свой электоральный потенциал (второе место). Обе эти партии ранее внесли заметный вклад в успех данной фракции на евровыборах 2024 г., сформировав третью по численности группу в Европарламенте. Исследование подтверждает тенденцию усиления влияния праворадикальных сил: результаты позволяют предположить, что АНО возглавит правящую коалицию в Чехии, а Партия свободы станет ведущей оппозиционной силой в парламенте Нидерландов. В любом случае эти партии будут оказывать существенное влияние на внутреннюю и внешнюю политику государств. Ключевым аспектом для российских исследователей является позиция лидеров данных партий, выступающих за скорейшее завершение российско-украинского конфликта мирным дипломатическим путём. В условиях противостояния России и Запада итоги этих выборов имеют важное значение, так как позиции АНО и Партии свободы в отношении РФ и российско-украинского конфликта отличаются от европейского мейнстрима и создают предпосылки для пересмотра санкционного режима и восстановления диалога.

Ключевые слова: Нидерланды, Чехия, парламентские выборы 2025, правый популизм, евроскептицизм, АНО 2011, Партия свободы, внешняя политика, Россия, санкционная политика

Для цитирования: Гуселетов Б. П. Успехи праворадикальных партий в Нидерландах и Чехии на парламентских выборах 2025 года // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 1. С. 62–79. DOI [10.19181/nko.2026.32.1.5](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.5). EDN [SJTIMQ](https://edn.sjtimq.ru).

Введение. Основная цель представленного исследования — подтвердить наметившуюся в последние годы тенденцию усиления влияния праворадикальных евроскептических партий в ведущих европейских странах на примере Нидерландов и Чехии. Выбор именно этих государств обусловлен их репрезентативностью для анализа трансформации партийных систем Западной и Центральной Европы: обе страны являются давними членами ЕС и НАТО, однако демонстрируют разнонаправленные траектории развития политического ландшафта, приведшие к схожему результату — росту популярности сил, критикующих брюссельскую бюрократию.

Нидерланды, будучи одними из основателей Евросоюза в 1957 г., традиционно вносили заметный вклад в углубление процесса евроинтеграции [1], не-

смотря на то, что в июне 2005 г. большинство граждан этой страны на референдуме проголосовали против Договора о введении Конституции для Европы [2, с. 39–40]. Тем не менее, с 2010 по 2024 гг. правящей партией Нидерландов оставалась либерально-консервативная Народная партия за свободу и демократию (НПзаСД, член европартии АЛДЕ — Альянс либералов и демократов за Европу) [3, с. 47], лидер которой М. Рютте 14 лет возглавлял правительство. Рютте принадлежал к лагерю так называемых «осторожных еврооптимистов», которые в целом поддерживают ЕС, но при этом выступают против федерализации Европы и передачи излишних полномочий политическим институтам Союза [4, с. 64].

Тем не менее, опрос общественного мнения 2018 г. показал, что Нидерланды оставались страной, в которой доминировали еврооптимистические настроения: доверяют Евросоюзу 50% нидерландцев (в ЕС этот показатель составляет в среднем — 42%), 75% относятся положительно (42%) или нейтрально (35%), а 70% считают себя гражданами ЕС¹.

Однако даже в период доминирования еврооптимистов праворадикальная и евроскептическая Партия свободы Нидерландов (ПСН, член европартии Патриоты за Европу), образованная в 2006 г. Г. Вилдерсом, постоянно была представлена в парламенте, занимая вторые или третьи места при поддержке 10–15% избирателей. На внеочередных выборах 2023 г. ПСН впервые в своей истории заняла первое место (23,5% голосов), во многом благодаря жёсткой позиции по миграции², и вошла в коалиционное правительство. При этом Вилдерсу не удалось занять пост премьера, который по решению остальных членов коалиции достался независимому государственному деятелю Д. Схофу³.

Для политической карьеры Вилдерса характерно явное отличие от типичного нидерландского политического деятеля. Будучи членом парламента от правящей НПзаСД с 1989 г., он в 2002 г. вышел из неё, чтобы создать в 2004 г. собственную Партию свободы, которую привёл в парламент с результатом 5,9% голосов уже в 2006 г. Но уже в 2010 г. ПСН заняла на парламентских выборах третье место; в 2017 была уже второй и в 2023 г. заняла первое место. Для Вилдерса характерно сочетание правых (в экономике и культуре) и левых (в социальной сфере) принципов и акцент на антиисламизме и антииммигрантской риторике.

Чехия вступила в ЕС в 2004 г. и вплоть до 2017 г. в её партийно-политической системе доминировали проевропейские силы: Гражданская демократическая партия (ГДП, член Европейской партии консерваторов и реформистов) [3, с. 68], Социал-демократическая партия Чехии (СДПЧ, член ПЕС — Партии европейских социалистов) [3, с. 46], Христианско-демократический союз — Чехословацкая народная партия (ХДС-ЧНП, член ЕНП — Европейской народной партии), Партия зелёных (ПЗ, член Европейской партии зелёных) [3, с. 57], Традиции. Ответственность. Процветание (ТОП-09, член ЕНП) и др. Единственной умеренно евроскептической партией, представленной в нижней па-

¹ Standard Eurobarometer 89. Spring 2018 // European Sources Online. URL: <http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/Survey/getSurveyDetail/instruments/STANDARD/surveyKy/2180> (accessed 16.12.2025).

² O'Carroll L. Tax, healthcare, immigration: why Dutch people voted for Geert Wilders // The Guardian. 23.11.2023. URL: <https://www.theguardian.com/world/2023/nov/23/dutch-explain-why-they-voted-for-geert-wilders-netherlands-election> (accessed 16.12.2025).

³ Добрынин В. Остановиться, оглянуться: новое правительство Нидерландов выступает против брюссельских инициатив // Известия. 31.05.2024. URL: <https://iz.ru/1704960/vladimir-dobrynin/ostanovitsia-oglianutsia-novoe-pravitelstvo-niderlandov-vystupaet-protiv-briusselskikh-initciativ> (дата обращения: 16.12.2025).

лате чешского парламента (Палата депутатов, ПД), была Партия коммунистов Чехии и Моравии (КПЧМ, наблюдатель в Партии европейских левых) [3, с. 79], набиравшая от 11 до 15% голосов избирателей.

Ситуация изменилась после выборов 2013 г., когда в парламент прошла праворадикальная евроскептическая партия Рассвет–Национальная коалиция, позднее переименованная в Партию свободы и прямой демократии (ПСИПД, член европартии Патриоты за Европу). А второе место на этих выборах заняла правопопулистская партия АНО 2011⁴ (член АЛДЕ с 2014 по 2024 гг.) бизнесмена А. Бабиша [6, р. 294].

Все эти годы правительства Чехии, формируемые попеременно Гражданской демократической партией или Социал-демократической партией Чехии, занимали проевропейскую позицию, поддерживая политические институты ЕС и процесс евроинтеграции. Однако, на выборах 2017 г. АНО одержала победу, во многом благодаря постепенному переходу на евроскептические рельсы (выступая против евро, миграционных квот)⁵. Несмотря на временное возвращение проевропейской коалиции «Вместе» к власти в 2021 г., тенденция к суверенизации усилилась, что подтвердила и президентская кампания 2023 г., где А. Бабиш составил серьёзную конкуренцию проевропейскому кандидату П. Павлу. Напомним, поддержанный коалицией «Вместе» независимый кандидат, генерал армии в отставке П. Павел набрал во 2-м туре голосования 58,53%, опередив А. Бабиша (АНО), за которого проголосовали 41,67% избирателей. Полномочия Президента Чехии – как парламентской республики – ограничены. Тем не менее, он представляет страну на международной арене, является Верховным главнокомандующим, назначает правительство, обладает правом вето на законы и может распустить Палату депутатов.

В партийно-политических системах Нидерландов и Чехии за последние 15–20 лет произошли заметные изменения. На смену традиционной модели «левые–центр–правые» пришла модель, в которой основная разделительная линия проходит между партиями еврооптимистического и евроскептического толка. Эта трансформация характерна для большинства европейских стран. Она обусловлена не только конъюнктурными факторами, но и структурными причинами: после мирового финансового и миграционного кризисов евроскептики, долгие годы остававшиеся на политической периферии, получили серьёзную поддержку избирателей, недовольных наплывом мигрантов и ухудшением своего положения, а также разочаровавшихся в традиционных партиях, которые долгие годы возглавляли правительства, но так и не смогли найти адекватный ответ на новые вызовы [5]. Отметим, что данная дифференциация затрагивает не только внутреннюю политику, но и внешнеполитический курс, что имеет принципиальное значение для отношений с Россией в условиях текущего геополитического противостояния.

Методология и методы исследования. Методологическая база данной работы включает количественный и качественный анализ результатов парламентских выборов в Нидерландах и Чешской республике в 2025 г., контент-анализ программных документов ведущих партий этих стран и мате-

⁴ В дальнейшем просто АНО.

⁵ Populist billionaire's Eurosceptic party wins big in Czech Republic // ITV. 22.10.2017. URL: <https://www.itv.com/news/2017-10-22/populist-billionaires-eurosceptic-party-wins-big-in-czech-republic> (accessed 16.12.2025).

риалов парламентской деятельности, а также научные монографии и статьи российских и зарубежных учёных, посвящённых исследованию процессов эволюции партийно-политических систем этих стран в конце XX — начале XXI столетий.

Изучению реформирования партийно-политических систем двух этих стран посвящены работы ряда российских и зарубежных исследователей. Так, в фундаментальной монографии бельгийского исследователя Т. Пауэлса рассмотрен феномен усиления влияния популистских партий на примере Нидерландов [4], а нидерландский учёный Оуденамсен анализирует трансформацию партийной системы этой страны [6]. В статье российских исследователей П. В. Осколкова и Е. А. Сергеева обстоятельно проанализирован процесс трансформации партийно-политической системы Нидерландов «под влиянием двух ключевых факторов: исторически существовавшей в стране системы опор, предопределившей современную партийную сегментацию, и европейской интеграции, наложившей свой отпечаток на партийные программы» [7, с. 155]. Качественный анализ развития института партий в Нидерландах также представлен в работах специалистов по партологии В. ван Схуфа, Г. Войермана [8], В. Фризо, С. ван Баалена, М. Вилпа [9], С. Нижюиса, Б. Вербека, А. Заслова [10]. Особый интерес вызывают труды сотрудников Института Европы РАН Б. П. Гуселетова [11], П. В. Осколкова [12] и др., связанные с анализом деятельности политических партий Нидерландов в первой четверти XXI столетия. Необходимо также отметить работу российских исследователей С. И. Чернышова и Е. А. Копалкиной, посвящённую исследованию правового положения политических партий этой страны и структуре её партийной системы [13].

Что касается Чехии, то здесь основные работы, связанные с исследованием партийно-политической системы этой страны, связаны с такими чешскими учёными, как О. Сесар и В. Стетка [14], М. Чижевски [15] и Й. Чарват [16], а также их российскими коллегами из Института Европы РАН — Б. П. Гуселетов [17] и М. В. Ведерников [18].

При этом следует отметить, что на настоящий момент работ, посвящённых итогам парламентских выборов 2025 г. в Нидерландах и Чехии, ни в российской, ни в западной научной литературе опубликовано не было, что делает данный анализ особенно актуальным для понимания текущих политических процессов в ЕС.

Итоги парламентских выборов в Нидерландах 2025 года. 29 октября 2025 г. в Нидерландах состоялись внеочередные парламентские выборы. Их проведение было обусловлено выходом Партии свободы из правительственной коалиции 3 июня 2025 г. из-за разногласий по вопросам миграционной политики и предоставления убежища мигрантам⁶.

Для понимания причин политического кризиса, приведшего к досрочному голосованию, необходимо рассмотреть состав парламента, сформированный по итогам предыдущих регулярных выборов 2022 г. (табл. 1). Именно высокая фрагментация этого созыва создала предпосылки для нестабильности правительственной коалиции.

⁶ Ionta N. Dutch government coalition collapses over migration clash // Euroactiv. 03.06.2025. URL: <https://www.euroactiv.com/news/dutch-government-coalition-collapses-over-migration-clash/> (accessed 16.12.2025).

Таблица 1

Партийный состав Палаты представителей Нидерландов по итогам выборов 22.11.2022 г.

№	Партия	Политическая ориентация	Основана	Лидер	Европартия	Мест
1	Партия свободы (ПСН)	правопопулистская евроскептическая	2006	Г. Видерс	ПзаЕ	37
2	Альянс: Партия труда (ПТН) / Зелёные Левые (ЗЛ)	левоцентристская проевропейская / левоэкологическая	1946/ 1989	Ф. Тиммерманс (ПНТ)	ПЕС	25
3	Народная партия за свободу и демократию (НПзаСД)	либеральная проевропейская	1948	Д. Йешиллз-Зегериус	АЛДЕ	24
4	Новый общественный договор (НОД)	правоцентристская проевропейская	2023	Н. ван Вронховен	ЕНП	20
5	Демократы 66 (Д66)	социал-либеральная проевропейская	1966	Р. Йетген	АЛДЕ	9
6	Фермерско-гражданское движение (ФГД)	аграрная, умеренно евроскептическая	2019	К. ван дер Плас	–	7
7	Христианско-демократический призыв (ХДП)	правоцентристская проевропейская	1980	А. Бонтенбалъ	ЕНП	5
8	Социалистическая партия (СПН)	леворадикальная	1971	Д. Дейк	–	5
9	Денк	протурецкая левоцентристская	2014	С. ван Барле	–	3
10	Форум за демократию (ФзаД)	правопопулистская евроскептическая	2016	Т. Боде	–	3
11	Партия защиты животных (ПЗЖ)	левоэкологическая	2002	Э. Ауэханд	–	3
12	Реформаторская партия (РПН)	социал-консервативная евроскептическая	1918	К. Стоффер	–	3
13	Христианский союз (ХС)	социал-консервативная проевропейская	2000	М. Биккер	ЕНП	3
14	Вольф-Нидерланды	проевропейская социал-либеральная	2018	Л. Дассен	–	2
15	Правильный ответ 2021 (ПО 2021)	правопопулистская евроскептическая	2020	Й. Эрдманс	–	1

Примечания: ПзаЕ – Патриоты за Европу; ПЕС – Партия европейских социалистов; АЛДЕ – Альянс либералов и демократов за Европу; ЕНП – Европейская народная партия.

Правящая коалиция в составе ПСН, НПзаСД, НОД и ФГД руководила страной только 11 месяцев. Необходимо отметить, что в первое время после формирования этой коалиции Г. Вилдерс перестал говорить о необходимости запрета Корана и закрытии мечетей, о выходе страны из Евросоюза и других острых вопросах, входивших в предвыборную программу ПСН. При этом представители этой партии в правительстве, особенно М. Фабер, отвечавшая за вопросы иммиграции и предоставления убежища, приложили немало сил для решения миграционной проблемы. Она подготовила три законопроекта о реформе системы предоставления убежища, которые, однако, были негативно восприняты остальными правительственными партиями, так как, по их мнению, они противоречили Конвенции ООН о беженцах 1951 г. [19]. В результате к концу 2024 г. миграционный баланс страны остался положительным, т.к. на территорию Нидерландов прибыло 130 000 иностранцев.

Правительство не смогло выполнить и другие свои предвыборные обещания: повысить покупательную способность населения, заморозить размер арендной платы, увеличить численность медицинского персонала, восстановить предприятия атомной энергетики, ограничить поголовье крупного рогатого скота и т. д.

В конце мая 2025 г. Г. Вилдерс неожиданно предложил правительству утвердить новый план по ужесточению права на убежище в Нидерландах, в котором предусматривалось следующее: усиление борьбы с иммиграцией за счёт привлечения армии к охране границ; депортацию мигрантов и лиц с двойным гражданством, осужденных за уголовные преступления; возвращение сирийских беженцев на их родину, которая больше не считалась «страной риска»; закрытие границ для лиц, ищущих убежища; приостановку действия квот на предоставление убежища, введённых Евросоюзом; отмену права беженцев на воссоединение семей; закрытие центров приёма беженцев и лиц, ищущих убежища, а также отказ от помощи им в вопросе предоставления жилья.

Партии-партнёры Партии свободы по правительственной коалиции не поддержали этот план, признав его неисполнимым, после чего партия Вилдерса заявила, что покидает правительство. Все 5 министров от ПСН подали в отставку, не дожидаясь формирования нового состава правительства. После этого правительство во главе с Схофом заявило об отставке, и парламент назначил на 29 октября 2025 г. внеочередные выборы⁷.

В них приняли участие 27 политических партий Нидерландов. Согласно опросу общественного мнения, проведённому институтом Ipsos в период с 26 по 29 сентября 2025 г., ПСН могла рассчитывать на получение 31 из 150 мест в Палате представителей. ХДП получила бы 25 мандатов; у альянса ПТН-ЗЛ могло быть 23 мандата; у Д66 — 15 мандатов; у НПзаСД — 14 мандатов; у ПО 2021 — 11 мандатов; у ФГД — 5 мандатов; у СПН, Денк, ПЗЖ, ФзаД и Вольг-Нидерланды — по 4 мандата; у РПН — 3 мандата и у ХС — 2 мандата. НОД, скорее всего, потерял бы своё представительство в парламенте.

Главными темами предвыборной кампании стали миграция и острый жилищный кризис.

В ходе этой кампании Г. Вилдерс, вновь сделавший основную ставку на решение миграционного вопроса, заявил, что в случае победы он намерен возглавить правительство, но отказался создавать коалицию с ХДП, ПТН-ЗЛ и НПзаСД. Он

⁷ Там же.

назвал своим главным противником альянс ПТН-ЗЛ. В свою очередь остальные партии-члены уходящего правительства заявили, что отказываются от сотрудничества с Партией свободы.

Народная партия за свободу и демократию в своей избирательной программе, названной «Сильнее во время шторма», предложила: снизить корпоративные налоги; поднять зарплаты для работников; сократить бюджетные расходы на здравоохранение и социальное обеспечение; увеличить расходы на оборону; ввести жёсткие ограничения в отношении иммиграции и предоставления убежища и прекратить приоритетное предоставление жилья беженцам. Несмотря на заметный сдвиг партийной платформы вправо, НПзаСД сохранила приверженность проевропейскому курсу. Её лидер Д. Йешилгез-Зегериус заявил, что партия против сотрудничества с альянсом ПТН-ЗЛ, но открыта к сотрудничеству с ХДП, ПО 2021 и ФГД.

Лидер Христианско-демократического призыва А. Бонтенбаль заявил, что его партия намерена вернуть стране нормальную и цивилизованную политику. ХДП предлагала сократить налоговые льготы, предоставляемые лицам, владеющим жильём более 30 лет.

Альянс Партии труда и партии Зелёные Левые в своей программе, озаглавленной «Новое начало для Нидерландов», предложил построить 100 000 новых единиц жилья за счёт увеличения налогов на самые высокие доходы и на богатство. Левые выступили против любых сокращений бюджетного финансирования здравоохранения и социальной поддержки. Они предложили ограничить число мигрантов, въезжающих в страну, до 50 000 человек в год.

Социалистическая партия выступала за повышение минимальной зарплаты до €18 в час; создание системы медицинского страхования, привязанной к доходам; национализацию общественного транспорта и энергокомпаний; строительство миллиона новых домов, в которых размер арендной платы не должен быть выше €800 в месяц. Финансировать эти свои проекты социалисты намеревались за счёт повышения подоходного налога.

Но главным сюрпризом избирательной кампании стала партия Демократы 66 во главе с Р. Йеттенем, выступившая за переход на доступную, экологически чистую энергию, чтобы снизить цену на энергоносители; развитие более зелёных жилых районов; усиление профилактики заболеваний и повышение качества образования. По вопросу миграции партия выступала за переход на систему, при которой просители убежища подавали бы свои заявления за пределами Европы. При этом Р. Йеттен напомнил, что два предыдущих правительства страны потерпели крах именно из-за того, что так и не смогли решить проблему предоставления убежища.

В ходе кампании число избирателей, готовых поддержать Д66, неуклонно росло, и в конечном итоге она опередила ПСН, выйдя на первое место с результатом 16,89%, что дало ей 26 мандатов. ПСН набрала 16,75% и будет иметь также 26 мандатов. Д66 одержала победу в крупнейших городах страны: Гааге, Гронингене, Роттердаме и Утрехте; ПСН была лучшей в большинстве сельских районов, а в Амстердаме наилучший результат показал альянс ПТН-ЗЛ.

Таким образом, Г. Вилдерс, спровоцировавший политический кризис, потерпел поражение и утратил роль лидера на политической арене Нидерландов.

Результаты выборов-2025 и их сравнение с итогами выборов 2023 г. представлены в табл. 2.

Таблица 2

Итоги внеочередных парламентских выборов в Нидерландах 29.10.2025 г.⁸

№	Название партии	% голосов	Число мандатов	Изменение числа мандатов к 2023 г.
1	Демократы 66 (Д66)	16,89	26	+17
2	Партия свободы (ПСН)	16,75	26	-11
3	Народная партия за свободу и демократию (НПзаСД)	14,24	22	-2
4	Альянс ПТН-ЗЛ	12,67	20	-5
5	Христианско-демократический призыв (ХДП)	11,79	18	+13
6	Правильный ответ 2021 (ПО 2021)	5,95	9	+8
7	Форум за демократию (ФзаД)	4,55	7	+4
8	Фермерско-гражданское движение (ФГД)	2,66	4	-3
9	Денк	2,42	3	0
10	Реформаторская партия (РПН)	2,28	3	0
11	Партия защиты животных (ПЗЖ)	2,06	3	0
12	Христианский союз (ХС)	1,92	3	0
13	Социалистическая партия (СПН)	1,89	3	-2
14	50+	1,44	2	+2
15	Вольт-Нидерланды	1,08	1	-1
16	Новый общественный договор (НОД)	0,38	0	-20
17	Остальные	1,03	0	0

Как видно из табл. 2, нижняя палата нидерландского парламента, в которой теперь будут представлены 15 партий, остаётся крайне фрагментированной. При этом четыре праворадикальные и евроскептические партии: ПСН, ПО 2021, ФзаД и РПН вместе набрали 39,53% голосов и будут иметь в Палате представителей 45 мандатов из 150. Таким образом можно констатировать, что

⁸ Kiesraad: Uitslag Tweede Kamerverkiezing betrouwbaar // Kiesraad. 07.11.2025. URL: <https://www.kiesraad.nl/actueel/nieuws/2025/11/7/kiesraad-uitslag-tweede-kamerverkiezing-betrouwbaar> (accessed 16.12.2025). (In Dutch).

крайне правые силы остаются важным элементом партийно-политической системы этой страны. В частности, это находит своё выражение в том, что антииммигрантская риторика Г. Вилдерса, включая её влияние на жилищный кризис, была воспринята почти всеми парламентскими партиями и нашла отражение в их избирательных платформах.

Тем не менее, все четыре партии, входившие в уходящее правительство: ПСН, НПзаСД, НОД и ФГД заметно ухудшили свои результаты, что говорит о недовольстве избирателями деятельностью этого правительства. Особенно пострадала партия НОД, лишившаяся всех 20 своих мандатов. ФГД и НПзаСД также потеряли, соответственно, 3 и 2 депутатских места.

Неудачными следует признать результаты левых партий: альянса ПТН-ЗЛ, СПН и Денк. Альянс ПТН-ЗЛ, считавшийся основным оппонентом ПСН, занимавших в прошлом составе ПП второе место, потерял 5 депутатских мест и откатился на 4-е место. Его лидер Ф. Тиммерманс, после объявления результатов выборов заявил, что уходит в отставку. Крайне левая СПН, имевшая незначительное представительство в ПП, ещё больше его уменьшила, потеряв 2 депутатских места. Партия Денк сохранила 3 мандата, но, как и прежде, вряд ли будет оказывать серьёзное влияние на деятельность нижней палаты парламента.

Наибольшего успеха добились проевропейские либералы из Д66 и умеренно консервативная ХДП, к которой перетекли голоса бывших сторонников НОД [20]. Но нельзя не отметить, что впервые в истории Нидерландов партия, получившая наивысший результат на парламентских выборах, будет иметь менее 30 мандатов.

Лидер Д66 Р. Йеттен, который является наиболее вероятным кандидатом на пост следующего премьер-министра Нидерландов, заявил после подведения итогов голосования, что он намерен вернуть страну, которая нуждается в общеевропейском сотрудничестве, «в сердце Европы». Он заявил, что его главным приоритетом будет формирование стабильного и амбициозного правительства, и пообещал выделить больше средств на интеграционные программы и борьбу с нелегальной иммиграцией. Во внешней политике он выступил за продолжение помощи Украины.

Учитывая фрагментацию нидерландского парламента, переговоры о формировании нового правительства могут серьёзно затянуться. Например, переговоры о формировании предыдущего правительства длились 223 дня с ноября 2023 по июнь 2024 г.

Наиболее вероятный состав новой правящей коалиции будет включать Д66, НПзаСД, ХДП и альянс ПТН-ЗЛ, которая будет иметь абсолютное большинство в ПП — 86 мандатов. Некоторой проблемой было нежелание НПзаСД сотрудничать с альянсом ПТН-ЗЛ во главе с Ф. Тиммермансом, который она считала излишне радикальным, но после ухода Тиммерманса позиция этой партии, скорее всего, изменится.

Итоги парламентских выборов в Чехии 2025 года. 3-4 октября 2025 г. в Чехии прошли очередные выборы членов Палаты депутатов (ПД). Для понимания контекста текущей политической ситуации необходимо рассмотреть состав парламента, сформированный по итогам предыдущих выборов 2021 г. (табл. 3). Именно эта расстановка сил определила политический ландшафт страны на весь предвыборный период.

Таблица 3

Партийный состав Палаты депутатов Чехии по итогам выборов 8–9.10.2021 г.

№	Партия	Политическая ориентация	Основана	Лидер	Европартия	Мест
1	АНО	право-популистская	2012	А. Бабиш	АЛДЕ (2014–2024)	72
2	Гражданская демократическая партия (ГДП)	либеральная проевропейская	1991	П. Фиала	ЕКР	34
3	Старосты и Независимые (СТАН)	либеральная местные интересы децентрализация	2004	В. Ракушан	ЕНП	33
4	Христианско-демократический союз-Чехословацкая народная партия (ХДС-ЧНП)	центристская проевропейская	1919	М. Выборный	ЕНП	23
5	Партия свободы и прямой демократии (ПСИПД)	праворадикальная популистская евроскептическая	2015	Т. Окамура	ПзаЕ	20
6	Традиции. Ответственность. Процветание (ТОП 09)	праволиберальная проевропейская	2009	М. Пекарова-Адамова	ЕНП	14
7	Чешская пиратская партия (ЧПП)	праволиберальная	2009	З. Гржиб	ЕПП	4

Примечания: АЛДЕ — Альянс либералов и демократов за Европу; ЕКР — Европейская партия консерваторов и реформистов; ЕНП — Европейская народная партия; ПзаЕ — Патриоты за Европу; ЕПП — Европейская пиратская партия.

Как видно из табл. 3, по итогам выборов 2021 г. сформировалось чёткое разделение на проевропейское правящее большинство (ГДП, ХДС-ЧНП, ТОП 09, СТАН, ЧПП) и евроскептическую оппозицию во главе с АНО и ПСИПД. Именно эти партии (ГДП, ХДС-ЧНП, ТОП 09) составили ядро правительства П. Фиалы, а для участия в выборах 2025 года они консолидировались в предвыборную коалицию «Вместе». Данная конфигурация определила политическую повестку всего пятилетнего цикла: правительство проводило курс на углубление интеграции с ЕС и поддержку Украины, в то время как АНО постепенно усиливала критику этих решений, ориентируясь на социальный популизм. Это противостояние стало ключевым фоном для кампании 2025 года.

Об участии в выборах 2025 г. заявили 25 политических партий и одна предвыборная коалиция, списки которых были официально зарегистрированы.

Согласно опубликованному 22 августа 2025 г. опросу общественного мнения, проведённому институтом Kantar, партия АНО могла бы получить по итогам выборов 33% голосов избирателей. За ней следовала коалиция Вместе (ГДП, ХДС-ЧНП, ТОП 09), претендующая на 22% голосов; партия СТАН — 12%; ПСИПД — 10%; ЧПП, которая привлекла в свою предвыборную коалицию

защитников окружающей среды — 9,5%; объединение левых сил Хватит!, включавшее бывшую СДПЧ (переименованную в Социал-демократию), во главе с Я. Малачовой и КПЧМ, возглавляемую К. Конечной, — 6% и, наконец, праворадикальная партия Автомобилисты для себя⁹ (АВТО, член Патриотов за Европу).

В ходе избирательной кампании партии, входящие в коалицию Вместе, СТАН и ППЧ объявили, что не будут формировать коалиционное правительство с АНО и ПСиПД. В свою очередь АНО и ПСиПД исключили какое-либо сотрудничество с партиями, входившими в правительство Фиалы. Президент П. Павел заявил, что не будет поддерживать назначение новых членов правительства от партий, выступающих за выход Чехии из ЕС и НАТО [21].

За период, прошедший после предыдущих выборов, партия А. Бабиша, которая первоначально имела либеральную и проевропейскую ориентацию, сменила её на правопопулистскую и евроскептическую, выступающую против иммиграции и брюссельской бюрократии. Сам Бабиш сблизился с венгерским премьером В. Орбаном, лидером партии ФИДЕС, которая в 2021 г. покинула ЕНП и в 2024 г. стала основателем ПзЕ, и главой словацкого правительства Р. Фицо, партия которого Курс-социал-демократия (Смер) в 2025 г. была исключена из Партии европейских социалистов¹⁰.

В сентябре 2024 г. АНО впервые победила на выборах в Сенат, набрав 40,27% голосов и получив 12 из 81 места. Партия также заняла первое место на выборах в 10 из 13 регионов Чехии, проходивших одновременно с сенатскими выборами.

В ходе избирательной кампании Бабиш заявил, что его партия намерена объединиться с силами, выступающими против дальнейшего предоставления помощи Украине, и что при нём Чехии достаточно будет тратить на оборону 2% ВВП, демонстрируя готовность отказаться от обязательств, взятых предыдущим правительством перед НАТО. Он также объявил, что в случае прихода к власти намерен ограничить пенсионный возраст 65 годами и повысить размер пенсии по старости, а также снизить корпоративный налог с 21 до 19%, сократить НДС и налоговые вычеты для граждан, заморозить зарплаты политикам и т.д. Кроме того, Бабиш заявил, что он против введения квот ЕС на выбросы CO₂ для домашних хозяйств, которые ЕС намеревался ввести с 2027 г., и вообще является противником европейского «Зелёного пакта», включая Европейский пакт о защите окружающей среды. Миграционную политику ЕС он назвал угрозой чешской экономике и безопасности.

Партия свободы и прямой демократии во главе с Т. Окамурой в марте 2025 г. подписала Меморандум о сотрудничестве с тремя правыми националистическими партиями: Триколор во главе с З. Майеровой; Закон, уважение, экспертиза (ЗУЭ) во главе с Й. Райхлем и Свободные во главе с Л. Вондрачком, представители которых были включены в список ПСиПД¹¹. Т. Окамуру и его

⁹ Образована в 2017 г. бывшим председателем Партии свободных граждан Ф. Матейкой как движение Референдум о Евросоюзе. В 2018 г. была преобразована в Партию независимости Чешской Республики. В мае 2022 г. переименована в партию Автомобилисты для себя, которую возглавил бывший зам. руководителя пресс-службы президента В. Клауса П. Мацинка. По итогам евровыборов 2024 г. набрала 10,26% голосов и получила двух депутатов ЕП (группа ПзЕ).

¹⁰ Европейские социалисты задумали исключить партию Фицо // РБК. 16.09.2025. URL: <https://www.rbc.ru/politics/16/09/2025/68c936a59a7947f99726c313> (дата обращения: 16.12.2025).

¹¹ Široké spojení na palubě SPD. Okamura se dohodl se Svobodnými, Trikolorou i Rajchlem // Seznam.cz. 19.10.2023. URL: <https://www.seznam.cz/komentare/71391681-siroke-spojeni-na-palube-spd-okamura-se-dohodl-se-svobodnymi-trikolorou-i-rajchlem> (accessed 16.12.2025). (In Czech).

партию, которая шла на выборы с евроскептической программой, включавшей проведение референдума о выходе Чехии из ЕС, противодействие нелегальной миграции, запрет ислама на территории страны, прекращение дальнейшей помощи Украине и ограничение прав украинских беженцев¹², поддержали бывшие чешские президенты В. Клаус (2003–2013) и М. Земан (2013–2023). ПСиПД выступала также за укрепление прямой демократии, чтобы граждане могли отстранять политиков от должности, если сочтут это нужным. Необходимо отметить, что в начале 2025 г. Окамура был лишён депутатского иммунитета после того, как против него были выдвинуты обвинения в расистских высказываниях, сделанных в ходе избирательной кампании на евровыборах в июне 2024 г. В августе 2025 г. прокуратурой Чехии ему было предъявлено обвинение, но после его переизбрания в парламент иммунитет был восстановлен.

Партия АВТО, занявшая 3-е место на евровыборах 2024 г. после АНО и коалиции Вместе, провела активную избирательную кампанию. Поддержку АВТО высказала другая правопопулистская партия Присяга, возглавляемая Р. Шлахтой и выступающая против ограничения суверенитета Чехии и укрепления границ ЕС. АВТО в своей предвыборной программе основной акцент сделала на борьбе с такими инициативами руководства ЕС, как отказ от производства транспортных средств с двигателями внутреннего сгорания и Зелёный пакт для Европы, а также недопущение снижения уровня жизни чешских граждан. Партия заявила о готовности участвовать в правительственной коалиции с АНО в случае прохождения в парламент.

Уверенное лидерство партии АНО в опросах общественного мнения, проводимых накануне выборов, способствовало тому, что три из четырёх партий, входивших в правящую коалицию (ГДП, ХДС-ЧНП, ТОП 09), решили сохранить свой предвыборный альянс. Премьер-министр и лидер этого альянса П. Фиала главным пунктом своей избирательной программы сделал борьбу с угрозой возвращения во власть А. Бабиша и его партии, которая выразила готовность к сотрудничеству с такими крайними партиями, как ПСиПД и АВТО. Другими приоритетами коалиции Вместе были: борьба с популизмом и экстремизмом, оздоровление государственных финансов и сокращение чешского госдолга, а также укрепление обороны и безопасности страны за счёт модернизации её вооружённых сил.

Серьёзный ущерб имиджу правительства и альянса Вместе нанёс скандал с пожертвованием в виде перевода 468 биткойнов (€38,5 млн) в бюджет министерства юстиции от бизнесмена Т. Жириковского, осужденного в 2017 г. за растраты, незаконный оборот наркотиков и хранение оружия, и вышедшего из тюрьмы в 2021 г. Министр юстиции П. Блажек (ГДП) заявил, что не считает неэтичным принятие этих денег, т.к. судом не было доказано, что они были получены преступным путём¹³. В результате Блажек ушёл в отставку 31 мая, а депутаты парламента от АНО, ПСиПД и ЧПП внесли вотум недоверия правительству, который был отклонён 19 июня с минимальным перевесом: 94 депутата были за и 98 — против.

¹² В Чехии требуют ограничить права украинских беженцев // Другая Украина. 08.09.2025. URL: <https://theotherukraine.info/2025/09/08/v-chehii-trebuyut-ogranichit-prava-ukrainskih-bezhenczev/> (дата обращения: 16.12.2025).

¹³ du Toit D. Czech Justice Minister Resigns Over Bitcoin Scandal // Coinpaper. 02.06.2025. URL: <https://coinpaper.com/9392/czech-justice-minister-resigns-over-bitcoin-scandal> (accessed 16.12.2025).

ЧПП в канун выборов пережила ряд непростых событий. Её лидер И. Бартош (2009–2014 и 2016–2024), член ПД (2017–2021) и заместитель премьер-министра по цифровизации и Министр регионального развития (2021–2024) ушёл в отставку после неудачи партии на европейских и региональных выборах 2024 года. П. Фиала сам предложил И. Бартошу уйти из правительства, обвинив его в неспособности реализовать проект по цифровизации административных процедур, связанных с выдачей разрешений на строительство. После этого ЧПП заявила о выходе из правительственной коалиции. Бартоша на посту председателя партии сменил З. Гржиб. ЧПП договорилась о включении в свой список кандидатов от Партии зелёных.

Бывшую Социал-демократическую партию Чехии, сменившую в 2023 г. название на Социал-демократию (Соцдем), в 2024 г. возглавила бывший министр труда и социальных дел (2018–2021) в правительстве Бабиша Я. Малачова. 17.07.2025 г. партия заключила предвыборный союз с партией Хватит!, образованной в 2024 г. в результате объединения КПЧМ и ряда небольших левых партий, лидером которой стала евродепутат К. Конечна. Кандидаты от Соцдем вошли в список Хватит!, а их лидер Я. Малачова возглавила список в Праге. При этом ряд влиятельных членов Соцдем вышли из партии после её решения объединиться с бывшей компартией.

Предвыборная программа этого левого альянса включала такие пункты, как проведение референдума о выходе из Евросоюза и НАТО; отмена НДС на основные продукты питания; национализация ряда стратегических инфраструктурных объектов, включая основного производителя и распределителя электроэнергии компанию СЕЗ; прекращение военной помощи Украине и противодействие санкциям против России.

По итогам голосования победу одержала партия АНО, получившая абсолютное большинство мандатов в союзе с другими евроскептическими силами. Детальное распределение голосов и изменение представительства партий по сравнению с 2021 г. представлены в табл. 4.

Таблица 4

Итоги парламентских выборов в Чехии 3–4.10.2025 г.

№	Название партии	% голосов	Число мандатов	Изменение числа мандатов к 2021 г.
1	АНО	34,52	80	+8
2	Коалиция Вместе	23,36	52	-19*
3	Старосты и Независимые (СТАН)	11,23	22	-11
4	Чешская пиратская партия (ЧПП)	8,97	18	+14
5	Партия свободы и прямой демократии (ПСИПД)	7,78	15	-5
6	Автомобилисты для себя (АВТО)	6,77	13	+13
7	Хватит!	4,31	0	0
8	Остальные	3,06	0	0

Примечание: *Для коалиции «Вместе» (ГДП, ХДС-ЧНП, ТОП 09) изменение числа мандатов рассчитано относительно совокупного результата её партий-участниц в 2021 г. (71 мандат).

Как видно из табл. 4, правопопулистская партия АНО одержала убедительную победу, получив почти 80 мандатов из 200. При этом три евроскептические партии (АНО, ПСиПД и АВТО) вместе набрали 49,07% голосов и будут иметь 108 мандатов, что составляет абсолютное большинство в Палате депутатов. Это создаёт уникальную ситуацию, когда евроскептические силы впервые в истории Чехии получили возможность сформировать правительство без участия проевропейских партий.

Тем не менее, все партии, входившие в уходящее правительство (коалиция Вместе, СТАН и ППЧ), заметно ухудшили свои результаты, что говорит о недовольстве избирателей их деятельностью. Наибольшего успеха, помимо АНО, добились партия АВТО, которая впервые прошла в парламент, и Пиратская партия, сумевшая увеличить своё представительство более чем в 4 раза. Это свидетельствует о запросе избирателей на альтернативные политические силы как справа, так и из центра.

Победа АНО создаёт предпосылки для формирования коалиции с евроскептическими силами. Лидер партии А. Бабиш уже обозначил свою приверженность членству в ЕС и НАТО, но выступил за пересмотр ряда обязательств, взятых предыдущим правительством, особенно в вопросах миграции, обороны и экологической политики.

Формирование нового чешского правительства. Процесс формирования правительства занял чуть более двух месяцев. Сразу после выборов А. Бабиш инициировал переговоры о создании коалиции с ПСиПД и АВТО. ПСиПД выразила интерес в получении постов министров внутренних дел, иностранных дел, образования и обороны, а также назначении её лидера Т. Окамуры спикером ПД. Партия АВТО предложила назначить её лидера П. Мацинку министром по охране окружающей среды, Ф. Турека — министром иностранных дел, а О. Клемпера — министром культуры¹⁴.

3 ноября 2025 г. лидеры трёх партий подписали коалиционное соглашение, в котором была зафиксирована приверженность Чехии прозападной ориентации, членству в ЕС и НАТО, но при этом — отказ от перехода к евро. Спустя два дня депутаты ПД избрали Окамуру своим спикером, что стало важным символом влияния праворадикалов на законодательную повестку.

Окончательное утверждение кабинета потребовало дополнительного обсуждения с президентом П. Павлом, который выразил несогласие с кандидатурой Ф. Турека на пост министра иностранных дел, что привело к корректировке списка. 9 декабря 2025 г. Бабиш был официально назначен главой правительства¹⁵, а 15 декабря правительство принесло присягу. В итоговом составе АНО получило 9 министерских портфелей, а ПСиПД и АВТО — по 3. При этом лидер АВТО П. Мацинка возглавил сразу два министерства: внутренних дел и окружающей среды¹⁶.

¹⁴ Gwendolyn A. Czech SPD wants to govern with ANO – will Babiš permit its chair, under prosecution for spreading hate toward migrants and Romani people, to join the cabinet or lead the lower house? // Romea.cz. 06.10.2025. URL: <https://romea.cz/en/czech-republic/czech-spd-wants-to-govern-with-ano-will-babis-permit-its-chair-under-prosecution-for-spreading-hate-toward-migrants-and-romani-people-to-join-the-cabinet-or-lead-the-lower-house> (accessed 16.12.2025).

¹⁵ President Pavel Appoints Andrej Babiš as New Prime Minister – Cabinet to Follow on 15 December // Praguedaily news. 10.12.2025. URL: <https://www.praguedaily.news/2025/12/10/president-pavel-appoints-andrej-babis-as-new-prime-minister-cabinet-to-follow-on-15-december/> (accessed 16.12.2025).

¹⁶ Вишнякова В. Чехия третьей будет. Правительство Андрея Бабиша вступило в свои права // КоммерсантъБ. 15.12.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8292339> (дата обращения: 16.12.2025).

Можно предположить, что новое правительство Бабиша не будет радикально менять политику Чехии в отношении России, основными элементами которой останутся продолжение санкционного давления и акцент на военном сдерживании. При этом оно не станет настаивать на прямой конфронтации с Россией и, возможно, при определённых обстоятельствах даже проявит готовность к восстановлению ограниченного гуманитарно-технического диалога, к чему его будут подталкивать представители бизнеса и руководства ряда земель.

Политическая карьера А. Бабиша заметно отличает его от большинства чешских и даже европейских политиков. С одной стороны, он пришёл в политику в возрасте 57 лет из бизнеса, создав собственную партию АНО под лозунгом борьбы с коррупцией и другими пороками существующей в Чехии партийно-политической системы. С другой стороны, его подозревают в сотрудничестве с чехословацкой службой госбезопасности в 1980-е годы, в период членства в компартии Чехословакии¹⁷. В результате для его политической линии были характерны идеологическая гибкость, граничащая с беспринципностью, и склонность к популизму, что, тем не менее, позволяло ему сохранять поддержку значительной части чешских избирателей.

Заключение. Прошедшие в 2025 г. парламентские выборы в Чехии и Нидерландах привели к радикальной смене чешского правительства и, по всей вероятности, будут способствовать формированию в Нидерландах праволиберального правительства. При этом новое правительство Чехии, в которое вошли три евроскептические партии — АНО, ПСиПД и АВТО во главе с А. Бабишем, — будет иметь выраженный евроскептический характер и проводить политику, направленную на укрепление суверенитета страны и ограничение влияния со стороны руководства Евросоюза.

Это напрямую затронет и подход к российско-украинскому конфликту, по которому правительство Бабиша будет занимать позицию скорейшего мирного урегулирования и ограничения военной помощи Украине. Для российской внешней политики это означает возможность восстановления ограниченного гуманитарно-технического диалога при сохранении базовых элементов санкционного режима.

В Нидерландах евроскептическая Партия свободы Г. Вилдерса, разделившая победу на выборах с либеральной партией Д66, скорее всего, не войдёт в новое правительство этой страны, но будет иметь влиятельную фракцию в парламенте и оказывать существенное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Нидерландов. Тем не менее, результаты выборов 2023 и 2025 гг. показали, что ПСН уверенно вошла в партийно-политическую элиту своей страны и вышла из политической изоляции, в том числе приняв участие в правящей коалиции, которая функционировала в Нидерландах в 2024-2025 гг. Стоит учитывать, что в случае, если новому правительству этой страны не удастся решить важнейшие проблемы, волнующие население, в первую очередь миграционную, то по итогам следующих выборов ПСН может не просто победить, но и возглавить следующее правительство Нидерландов.

¹⁷ Willoughby I. Slovak court rules against Babi in dispute over StB files. 13.02.2018 // Czech Radio. URL: <https://english.radio.cz/slovak-court-rules-against-babis-dispute-over-stb-files-8168989> (accessed 16.12.2025).

Таким образом, можно констатировать, что недавно прошедшие выборы в Чехии и Нидерландах убедительно подтвердили тенденцию к заметному усилению позиций праворадикальных евроскептических партий Европы как на национальном, так и на общеевропейском уровнях. С высокой долей вероятности в течение ближайших 5–7 лет эта тенденция будет сохраняться и даже усиливаться, что потребует от России гибкого подхода к выстраиванию отношений с европейскими партнёрами.

Библиографический список / References

1. Schout A. Deepening EU integration and the Netherlands' EU narrative. Clingendael Paper; March 2018. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/2018-03/Paper_Deepening_EU_integration.pdf (accessed 06.01.2026).
2. Крук Ю. Н. Конституция Европейского союза: история подготовки и причины провала ее ратификации // Журнал международного права и международных отношений. 2009. № 2. С. 37–42.
Kruk Yu. N. European Union Constitution: the history of its elaboration and the reasons for its ratification failure. *Journal of International Law and International Relations*. 2009;(2):37–42. (In Russ.).
3. Гуселетов Б. П. Общеевропейские партии в XXI веке: становление, развитие, перспективы. М. : ИЕ РАН, 2022. 196 с. (Доклады Института Европы; № 388). DOI [10.15211/report22022_388](https://doi.org/10.15211/report22022_388). EDN [JMTRKQ](https://edn.ras.ru/JMTRKQ).
Guseletov B. P. Trans European political parties in XXI century: formation, development and prospects. Moscow: IE RAS; 2022. Reports of the Institute of Europe, № 388. (In Russ.). DOI [10.15211/report22022_388](https://doi.org/10.15211/report22022_388).
4. Pauwels T. Populism in Western Europe: Comparing Belgium, Germany and Netherland. Abingdon: Routledge; 2014. ISBN 978-0-4158-1403-4.
5. Гуселетов Б. П. Праворадикальные общеевропейские партии накануне общеевропейских выборов 2024 // Актуальные проблемы Европы. 2023. № 4(120). С. 38–60. DOI [10.31249/ape/2023.04.03](https://doi.org/10.31249/ape/2023.04.03). EDN [BCKMPI](https://edn.ras.ru/BCKMPI).
Guseletov B. P. Right-wing pan-European parties on the eve of the pan-European elections of 2024. *Current problems of Europe*. 2023;(4):38–60. (In Russ.). DOI [10.31249/ape/2023.04.03](https://doi.org/10.31249/ape/2023.04.03).
6. Oudenampsen M. Explaining the swing to the right: The Dutch debate on the rise of right-wing populism. In: Wodak R., Khosravinik M., Mral B. (eds.) Right-wing populism in Europe: politics and discourse. London: Bloomsbury Academic; 2013. P. 191–208. DOI [10.5040/9781472544940.ch-013](https://doi.org/10.5040/9781472544940.ch-013).
7. Осколков П. В., Сергеев Е. А. Нидерландская партийная система: между системой опор и европейской интеграцией // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10, № 6. С. 155–168. DOI [10.23932/2542-0240-2017-10-6-155-168](https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-6-155-168). EDN [YQAUNJ](https://edn.ras.ru/YQAUNJ).
Oskolkov P. V., Sergeev E. A. Party system of the Netherlands: between pillarization and European integration. *Outlines of global transformations: politics, economics, law*. 2017;10(6):155–168. (In Russ.). DOI [10.23932/2542-0240-2017-10-6-155-168](https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-6-155-168).
8. van Schuur W. H., Voerman G. Democracy in retreat? Decline in political party membership: the case of The Netherlands. In: Wejnert B. (ed) Democratic Paths and Trends. Vol. 18. Emerald Publ.; 2010. P. 29–47. DOI [10.1108/S0895-9935\(2010\)0000018006](https://doi.org/10.1108/S0895-9935(2010)0000018006).
9. Wielenga F., van Baalen C., Wilp M. (eds.). Een versplinterd landschap: bijdragen over geschiedenis en actualiteit van Nederlandse politieke partijen. Amsterdam: Amsterdam University Press; 2018. (In Dutch.).
10. Nijhuis C., Verbeek B., Zaslove A. Disagreement among populists in the Netherlands: The diverging rhetorical and policy positions of Dutch populist Radical Right parties following Russia's invasion of Ukraine. In: Ivaldi G., Zankina E. (eds) The impacts of the Russian invasion of Ukraine on Right-wing populism in Europe. Brussel: European Center for Populism Studies (ECPS); 2023. P. 315–325. DOI [10.55271/rp0032](https://doi.org/10.55271/rp0032).

11. Гуселетов Б. П. Итоги парламентских выборов в Нидерландах и их влияние на российско-нидерландские отношения // Наука. Культура. Общество. 2021. Т. 27, № 2. С. 22–29. DOI [10.19181/nko.2021.27.2.2](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.2.2). EDN [KBNFPG](https://www.edn.ru/KBNFPG).
Guseletov B. P. Results of the Parliamentary Elections in Netherlands and their impact on Russian-Netherlands relations. *Science. Culture. Society*. 2021;27(2):22–29. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2021.27.2.2](https://doi.org/10.19181/nko.2021.27.2.2).
12. Осколков П. В. Нидерланды в лабиринте европейской интеграции // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 4(4). С. 62–66. DOI [10.15211/vestnikieran420186266](https://doi.org/10.15211/vestnikieran420186266). EDN [YMCOEH](https://www.edn.ru/YMCOEH).
Oskolkov P. Netherlands in Labyrinth of European Integration. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2018;(4):62–66. (In Russ.). DOI [10.15211/vestnikieran420186266](https://doi.org/10.15211/vestnikieran420186266).
13. Чернышов С. И., Копалкина Е. А. Партийная система Нидерландов // Вопросы политологии. 2012. № 4(8). С. 159–166. EDN [PMYLHF](https://www.edn.ru/PMYLHF).
Chernyshov S. I., Kopalkina E. A. Party system in the Netherlands. *Political Science Issues*. 2012;(4):159–166. (In Russ.).
14. Cisar O., Stetka V. Czech Republic: The rise of populism from the fringes to the mainstream. In: Aalberg T., Esser F., Reinemann C. [et al.] (eds.) *Populist political communication in Europe*. New York: Routledge; 2016. P. 285–298. DOI [10.4324/9781315623016](https://doi.org/10.4324/9781315623016).
15. Czyżniewski M. The dynamics of the party system in the Czech Republic. *Historia i Polityka*. 2021;38:173–187. DOI [10.12775/hip.2021.041](https://doi.org/10.12775/hip.2021.041). EDN [HMOISC](https://www.edn.ru/HMOISC).
16. Charvat J. The Czech Republic party system change since 2010: from fragile stability to stable fragility. *Revista de Stiinte Politice*. 2014;41:141–154.
17. Гуселетов Б. П. Итоги парламентских выборов в Чехии: успех популистов и провал социал-демократов // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 1. С. 28–37. EDN [GQFVTY](https://www.edn.ru/GQFVTY).
Guseletov B. P. Results of parliamentary elections in Check Republic: success of populists and defeat of social democrats. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2018;(1):28–37. (In Russ.).
18. Ведерников М. В. Президентские выборы в Чехии 2018 г. как отражение двух тенденций политического развития страны // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2018. № 1. С. 22–27. EDN [TIVVYY](https://www.edn.ru/TIVVYY).
Vedernikov M. V. Presidential elections in Czech republic 2018 as the reflection of two trends in political development. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2018;(1):22–27. (In Russ.).
19. Deloy C. Democrats 66 come out ahead in Dutch general election. Robert Schuman Foundation. 04.11.2025. URL: <https://www.robert-schuman.eu/en/monitor/6654-democrats-66-come-out-ahead-in-dutch-general-election> (accessed: 06.01.2026).
20. Deloy C. Far-right forces lead the poll in the Netherlands. Robert Schuman Foundation. 07.10.2025. URL: <https://www.robert-schuman.eu/en/monitor/6628-far-right-forces-lead-the-poll-in-the-netherlands> (accessed: 06.01.2026).
21. Deloy C. Andrej Babiš's Action of Dissatisfied Citizens easily takes the lead in Czech general elections. Robert Schuman Foundation. 07.10.2025. URL: <https://www.robert-schuman.eu/en/monitor/6629-andrej-babis-s-action-of-dissatisfied-citizens-easily-takes-the-lead-in-czech-general-elections> (accessed: 06.01.2026).
22. Guseletov B. P. Europarties in the European parliament elections-2024 and their impact on the EU main political institutions formation. *Cultural Conflict and Integration*. 2024;1(1). DOI [10.55121/cci.v1i1.347](https://doi.org/10.55121/cci.v1i1.347). EDN [SIBUYO](https://www.edn.ru/SIBUYO).

Поступила: 17.12.2025. Доработана: 03.02.2026. Принята: 11.02.2026.

Сведения об авторе:

Гуселетов Борис Павлович, доктор политических наук, главный научный сотрудник,
Институт Европы РАН; главный научный сотрудник,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва,
Россия. bguseletov@mail.ru
Author ID РИНЦ: [899947](https://www.rincc.ru/author/899947); ORCID: [0000-0001-6256-5013](https://orcid.org/0000-0001-6256-5013)

B. P. Guseletov^{1,2}

¹Institute of Europe RAS. Moscow, Russia

²Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

SUCCESSSES OF RIGHT-WING RADICAL PARTIES IN THE NETHERLANDS AND THE CZECH REPUBLIC IN THE PARLIAMENTARY ELECTIONS OF 2025

Abstract. The article analyzes the results of the parliamentary elections held on October 3–4, 2025 in the Czech Republic and on October 29, 2025 in the Netherlands, which showed a significant strengthening of positions of the member parties of the Eurosceptic European party “Patriots for Europe”: ANO 2011 led by former Czech Prime Minister A. Babiš, which won the election in the Czech Republic, and the Party for Freedom led by a member of the lower house of the Dutch Parliament G. Wilders, which demonstrated a strong result and confirmed its electoral potential (second place). Both of these parties previously made a significant contribution to the success of this faction in the 2024 European Parliament elections, forming the third largest group in the European Parliament. The research confirms the trend of strengthening the influence of right-radical forces: the results suggest that ANO will lead the ruling coalition in the Czech Republic, while the Party for Freedom will become the leading opposition force in the Parliament of the Netherlands. In any case, these parties will exert a significant impact on the domestic and foreign policies of these states. A key aspect for Russian researchers is the position of the leaders of these parties, who advocate for the earliest resolution of the Russian-Ukrainian conflict through peaceful diplomatic means. In the context of the confrontation between Russia and the West, the results of these elections are of great importance, as the positions of ANO and the Party for Freedom regarding the Russian Federation and the Russian-Ukrainian conflict differ from the European mainstream and create prerequisites for revising the sanctions regime and restoring dialogue.

Keywords: Netherlands, Czech Republic, parliamentary elections 2025, right-wing populism, euroscepticism, ANO 2011, Party for Freedom, foreign policy, Russia, sanctions policy

For citation: Guseletov B. P. The successes of right-wing radical parties in the Netherlands and the Czech Republic in the parliamentary elections of 2025. *Science. Culture. Society.* 2026;32(1):62–79. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.5>

Received: 17.12.2025. Corrected: 03.02.2026. Accepted: 11.02.2026.

Author information:

Boris P. Guseletov, Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, Institute of Europe RAS;
Chief Researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia.

bguseletov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6256-5013

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.1.6](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.6)
EDN [SQOTPU](https://edn.sqotpu.ru)
УДК 324(470)

О. И. Шаталов¹
¹ МГПУ. Москва, Россия

СПЕЦИФИКА СУБНАЦИОНАЛЬНОГО УРОВНЯ ПОЛИТИКИ КАК ФАКТОР ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПОБЕД ОППОЗИЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей регионального и муниципального уровней российской политики, как препятствующих, так и благоприятствующих победам оппозиции на субнациональных выборах. Среди выявленных для оппозиции трудностей находятся мажоритарная избирательная система и метод распределения мандатов Империи с его модификациями, предоставляющие электоральные преимущества правящей партии; муниципальный фильтр и запрет самовыдвижения на губернаторских выборах; низкая явка при неорганизованности оппозиции; способность федеральной власти концентрировать бюджетные и иные ресурсы на проходящие избирательные кампании. Способствуют оппозиции такие особенности субнациональной политики, как межэлитная борьба, возможность при борьбе с региональной и муниципальной властью апеллировать к федеральному центру, возможность получить электоральное преимущество при низкой явке в случае консолидации оппозиции, слабость субнациональных органов власти из-за централистской специфики государственного управления в России, меньшее число фактических барьеров для входа в политику, наличие особо протестных территорий. Позитивные для оппозиции особенности субнациональной политики перевешивают негативные, что и является одной из главных причин её побед на многих муниципальных и региональных выборах. Данный факт, в свою очередь, затрудняет оппозиции перенос данного опыта на федеральный уровень. Автор делает вывод, что при нормальном функционировании политической системы России электоральные победы субнациональной оппозиции не несут опасности для неё, однако при возможном ослаблении системы успехи оппозиции за счёт воодушевления протестного электората и дезертирства элит могут быть расширены как в горизонтальной, так и вертикальной плоскостях.

Ключевые слова: оппозиция, субнациональная оппозиция, протестное голосование, региональный политический процесс, муниципальные выборы, избирательная система, политический режим

Для цитирования: Шаталов О. И. Специфика субнационального уровня политики как фактор электоральных побед оппозиции // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 1. С. 80–98. DOI [10.19181/nko.2026.32.1.6](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.6). EDN [SQOTPU](https://edn.sqotpu.ru).

Введение. Российский политический режим характеризуется административной контролируемостью и низкой конкурентностью выборов. В истории современной России федеральной оппозиции никогда не удавалось сменить власть в результате выборов. Тем не менее, это иногда удавалось субнациональной оппозиции. В 2018 г. кандидаты от власти потерпели поражение в рекордном в рамках существующего политического режима числе региональных и муниципальных выборов. Оппозиция победила на выборах legislatures Иркутской области, Забайкальского края, Республики Хакасия, выборах главы региона в той же Хакасии, Владимирской области и Хабаровском крае, выборах муниципальных собраний депутатов Архангельска и Великого Новгорода. В том

же году кандидат от оппозиции победил на выборах мэра Якутска. В 2019 году ЛДПР получила абсолютное число мандатов в Законодательной Думе Хабаровского края. В 2020 году кандидаты от власти проиграли выборы в представительные органы трёх административных центров регионов: Новосибирска, Томска и Тамбова. Завершился данный ряд побед оппозиции в 2021 г. на выборах в легислатуру Алтайского края.

Предыдущий «всплеск» электоральных побед оппозиции был по масштабу меньше, чем в 2018–2021 гг., но больше, чем в 2000-е. В 2011 году кандидаты от власти проиграли на выборах в заксобраны Санкт-Петербурга, Республики Карелия и Амурской области, которые были совмещены с выборами в Государственную Думу. В 2012–2013 годах в Ярославле, Екатеринбурге и Петрозаводске на выборах мэра победили оппозиционные кандидаты. В 2013 г. оппозиция выиграла выборы в Красноярский городской совет депутатов.

В научной литературе выделяется множество причин данных успехов оппозиционных сил, в частности, недовольство населения социально-экономической политикой государства, раскол элит, коррупционные скандалы, снижение доли государственных предприятий в экономике и ошибки в избирательной кампании инкубентов [1; 2]. Однако главный вопрос состоит в том, не является ли определяющим фактором здесь специфика субнациональных политических процессов и институтов? Целью данной статьи является анализ данной специфики и оценка того, позволяют ли эти кейсы сделать заключение, что победа оппозиции вероятна и на федеральных выборах.

Теоретическая и эмпирическая база исследования. Исследование российской субнациональной политики представлено множеством работ. Р. Ф. Туровский определял субнациональную политику как «взаимодействие политических акторов, среди которых представлены субнациональные акторы, имеющие конкретную локализацию», и выделял её как перспективную область исследований, призванную объединить исследования региональной и локальной политики [3, с. 89]. В литературе описаны такие особенности субнациональной политики, как внутриэлитная борьба [4; 5; 6], автономность региональных объединений оппозиционных партий [7], бóльшая политическая значимость непарламентских партий [8; 9] и низкая явка [10]. Большой пласт исследований посвящён межрегиональным и внутрирегиональным различиям, влияющим на уровень протестного голосования [11–21]. Ряд работ изучает особенности политических процессов муниципального уровня, которые отличают его не только от федерального, но и от регионального уровня [22–27].

Внутри субнациональной политики как области политических исследований важно выделить исследования, посвящённые субнациональной оппозиции. Н. В. Гришин предлагал определять политическую оппозицию как оппонента правящей группы, выступающего против неё с помощью средств политической борьбы, в том числе выборов, исключая из определения такую характеристику, как намерение сместить правящую партию, которой не соответствует даже оппозиция на Западе. Также исследователь выделил множество важных отличий деятельности оппозиции на субнациональном уровне политического процесса, которые до сих пор позволяют ей выигрывать выборы [28]. Однако вне поля его внимания остались специфичные для субнационального уровня политики препятствия для оппозиционной деятельности и ряд других значимых факто-

ров. Также специфику субнациональной оппозиции изучали Ю. А. Пустовойт, В. С. Лапин, Дж. М. Долбаум [29; 30; 31].

Важным для настоящего исследования было понимание мирового контекста, которое обеспечили работы по электоральному авторитаризму [32], авторитарным выборам [33] и демократическим анклавам в условиях авторитарного режима на национальном уровне [34; 35].

Вслед за Н. В. Гришиным в данном исследовании термин «оппозиция» не будет трактоваться слишком широко, и под ней будут пониматься все партии кроме правящей «Единой России» и самовыдвиженцы, которые выдвигаются в округах, где присутствуют кандидаты от «Единой России». Под победой оппозиции на выборах будем считать поражение кандидатов от власти альтернативным кандидатам, оставляя за рамками анализа победу на губернаторских выборах кандидатов от оппозиционных партий, которые не конкурировали с инкументами.

Эмпирическая база исследования включает электоральные показатели: четырёх губернаторских выборов, пяти выборов в региональные парламенты и семи выборов в собрания депутатов административных центров регионов, где победила оппозиция в период 2012–2021 гг.; выборов в Государственную Думу 2016 и 2021 гг. и данные о результатах политических партий за период 2012–2022 гг.

Методология исследования. В работе был проведён сравнительный анализ характеристик субнационального и федерального уровней политики; результатов выборов в представительные органы регионов и муниципалитетов, где победила оппозиция; результатов губернаторских выборов, в которых победила оппозиция, в административном центре и периферии региона; результатов совмещённых выборов в Государственную Думу и региональную легислатуру на территории Алтайского края в 2021 г.; числа успешных кампаний и уровня поддержки малых партий на региональных и федеральных выборах. Для построения прогноза вероятных сценариев будущего на основе результатов исследования был применён системно-динамический подход, позволяющий оценить влияние выявленных факторов на долгосрочную динамику электоральных процессов.

Специфика субнациональных выборов. Одной из главных особенностей выборов регионального и муниципального уровней являются отличные от федеральной избирательные системы. Доля мандатов, распределяемая по мажоритарной системе на выборах в представительные органы регионов, а особенно муниципальных образований, обычно больше и иногда достигает 100%. Мажоритарная система относительного большинства в один тур очень сильно помогает «партии власти», так как не позволяет консолидировать протестные голоса и обеспечивает сверхбольшинство мандатов даже при отсутствии абсолютного большинства голосов избирателей. Из-за этой особенности мэрские выборы во многих городах проводились по данной системе, хотя для выборов единоличных органов власти она нетипична. Там, где пропорциональная система в том или ином объёме присутствует, для распределения мандатов вместо применяемого на выборах в Государственную Думу метода Хэйра-Нимейера часто применяется искажающий пропорциональность в пользу лидера голосования метод Импералии или его модифицированный вариант (тюменский метод),

что также идёт на пользу правящей партии. Почти непреодолимой преградой для электорально опасных для власти кандидатов на пост губернатора является «муниципальный фильтр». Кроме того, в большинстве субъектов федерации запрещено самовыдвижение на губернаторских выборах, что особенно мешает контрэлитным группам, сохраняющим лояльность федеральной власти и по этой причине отказывающимся выдвигаться от оппозиционных партий. Таким образом, если судить по формальным электоральным нормам, оппозиции на региональных и муниципальных выборах намного труднее. Однако здесь необходимо упомянуть причины решения властей ужесточить для оппозиции условия именно на данных уровнях выборов. Особо показателен пример Камеруна, где по мере ослабления доминирующей партии доля парламентариев, избираемых по мажоритарной системе, постоянно увеличивается [36, с. 26]. Вероятно, в России ситуация схожая: субнациональная оппозиция здесь имеет больше шансов на успех, что и требует контрмер в виде имеющейся электоральной политики власти.

На отношение как населения, так и элит к выборам субнациональных органов власти сильно влияет малый объём у данных органов политических, административных и финансовых ресурсов. Главы регионов встроены в единую вертикаль исполнительной власти во главе с Президентом РФ и могут быть смещены с должности в связи с утратой доверия. В данную вертикаль включены и главы муниципалитетов, которые в свою очередь подчинены губернаторам. Помимо этого, параллельно существуют и отраслевые вертикали: назначения региональных министров согласуются с соответствующими федеральными министерствами. То есть губернатор даже при опоре на легислатуру не может полностью контролировать правительство региона. Территориальные подразделения органов федеральной власти вовсе не подчиняются региональным и муниципальным властям. Автономия регионов также подавляется субнациональными надрегиональными структурами в виде института полномочных представителей президента Российской Федерации в федеральном округе. Появление федеральных округов, скорее всего, было вдохновлено созданными бывшим мэром Москвы Ю. М. Лужковым префектурами административных округов — региональными органами государственной власти, ограничивающими автономию муниципалитетов. Похожие практики известны даже за пределами России. Создание центральной властью разного рода параллельных субнациональных органов для ограничения влияния победившей на субнациональных выборах оппозиции практикуется также в Турции, Венесуэле и Венгрии [35, с. 313–314].

Наиболее слабыми органами субнациональной власти являются региональные и муниципальные собрания депутатов из-за малочисленности своего состава (на порядок меньше, чем состав Государственной Думы) и работы большинства депутатов на общественных началах (в то время как все федеральные парламентарии являются высокооплачиваемыми профессионалами). Как отмечает А. В. Кынев*, «губернаторы стремятся иметь максимально несамостоятельные и малочисленные региональные парламенты, стремясь к тому, чтобы у депутатов не было времени на самостоятельную законотворческую и аналитическую деятельность» [37, с. 270]. Кроме этого, малочисленность представительных органов ослабляет и оппозицию, так как ей сложно в таких условиях создать полноценную фракцию, состоящую хотя бы из трёх депутатов [38, с. 348].

* Внесён в реестр иноагентов 20.02.2026.

Одним из следствий данной слабости субнациональных органов власти является низкая явка. Особенно высок уровень электорального абсентеизма в крупных городах [10, с. 103]. Зачастую власти сами искусственно занижают явку с целью усилить эффект от административной мобилизации. Однако когда оппозиция консолидируется, низкая явка играет на руку уже ей [39, с. 217]. Причём недостаток ресурсов и полномочий у местных властей как раз не позволяет им эффективно бороться с оппозицией [28, с. 12]. Уровень выборов, кроме степени интереса к ним, влияет также на предъявляемые к депутатам требования со стороны избирателей. Например, чем ниже уровень депутата, тем сильнее требования к тому, чтобы он постоянно проживал в своём избирательном округе [40, с. 176].

Несмотря на то, что большинство региональных и муниципальных выборов проходят в единый день голосования, они проходят не во всех субъектах федерации сразу. За счёт этого как власть, так и оппозиция могут концентрировать свои силы. Например, использовать для поддержки избирательной кампании политиков и политтехнологов федерального уровня. Здесь власть имеет преимущество, так как располагает такими инструментами, как: административный контроль; перераспределение бюджета в пользу регионов, где проходят выборы; имиджевая поддержка кандидатов со стороны должностных лиц (особенно здесь сильна поддержка кандидатов в губернаторы со стороны Президента РФ). Однако выборы губернатора Хабаровского края 2018 г., на которых инкубент проиграл, являются примером того, как федеральная помощь всё только усугубила. Тогда агитация депутатов Государственной Думы среди населения края произвела отрицательный эффект [2, с. 115]. В то же время победа на выборах главы Республики Хакасия кандидата от КПРФ В. О. Коновалова во многом была связана именно с агитационной, имиджевой и политтехнологической поддержкой федерального руководства партии [1, с. 22]. Позитивное влияние на ход избирательной кампании коммунистов на выборах губернатора Иркутской области 2015 г. оказал приезд в регион лидера КПРФ Г. А. Зюганова.

Крайне важным отличием субнациональных выборов от федеральных является цена поражения инкубента. Автократ после утраты власти становится перед угрозой возмездия со стороны своих оппонентов [32, р. 25]. А представителям субнациональной правящей элиты это не грозит. После поражения на выборах они только теряют должность и уходят в оппозицию, имея при этом поддержку федерального центра. Для федеральной власти победа субнациональной оппозиции ещё менее страшна. Иногда даже федеральный центр не позволяет отказать сильному кандидату в регистрации, несмотря на стремление это сделать со стороны региональных властей [41, р. 197]. Более того, официальная оппозиция является одним из средств контроля над местной властью со стороны центра [29, с. 62]. Однако победа оппозиции на субнациональном уровне всё же наносит ощутимый урон федеральной власти: нарушаются патронажные сети, подрывается образ стабильности и всеобщей поддержки, стимулируется недовольство внутри элиты, происходит усиление оппозиции [33, р. 9–10].

Специфика деятельности формальной оппозиции и контрэлитных группировок на субнациональном уровне. Крайне важной характеристикой многих региональных политических режимов является наличие внутриэлитных конфликтов. Математический анализ Е. В. Сироткиной и С. А. Карандашовой показал, что открытый конфликт главы региона с элитами снижает результат пер-

вого на выборах. Особенно значим конфликт с мэром административного центра региона: он приводит снижению электоральных результатов губернатора на целых 16 процентных пунктов [4, с. 77]. Данные конфликты зачастую связаны с ещё одной особенностью субнациональной политики: исполнительную власть в большинстве субъектов федерации возглавляют «варяги» — назначенцы, не имевшие до вступления в должность связи с регионом. А. В. Дахин отмечает, что «варяги» концентрируют вокруг себя власть, подавляя региональные группы влияния. Национальные регионы, в которых глава исполнительной власти является территориально и этнически «своим», напротив, характеризуются большей консолидацией элиты [42, с. 57–58]. Наиболее ярко конфликт региональной элиты и «варяга» можно было увидеть в Республике Хакасия в период избирательной кампании перед региональными выборами 2023 года. Тогда из «Единой России» вышли спикер хакасского парламента В. Н. Штыгашев и несколько глав муниципальных образований. Консолидация региональной элиты происходила вокруг действующего главы республики и коммуниста В. О. Коновалова и против «варяга» и выдвинутого «Единой Россией» кандидата на пост главы региона С. М. Сокола.

Хакасский кейс указывает ещё на одну особенность субнациональных политических процессов. Как верно отмечает Н. В. Гришин, объект оппонирования для субнациональной оппозиции — это не центральная власть, к помощи которой, наоборот, можно апеллировать, а местные власти [28, с. 13]. Наглядным примером является кандидат от КПРФ на выборах губернатора Приморского края 2018 г. А. С. Ищенко, который публично поддерживал политику В. В. Путина, что не мешало ему заявлять о необходимости объединения со всей оппозицией, в том числе с внесистемной. На выборах в Совет городского округа город Уфа 2012 г. главным конкурентом региональной власти была Российская партия народного управления во главе с бизнесменом А. Р. Мухамедьяровым, который открыто поддерживал В. В. Путина и даже пытался организовать митинги в его поддержку [6, с. 26–27]. В том же году избирательную кампанию В. В. Путина возглавлял лидер одной из карельских контрэлитных группировок Д. М. Алиханов [5, с. 126]. Возможность подобных политических манёвров сильно повышает электоральные возможности субнациональной оппозиции по сравнению с федеральной.

При этом политическое маневрирование субнациональной оппозиции не ограничено только этим. Региональные отделения политических партий зачастую отклоняются от «генеральной линии», принятой федеральным руководством, и проводят собственную политику. Так, например, было с протестным движением «За честные выборы», когда некоторые региональные отделения оппозиционных партий поддержали данное движение, в то время как центральное руководство дистанцировалось от него, и, наоборот, дистанцировались, в то время как центральное руководство поддержало протесты [7]. Примечательно, что кооптация в региональных парламентах путём предоставления руководящих должностей не оказала никакого эффекта на протестную активность КПРФ, но действовала в отношении ЛДПР и «Справедливой России» [31, р. 117–118].

На субнациональном уровне отличается и взаимодействие групп оппозиции между собой. Системная и внесистемная оппозиция здесь иногда объединяется вокруг проблем региона или муниципалитета [30, с. 126], в то время как по ключевым вопросам внутренней и тем более внешней политики государства позиции данных политических сил кардинально расходятся.

В российских регионах существуют свои собственные партийные системы, которые могут сильно отличаться от партийной системы в Государственной Думе. Партии занимают разные порядковые номера, иногда парламентские партии не проходят в региональные легислатуры и муниципальные собрания депутатов, иногда, напротив, в представительные органы проходят непарламентские партии. Были и случаи вытеснения парламентских партий непарламентскими из региональных легислатур [9, с. 268]. В период 2012–2021 гг. были избраны двух-, трёх-, четырёх-, пяти- и шестипартийные региональные парламенты [9, с. 267–268; 43, с. 88]. Отсюда вытекает ещё одна специфичная черта субнациональной политики — изменение роли малых партий. Они уже не спойлеры парламентской оппозиции, а реальная политическая сила. Многие партии, которые не смогли пройти заградительный барьер на выборах в Государственную Думу, смогли пройти его на выборах в региональные легислатуры (см. табл. 1). При этом доли голосов, поданные за данные партии на федеральном уровне и на региональном уровне, примерно одинаковые. То есть успехи малых партий во многом связаны со спецификой определённых регионов и концентрацией ресурсов в наиболее перспективных кампаниях. Существенное влияние могли оказать и внутрирегиональные различия: электорат РОДП «Яблоко» и «Партии Роста» был в основном сосредоточен в крупных городах [8].

Таблица 1

Результаты малых партий на выборах в Государственную думу и региональные парламенты за период 2012–2022 гг.

Период/год	Число малых партий, получивших мандаты	Число малых партий, прошедших по спискам	Доля голосов за малые партии среди голосов за все партии,	Доля голосов за малые партии среди голосов за все партии кроме ЕР
Региональные парламенты				
2012–2015	11	7	8,56%	26,69%
2016–2019	11	10	7,95%	17,28%
2020–2022	10	8	13,21%	26,60%
Государственная Дума				
2016	2	0	11,44%	25,56%
2021	3	0	9,03%	18,39%

Источник: Рассчитано автором на основе данных из источников: [44]; ЦИК РФ.

Зачастую особенные успехи непарламентских партий объясняются внутри-элитными конфликтами. Например, от «Гражданской Платформы» и «Патриотов России» в 2013 г. выдвигались многие представители контрэлиты: бывшие руководители региональных отделений «Единой России», бывшие члены региональных правительств и бывшие спикеры региональных легислатур [45, с. 220]. Победа партии «Родина» на выборах в Тамбовскую городскую думу 2020 года, где ей удалось получить абсолютное большинство мандатов, во многом объясняется тем, что лидером регионального отделения партии был бывший мэр Тамбова М. Ю. Косенков.

Ещё одна важная характеристика субнациональной оппозиции заключается в том, что вход в политику здесь более доступный, из-за чего партийные организации заполняют не только профессиональные политики, но и гражданские активисты, менее склонные к коррупции и кулуарным сделкам с властями [28, с. 13].

Одним из наиболее показательных примеров для анализа различий федерального и регионального уровней электорального процесса являются выборы в Алтайское краевое Законодательное Собрание 2021 г., на которых победила оппозиция и которые были совмещены с выборами в Государственную Думу (см. табл. 2). Никаких существенных различий в голосовании на выборах регионального и федерального уровня у почти одних и тех же избирателей в один день голосования мы не видим. То есть в данном случае такие особенности региональной политики, как раскол региональной элиты и более свободная критика власти со стороны оппозиции либо не имели место быть в данном регионе, либо не проявляются во время федеральной кампании, либо оказывают влияние и на выборы федерального уровня.

Таблица 2

Совмещённые выборы в Алтайское краевое Законодательное Собрание и в Государственную Думу на территории Алтайского края (19 сентября 2021 г.).

Показатель	Алтайский край	Государственная Дума
Результат ЕР	243 686 (34,33%)	248 971 (33,67%)
Результат оппозиции	441 574 (62,22%)	471 513 (63,76%)
Недействительные голоса	24 485 (3,45%)	18 976 (2,57%)

Источник: ЦИК РФ.

Фактор территориальной гетерогенности. Весомый вклад в специфичность субнациональной политики вносит сильная электоральная неоднородность России. Субъекты федерации сильно различаются по своим характеристикам, влияющим на политическое поведение элит, оппозиции и избирателей. Пусть электоральная неоднородность присутствует и на федеральных выборах, но её влияние на данном уровне на порядок слабее, особенно на президентских выборах и выборах в Государственную Думу по списочной части.

Каждый российский регион имеет свой уникальный политический режим со своим уровнем электоральной конкуренции, уровнем консолидации элиты, состоянием гражданских свобод, степенью автономии законодательной и муниципальной власти от главы региона, стилем управления и зависимости от федерального центра [11; 12]. А локальные политические режимы за счёт разнообразия моделей местного самоуправления, различной степени зависимости муниципалитетов и больших возможностей для прямой демократии могут различаться ещё сильнее [22, с. 85–86]. Влияние электоральной гетерогенности на субнациональные выборы также усиливается большей распространённостью там мажоритарной системы относительного большинства, которая даёт преимущества тем партиям, которые сконцентрировали свою поддержку в определённых районах [46].

Положительно с голосованием за власть коррелируют доля сельского населения в регионе, доля нерусского населения, особенно в тюркских и северокавказских республиках [13], религиозность населения [14, с. 99] и размер пенсий [15, с. 57]. Отрицательно с голосованием за власть коррелируют количество экономических субъектов [47, с. 15], наличие у региона опыта государственности и самостоятельного политико-административного статуса до 1917 г. [16], уровень доходов, уровень преступности и доля пенсионеров [17, с. 177–178].

Более высокий уровень протестных настроений на Дальнем Востоке связан с удалённостью от Москвы и слабостью инфраструктуры [18, с. 174].

Сильны и внутрирегиональные различия. В административных центрах, как правило, более низкая явка и меньшая поддержка власти, что связано не только с размерами и экономическим положением региональных центров, но и в большей степени с их столичным статусом с вытекающим из этого развитием образовательной и культурной сфер [19; 20]. Рассмотрим различия в результатах проигравших инкубентов на губернаторских выборах 2015–2018 гг. в административных центрах регионов и региональных перифериях (см. табл. 3). Во всех случаях результат инкубента больше в периферии. Однако только на выборах в Иркутской области (2015 г.) данное различие составило 24,53 процентных пункта и стало решающим — инкубент смог получить абсолютное большинство в периферии области, но именно протестное голосование в городе Иркутске перевесило все общие голоса поддержки. В остальных трёх регионах разница между центром и периферией в голосовании за инкубента была намного меньше и не повлияла на исход выборов. И доля числа проголосовавших в центре среди общего числа проголосовавших в данных регионах была выше, особенно в Хабаровском крае (2018 г.).

Таблица 3

Различия электоральных показателей между регионом в целом, его центром и периферией на губернаторских выборах, на которых победила оппозиция в 2015–2018 гг.

Регион	Год выборов	Общий результат инкубента	Результат инкубента в центре	Результат инкубента в периферии	Разница	Доля центра*
Иркутская область	2015	49,6%	30,18%	54,71%	24,53 п. п.	20,85%
Владимирская область	2018	36,42%	28,01%	38,9%	10,89 п. п.	22,77%
Республика Хакасия	2018	32,42%	25,07%	35,53%	10,45 п. п.	29,67%
Хабаровский край	2018	35,62%	34,26%	36,68%	2,6 п. п.	47,56%

Примечание: * — отношение числа проголосовавших в центре к общему числу проголосовавших в регионе.

Источник: Рассчитано автором на основе данных из источника: ЦИК РФ.

Межрегиональная и внутрирегиональная неоднородности создают сверхблагоприятные для оппозиции территории, что повышает вероятность её победы где-либо. Однако сверхнеблагоприятные для оппозиции регионы и муниципалитеты, напротив, затрудняют расширение электоральных успехов оппозиции, без чего невозможно получить большинство голосов на федеральном уровне. Математические расчёты показывают, что у оппозиционных партий географическая однородность электоральной поддержки ниже, чем у «Единой России» [21]. Это значит, что успехи каждой оппозиционной партии ограничены в своих собственных зонах оптимума, что создаёт дополнительные риски для проадминистративных кандидатов из-за меньшего распыления голосов протестного электората, но, опять же, не даёт оппозиции расширить свои электоральные

победы. Ещё одно преимущество, которое оппозиции даёт межтерриториальная неоднородность, заключается в том, что местные оппозиционные политики больше осведомлены о реалиях на местах, чем федеральная власть. Победа оппозиции на выборах 2018–2021 гг. могла произойти как раз из-за того, что центр действовал по инерции и не учитывал особенности регионов [48, с. 24].

Дополнительным подтверждением влияния межтерриториальной неоднородности на субнациональные победы оппозиции может служить пример Северной Мексики времён авторитарного правления Институционно-революционной партии. Данная территория очень схожа с Восточной Сибирью: далека от центра, имеет экономические связи с соседями, государство считает её менее важным регионом, чем центр страны, и именно здесь на субнациональных выборах победила системная оппозиция (Партия национального действия в случае Мексики) [49, р. 11].

Специфика муниципального уровня политики. Отдельно необходимо отметить особенности политических процессов муниципального уровня, который отличается не только от федерального, но и от регионального уровня. Муниципальные выборы выделяются большей долей самовыдвиженцев, которые к тому же не являются фактическими выдвиженцами «Единой России» [23, с. 27]. Это объясняется большей открытостью муниципальной политики для гражданского участия [22, с. 85–89], низким числом кандидатов на избирательный округ, что всегда сопровождается большей долей голосов за самовыдвиженцев [50, с. 161], и распространением в некоторых муниципалитетах системы единого непередаваемого голоса, которая облегчает представительство для меньшинства, но, в отличие от пропорциональной системы, получить мандат здесь может и непартийный кандидат. Также на данном уровне особо сильное влияние на электоральные процессы оказывают межличностные связи, которые позволяют оппозиции закреплять за собой устойчивые анклавные электоральной поддержки [24, с. 5]. Прямой контакт кандидата с избирателями во время предвыборной кампании также даёт преимущество оппозиции, так как разрушается монополия власти на политическую информацию. Формальный статус местного самоуправления как отдельного от государственной власти института потенциально может стать фактором демократизации муниципального уровня политики. Так, именно юридический статус деревень как массовых организаций, а не государственных органов, повлиял на становление в Китае прямых конкурентных выборов сельсоветов [34, р. 401].

Во то же время есть особенности, мешающие оппозиции. Во-первых, на муниципальных выборах из-за малой информационной поддержки проще не допустить несогласованного кандидата [25]. Во-вторых, на муниципальном уровне внутриэлитная борьба обычно не имеет место быть из-за недостатка полномочий у муниципальных органов власти [26, с. 254]. В-третьих, на муниципальных выборах обычно довольно низкий уровень конкуренции, часто они вовсе безальтернативны [27]. В-четвёртых, мэры большинства городов избираются конкурсной комиссией, что не оставляет пространства ни для политической конкуренции, ни для проявления местной автономии [51].

Ещё большее понимание различий муниципального и регионального уровней выборов может дать сравнение случаев побед оппозиции в собраниях депутатов административных центров субъектов федерации и в региональные legislatures (см. табл. 4). В качестве переменных для сравнения взяты чис-

ло избранных самовыдвиженцев, представителей парламентской оппозиции (здесь будем понимать под ней те партии, которые преодолели заградительный барьер на выборах в Государственную Думу, за исключением «Единой России») и малых партий (тех, которые не прошли в Государственную Думу по спискам). Мандаты «Новых Людей» в их короткий период существования внепарламентской партией вошли в счёт парламентской оппозиции, так как одна из задач анализа – оценить успехи аутсайдеров федеральных выборов на субнациональных выборах. Период анализа: после партийной реформы 2012 года.

Таблица 4

Выигранные мандаты парламентской оппозицией, малыми партиями и самовыдвиженцами в парламентах регионов и административных центрах регионов, в которых победила оппозиция в 2013–2021 гг.

Регион/город	Год выборов	Победившие одномандатники (в округах без кандидата от ЕР)			Число округов	Кандидаты, избранные по спискам		Всего в списочной части
		Самовыдвиженцы	От малых партий	От парламентской оппозиции		От малых партий	От парламентской оппозиции	
Административные центры								
Красноярск	2013	0	11	3	18	6	3	18
Архангельск	2018	2	0	7	15	0	10	15
Великий Новгород	2018	0	0	11	15	1	10	15
Хабаровск	2019	0	0	35	35	0	0	0
Тамбов	2020	0	17	0	18	9	4	18
Новосибирск	2020	13 (6)	2	12 (2)	50	0	0	0
Томск	2020	7	2	10	27	2	5	10
Регионы								
Иркутская область	2018	0	3	10	22	0	15	23
Забайкальский край	2018	0	1	11	25	1	16	25
Хакасия	2018	2	2	11	25	2	16	25
Хабаровский край	2019	1	0	23 (1)	24	0	10	12
Алтайский край	2021	0	0	15	34	4	17	33

Источник: ЦИК РФ.

Все случаи побед оппозиции в региональные ассамблеи сильно похожи друг на друга. Большая часть мандатов достаётся парламентской оппозиции. Малые партии в большинстве случаев проходят по спискам и имеют победы в округах. Самовыдвиженцы проходят только в двух случаях из пяти. Важно упомянуть специфику выборов в Хабаровской области (2019 г.): абсолютное число мандатов здесь отошло ЛДПР.

Случаи побед оппозиции в административных центрах регионов, наоборот, крайне не похожи друг на друга. Выборы в Красноярске (2013 г.) и Тамбове

(2020 г.) выделяются очень высокими результатами малых партий: в первом случае очень успешно выступили «Патриоты России», во втором — «Родина». В Новосибирске (2020 г.) и Томске (2020 г.) победило очень много самовыдвиженцев, что во многом связано с их принадлежностью к внесистемной оппозиции как организованной силе. При этом в большинстве административных центров ни один самовыдвиженец всё же не смог получить мандат, как и в рассматриваемых региональных случаях. В Хабаровске (2019 г.) все кроме одного мандата выиграли кандидаты от ЛДПР, один — от «Справедливой России». В Архангельске (2018 г.) и Великом Новгороде (2018 г.) результаты выборов уже больше похожи на региональные кейсы. Только в Хабаровске и Новосибирске избирательная система была полностью мажоритарной, что дополнительно повлияло на особенности данных кампаний: почти однопартийная городская дума в первом случае и победа большого числа самовыдвиженцев во втором. В остальных муниципальных кейсах и во всех региональных избирательная система была смешанной. Только в Новосибирске часть победителей избиралась в округах без кандидата от «Единой России»: шесть самовыдвиженцев, один представитель КПРФ и один представитель ЛДПР.

Закключение. По формальным электоральным нормам может сложиться картина, что на субнациональном уровне больше преимуществ на выборах для доминирующей партии и выше политические барьеры для оппозиции. Однако фактически на федеральном уровне вход в политику намного более закрытый. Субнациональная политика характеризуется большим числом гражданских активистов и независимых самовыдвиженцев, более сильными позициями непарламентских партий. Также инкументам на федеральном уровне не приходится сталкиваться с сопротивлением контрэлитных группировок со своими политическими, финансовыми и медийными ресурсами. Низкая явка, свойственная региональным, а тем более муниципальным выборам, обычно помогает проадминистративным кандидатам, однако консолидировавшись и организовавшись, оппозиция может обернуть её себе на пользу. Асинхронность избирательных кампаний скорее помогает власти, так как федеральный центр может концентрировать и перенаправлять не только политические и политтехнологические ресурсы, но и бюджетные. Возможность субнациональной оппозиции апеллировать к федеральному центру и играть на межэлитных противоречиях даёт ей большое преимущество по сравнению с федеральной оппозицией. Особо значимым фактором побед субнациональной оппозиции является политическая неоднородность России, которая позволяет ей одерживать территориально ограниченные победы в своих зонах оптимума. Специфика муниципального уровня политики создаёт свои проблемы для оппозиционной деятельности, но всё же скорее благоприятствует ей.

Взвесив влияние всех факторов, можно констатировать, что специфика субнационального уровня политики скорее помогает оппозиции, чем препятствует. Она же и сдерживает оппозицию, сильно затрудняя её победу на федеральном уровне. Однако любое электоральное поражение власти может поспособствовать дезертизму элит и воодушевлению протестного электората, что по принципу петли положительной обратной связи обеспечит следующие успехи оппозиции. Здесь главной переменной является сила отрицательной обратной связи, главным образом, в виде реакции федерального центра. Если федеральное руководство будет своевременно устранять все последствия прихода оппозиции

к власти в регионах и муниципалитетах, то политической стабильности эти победы навредить не смогут. Но если в силу различных причин эти процессы будут оставлены без контроля, то можно допустить пусть и довольно низкую, но определённую вероятность «опрокидывающих» выборов на федеральном уровне и других политических проблем для правящей элиты.

Несмотря на огромные трудности, у оппозиции имеется определённый потенциал переноса опыта своих субнациональных успехов на федеральный уровень. Во-первых, оппозиция может играть на противоречиях внутри федеральной элиты. Пусть конфликты федеральных элитных групп более редкое событие, чем борьба элит на субнациональном уровне, и они не переходят в электоральную плоскость, тем не менее, они имеют место быть. Во-вторых, недовольство населения против местной власти вполне можно конвертировать в голоса против федеральной власти. Как показывает опыт совмещённых выборов, особенно в Алтайском крае 2021 г., избиратели не всегда разделяют местную и федеральную власть, поэтому голосуют против власти вообще, особенно если она представлена правящей партией, а не президентом или губернатором. Однако данная тактика может свести на нет обратные попытки субнациональной оппозиции апеллировать к центру с целью борьбы против местной власти. В-третьих, данный манёвр субнациональной оппозиции можно адаптировать к федеральной политике в виде позиции «За Путина, против „Единой России“», которая на данный момент открыто разделяется только СРЗП. Но этот вариант рискованный: потеря значительной доли протестного электората может перекрыть все выгоды, которые можно отсюда извлечь. Тем более Кремль заинтересован в сохранении альтернативности выборов президента. В-четвёртых, успехи непарламентских партий показывают, что концентрация ресурсов позволяет добиваться больших результатов при неизменной поддержке избирателей. В-пятых, партии парламентской оппозиции могут существенно прирастить свою поддержку в административных центрах регионов — именно в них сосредотачивается протестный электорат, но весомая его часть голосует за малые партии и самовыдвиженцев. Консолидация протестных голосов здесь увеличит шансы оппозиции на успех.

В свою очередь, и федеральная власть может сделать шаги для недопущения следующих побед субнациональной оппозиции. Во-первых, не позволять резонировать недовольству населения, оппозиции и контрэлитных групп. Один из способов это сделать — использовать в сложных регионах уже отработанную практику назначения губернаторами представителей оппозиционных партий. Это позволит не допускать нежелательных прецедентов поражения кандидатов от власти на выборах, дезориентировать протестный электорат и лишить контрэлитные группы возможности вести борьбу с правящей элитой в электоральном поле. Во-вторых, прекратить практику публичной поддержки губернаторами непопулярных решений центра. Как показал опыт пенсионной реформы 2018 г., данная практика только опускает рейтинги региональной власти, но не делает решение менее непопулярным среди населения.

Библиографический список

1. Белоконов С. Ю., Игнатовский Я. Р., Печенкин Н. М. Динамика общественно-политических настроений и анализ результатов выборов в Республике Хакасия в 2018 // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9, № 4. С. 19–24. DOI [10.26794/2226-7867-2019-9-4-19-24](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-19-24). EDN YZWWNZ.

2. *Говорухин Г. Э., Дудченко О. В.* Выборы 2018 года в России как кризис власти. На примере Хабаровского края // Свободная мысль. 2019. № 3. С. 107–116. EDN [CQDQYB](#).
3. *Туровский Р. Ф.* Субнациональная политика: введение к возможной теории // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2014. № 4. С. 86–99. EDN [VBUZGL](#).
4. *Сироткина Е. В., Карандашова С. А.* Лояльность элит и выборы глав регионов: роль предвыборных конфликтов в исходе голосования // Полис. Политические исследования. 2017. № 6. С. 76–91. DOI [10.17976/jpps/2017.06.06](#). EDN [ZVMOLB](#).
5. *Стремоухов Д. А.* Политические конфликты между губернаторами и региональными экономическими элитами (случай Республики Карелия) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2022. № 2. С. 118–135. DOI [10.30570/2078-5089-2022-105-2-118-135](#). EDN [JMIZER](#).
6. *Шкель С. Н.* Агитация без конкуренции: особенности политической состязательности в условиях субнационального авторитаризма // PolitBook. 2015. № 4. С. 18–35. EDN [TLZRFC](#).
7. *Завадская М. А., Лобанова О. Ю., Семенов А. В.* Когда партии протестуют? Сравнительный анализ партийного участия в движении «За честные выборы» в регионах // Политическая наука. 2017. № 4. С. 85–110. EDN [ZXXTYZ](#).
8. *Шпагин С. А.* Непарламентские партии в современной России: у порога Государственной Думы? // Электоральная политика. 2021. № 1(5). С. 1. EDN [ZBYIIR](#).
9. *Шпагин С. А.* Электоральный цикл 2012–2016 гг. и партийные системы в российских регионах // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 54. С. 263–273. DOI [10.17223/1998863X/54/24](#). EDN [MQLNYC](#).
10. *Суханова М. И., Шестакова Ю. Г.* Анализ феномена электорального абсентеизма на примере выборов в органы местного самоуправления Удмуртии // Политическая наука. 2019. № 1. С. 90–108. DOI [10.31249/poln/2019.01.05](#). EDN [NGKLEO](#).
11. *Туровский Р. Ф.* Региональные политические режимы в современной России: сравнительный анализ // Вестник РГНФ. 2013. № 1. С. 73–82. EDN [UDLAYV](#).
12. *Гайворонский Ю. О.* Региональные политические режимы в России: концептуальные новации и возможности измерения // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2015. № 2. С. 21–37. DOI [10.30570/2078-5089-2015-77-2-21-37](#). EDN [XRAJIN](#).
13. *Шкель С., Щербак А., Качева Т.* Анатомия лояльности: механизмы формирования электорального сверхбольшинства в этнических республиках современной России // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21, № 1. С. 38–70. DOI [10.17323/1728-192x-2022-1-38-70](#). EDN [YEGZVO](#).
14. *Щербак А. Н., Ухватова М. В.* От «красного пояса» — к «библейскому»: исторические предпосылки сдвигов в политической географии России // Общественные науки и современность. 2018. № 6. С. 98–113. DOI [10.31857/S086904990000379-8](#). EDN [VPYZQX](#).
15. *Туровский Р. Ф., Гайворонский Ю. О.* Влияние экономики на электоральное поведение в России: работает ли «контракт» власти и общества? // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2017. № 3. С. 42–61. EDN [XTXFWX](#).
16. *Кирьянов И. К., Панов П. В.* Историческая специфика регионов России: инструментарий для анализа гетерогенности политического пространства // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. Т. 16, № 4. С. 53–63. DOI [10.17072/2218-1067-2022-4-53-63](#). EDN [EIOZIC](#).
17. *Щербак А. Н., Сенников Е. В., Лисовский Т. А.* Экономическое голосование на выборах 2011–2012 годов // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. № 4. С. 168–183. EDN [RVKXPX](#).
18. *Печенкин Н. М., Неткачев К. И.* Протестные общественно-политические настроения жителей Дальнего Востока в 2020 году (на примере Хабаровска, Владивостока, Благовещенска) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. Т. 11, № 4. С. 169–175. DOI [10.26794/2226-7867-2021-11-4-169-175](#). EDN [HFBJDK](#).
19. *Панов П. В.* Специфика столичных городов в электоральном ландшафте регионов России: вариативность с точки зрения диспозиции «центр — периферия» // Политическая наука. 2024. № 1. С. 76–97. DOI [10.31249/poln/2024.01.03](#). EDN [MKAMYH](#).

20. Любарев А. Е. Внутрорегиональные различия электоральных показателей на российских выборах 1995–2018 гг. // Электоральная политика. 2019. № 1. С. 3. EDN [TFKUWM](#).
21. Любарев А. Е. Оценка территориальной однородности итогов голосования в Российской Федерации и российских регионах // Электоральная политика. 2021. № 2. С. 1. EDN [HTGSWT](#).
22. Туровский Р. Ф. Местное самоуправление в России и эволюция политического режима // Pro Nunc. Современные политические процессы. 2015. № 1. С. 82–98. EDN [VHWOAF](#).
23. Великая Н. М. Партии парламентской оппозиции на выборах в представительные органы местного самоуправления в 2024 году // Наука. Культура. Общество. 2024. Т. 30, № 4. С. 21–35. DOI [10.19181/nko.2024.30.4.2](#). EDN [NQZPG](#).
24. Корнеева Е. М. Локальный уровень голосования в России: пространственно-эконометрический подход // Политическая наука. 2021. № 3. С. 229–250. DOI [10.31249/poln/2021.03.10](#). EDN [TJNQFA](#).
25. Специфика местного самоуправления и муниципальных выборов / О. В. Балабанова, К. В. Киселев, В. С. Ковин [и др.] // Электоральная политика. 2022. № 1. С. 5. EDN [PBWGRP](#).
26. Саматарева К. А. Методология исследования городского политического режима // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2017. № 4. С. 252–256. EDN [YMQGPS](#).
27. Любарев А. Е. Российские муниципальные выборы через призму электоральной статистики // Электоральная политика. 2022. № 2. С. 1. EDN [YVONFX](#).
28. Гришин Н. В. Региональная оппозиция в России: чужеродный элемент в системе гибридного политического режима // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2014. Т. 10, № 4. С. 5–26. EDN [VEIDPX](#).
29. Пустовойт Ю. А. «Контрэлита»: местная власть и ее оппоненты в сибирском мегаполисе // Власть и элиты. 2019. Т. 6, № 1. С. 48–70. DOI [10.31119/pe.2019.6.1.4](#). EDN [YWQOBS](#).
30. Ланин В. С. Соревновательный авторитарный режим: тактика оппозиционных акторов // Сравнительная политика. 2017. Т. 8, № 3. С. 120–130. DOI [10.18611/2221-3279-2017-8-3-120-130](#). EDN [ZHOLRZ](#).
31. Dollbaum J. M. Curbing protest through elite co-optation? Regional protest mobilization by the Russian systemic opposition during the 'for fair elections' protests 2011–2012 // Journal of Eurasian Studies. 2017. Vol. 8, No. 2. P. 109–122. DOI [10.1016/j.euras.2017.01.002](#). EDN [YDRVHO](#).
32. Schedler A. The politics of uncertainty: Sustaining and subverting electoral authoritarianism. Oxford : Oxford University Press, 2013. 493 p. DOI [10.1093/acprof:oso/9780199680320.003.0002](#).
33. Isiksel T, Pepinsky T. B. Voting in authoritarian elections // American Political Science Review. 2026. Vol. 120, No. 1. P. 21–36. DOI [10.1017/S0003055425000085](#).
34. Gilley B. Democratic enclaves in authoritarian regimes // Twenty years of studying democratization / Ed. by A. Croissant, J. Haynes. London : Routledge, 2016. P. 99–125.
35. Begadze M. Playbook of subnational illiberalism: Autocrats face the opposition-led local governments // Hague Journal on the Rule of Law. 2022. Vol. 14, No. 2-3. P. 309–330. DOI [10.1007/s40803-022-00184-8](#). EDN [JJNGSS](#).
36. Усова В. А. Смешанная несвязанная избирательная система и электоральный авторитаризм // Вестник Пермского университета. Политология. 2021. Т. 15, № 1. С. 19–34. DOI [10.17072/2218-1067-2021-1-19-34](#). EDN [OCZRKA](#).
37. Кынев А. В. Качество региональных политических институтов: Попытка изменения // Политическая наука. 2017. № 4. С. 259–283. EDN [ZXXUCB](#).
38. Мархинин В. В. мл. Среда политической конкуренции: состояние и перспективы партийной системы в современной России (региональные аспекты) // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 2, № 3. С. 345–355. EDN [UZCVYC](#).
39. Корнеева Е. М. Воспроизводство электоральных паттернов голосования на субнациональных выборах // Политическая наука. 2019. № 2. С. 198–218. DOI [10.31249/poln/2019.02.10](#). EDN [MXRDKI](#).
40. Мухаметов Р. С. Электоральные предпочтения избирателей: эффект «друзей и соседей» имеет значение в России? // Политическая наука. 2022. № 4. С. 165–184. DOI [10.31249/poln/2022.04.08](#). EDN [CKOZQB](#).

41. *Smyth R., Turovsky R.* Legitimising victories: Electoral authoritarian control in Russia's gubernatorial elections // *Europe-Asia Studies*. 2018. Vol. 70, No. 2. P. 182–201. DOI [10.1080/09668136.2018.1436697](https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1436697). EDN [JURTOU](#).
42. *Дахин А. В.* Система власти в России в 2000-х годах и модели политического управления регионами // *Полис. Политические исследования*. 2009. № 2. С. 52–59. EDN [KYGVDF](#).
43. *Жуков В. Н.* Региональные выборы 2017–2021 гг.: преодоление кризиса партийной системы // *Регион: системы, экономика, управление*. 2021. № 4. С. 87–91. DOI [10.22394/1997-4469-2021-55-4-87-91](https://doi.org/10.22394/1997-4469-2021-55-4-87-91). EDN [XNJLXW](#).
44. *Кынев А. В., Любарев А. Е.* Партии и выборы в России 2008–2022: история заката. М. : Новое литературное обозрение, 2024. 488 с.
45. Региональные и местные выборы 8 сентября 2013 года: тенденции, проблемы и технологии / А. Е. Любарев, А. Е. Максимов [и др.]. М. : Фонд «Либеральная Миссия», 2014. 312 с. EDN [VRXZBC](#).
46. *Окунев И. Ю.* Географический фаворитизм партий и избирательных систем // *Политическая наука*. 2022. № 4. С. 90–106. DOI [10.31249/poln/2022.04.04](https://doi.org/10.31249/poln/2022.04.04). EDN [VOFTAЕ](#).
47. *Пустовойт Ю. А.* Городские политические режимы: Типология, причины формирования и возможности акторов // *Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент*. 2017. № 3. С. 9–16. DOI [10.18101/2304-4446-2017-3-9-16](https://doi.org/10.18101/2304-4446-2017-3-9-16). EDN [ZRBPRТ](#).
48. *Горохов А. В.* Особенности региональных результатов оппозиционных партий в России в рамках выборов 2018–2022 гг. // *Псковский регионологический журнал*. 2023. Т. 19, № 2. С. 14–28. DOI [10.37490/S221979310025441-8](https://doi.org/10.37490/S221979310025441-8). EDN [UIYROС](#).
49. *Ishiyama J., Rybalko M.* A rumbling from below? Opposition party rebranding, regional elections, and transforming the regime in Russia // *Issues of Political Marketing* / Ed. by M. Gregor [et al.]. London : Routledge, 2024. P. 58–73.
50. *Ткачева Т. Ю., Турченко М. С.* Факторы успеха кандидатов-самовыдвиженцев на выборах в представительные органы столиц регионов России (2014–2018) // *Политическая наука*. 2019. № 1. С. 147–164. DOI [10.31249/poln/2019.01.08](https://doi.org/10.31249/poln/2019.01.08). EDN [ZCJNJZ](#).
51. *Гилев А. В., Шевцова И. К.* Бесконфликтная арена? Эффекты введения процедуры конкурсного отбора глав местной власти в крупных городах России // *Политическая наука*. 2021. № 2. С. 260–281. DOI [10.31249/poln/2021.02.10](https://doi.org/10.31249/poln/2021.02.10). EDN [MUBFFM](#).

Поступила: 28.03.2025. Доработана: 30.09.2025. Принята: 14.10.2025.

Сведения об авторе:

Шаталов Олег Иванович, аспирант департамента философии и социальных наук
Института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет.

Москва, Россия. shatalovoi564@mgpu.ru

Author ID РИНЦ: 1283734; ORCID: 0009-0001-5586-4944

O. I. Shatalov¹

¹MCU, Moscow, Russia

THE SPECIFICS OF THE SUBNATIONAL LEVEL OF POLITICS AS A FACTOR IN THE ELECTORAL VICTORIES OF THE OPPOSITION

Abstract. This article analyzes the features of regional and municipal levels of Russian politics that both hinder and facilitate opposition victories in subnational elections. Among the challenges faced by the opposition are the majoritarian electoral system and the Imperiali seat-allocation method, along with its modifications, which provide electoral advantages to the ruling party; the municipal filter and the prohibition of self-nomination in gubernatorial elections; low voter turnout given the disorganization of the opposition; and the federal authorities' ability to concentrate budgetary and other resources on ongoing electoral campaigns. Conversely, certain features of subnational politics

support the opposition, such as inter-elite competition, the ability to appeal to the federal center in conflicts with regional and municipal authorities, the potential to gain electoral advantages during low turnout in cases of opposition consolidation, the weakness of subnational governing bodies due to the centralist nature of public administration in Russia, fewer actual barriers to entry into politics, and the presence of particularly protest-prone regions. The positive aspects of subnational politics for the opposition outweigh the negative ones, which is one of the main reasons for its victories in many municipal and regional elections. This, in turn, makes it difficult for the opposition to transfer this experience to the federal level. The author concludes that under normal functioning of the political system in Russia, electoral victories of subnational opposition do not pose a threat to it; however, in the event of a potential weakening of the system, the successes of the opposition, due to the inspiration of the protest electorate and elite desertion, could expand both horizontally and vertically.

Keywords: opposition, subnational opposition, protest voting, regional political process, municipal elections, electoral system, political regime

For citation: Shatalov O. I. The specifics of the subnational level of politics as a factor in the electoral victories of the opposition. *Science. Culture. Society*. 2026;32(1):80–98. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.6>

References

1. Belokonev S. Yu., Ignatowski Ya. R., Pechenkin N. M. Dynamics of socio-political moods and an analysis of the election results in the Republic of Khakassia in 2018. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(4):19–24. (In Russ.). DOI [10.26794/2226-7867-2019-9-4-19-24](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-4-19-24).
2. Govorukhin G. E., Dudchenko O. V. Elections of 2018 in Russia as crisis of authority. On an example of Khabarovsk Region. *Svobodnaya My'sl*. 2019;(3):107–116. (In Russ.).
3. Turovsky R. F. Subnational policy: introduction to potential theory. *Politeia*. 2014;(4):86–99. (In Russ.).
4. Sirotkina E. V., Karandashova S. A. Loyalty of elites and gubernatorial elections: the role of pre-electoral conflicts in the voting outcome. *Polis. Political Studies*. 2017;(6):76–91. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2017.06.06](https://doi.org/10.17976/jpps/2017.06.06).
5. Stremoukhov D. A. Political conflicts between governors and regional economic elites (case of the Republic of Karelia). *Politeia*. 2022;(2):118–135. (In Russ.). DOI [10.30570/2078-5089-2022-105-2-118-135](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2022-105-2-118-135).
6. Shkel` S. Agitation without competition: particularly political contest in subnational authoritarianism. *Politbook*. 2015;(4):18–35. (In Russ.).
7. Zavadskaya M., Lobanova O., Semenov A. When do political parties join protests? A comparative analysis of party involvement in “for fair elections” movement. *Political science (RU)*. 2017;(4):85–110. (In Russ.).
8. Shpagin S. A. Non-parliamentary parties in contemporary Russia: on State Duma’s doorstep. *Electoral Politics*. 2021;(1):1. (In Russ.).
9. Shpagin S. A. The electoral cycle 2012–2016 and party systems in Russian regions. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2020;(54):263–273. (In Russ.). DOI [10.17223/1998863X/54/24](https://doi.org/10.17223/1998863X/54/24).
10. Sukhanova M. I., Shestakova Yu. G. Analysis of the electoral absenteeism on the example of local elections in Udmurtia. *Political science (RU)*. 2019;(1):90–108. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2019.01.05](https://doi.org/10.31249/poln/2019.01.05).
11. Turovsky R. F. Regional political regimes in modern Russia: a comparative study. *Bulletin of the Russian foundation for humanities*. 2013;(1):73–82. (In Russ.).
12. Gaivoronsky Yu. O. Regional political regimes in Russia: conceptual innovations and measurement possibilities. *Politeia*. 2015;(2):21–37. (In Russ.). DOI [10.30570/2078-5089-2015-77-2-21-37](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2015-77-2-21-37).
13. Shkel S., Scherbak A., Tkacheva T. The anatomy of loyalty: mechanisms for the formation of an electoral super-majority in the ethnic republics of contemporary Russia. *The Russian Sociological Review*. 2022;21(1):38–70. (In Russ.). DOI [10.17323/1728-192x-2022-1-38-70](https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-1-38-70).
14. Shcherbak A., Ukhvatova M. From “the Red Belt” to “the Bible Belt”: historical roots of the shift in Russian political geography. *Obshchestvennye nauki i sovremennost*. 2018;(6):98–113. (In Russ.). DOI [10.31857/S086904990000379-8](https://doi.org/10.31857/S086904990000379-8).
15. Turovsky R. F., Gaivoronskii Yu. O. The influence of the economy on electoral behavior in Russia: does the “Contract” of government and society work? *Politeia*. 2017;(3):42–61. (In Russ.).

16. Kiryanov I. K., Panov P. V. Historical specificity of Russian regions: an instrument for the analysis of political space heterogeneity. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2022;16(4):53–63. (In Russ.). DOI [10.17072/2218-1067-2022-4-53-63](https://doi.org/10.17072/2218-1067-2022-4-53-63).
17. Shcherbak A. N., Sennikov E. V., Lisovsky T. A. Economic voting at the elections of 2011–2012. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2013;(4):168–183. (In Russ.).
18. Pechenkin N. M., Netkachev K. I. Protest socio-political mood of residents of the Far East in 2020 (on the example of Khabarovsk, Vladivostok, Blagoveshchensk). *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(4):169–175. (In Russ.). DOI [10.26794/2226-7867-2021-11-4-169-175](https://doi.org/10.26794/2226-7867-2021-11-4-169-175).
19. Panov P. V. The specificity of capital cities in the electoral landscape of Russian regions: variability in the framework of the “center–periphery” disposition. *Political science (RU)*. 2024;(1): 76–97. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2024.01.03](https://doi.org/10.31249/poln/2024.01.03).
20. Lyubarev A. E. intraregional differences of electoral indices during the elections in Russia in 1995–2018. *Electoral Politics*. 2019;(1):3. (In Russ.).
21. Lyubarev A. E. Assessing territorial homogeneity of vote returns in the Russian Federation and its regions. *Electoral Politics*. 2021;(2):1. (In Russ.).
22. Turovsky R. F. Local government in Russia and evolution of political regime. *Pro Nunc*. 2015;(1):82–98. (In Russ.).
23. Velikaya N. M. The parties of the parliamentary opposition in the elections to representative bodies of local self-government in 2024. *Science. Culture. Society*. 2024;30(4):21–35. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2024.30.4.2](https://doi.org/10.19181/nko.2024.30.4.2).
24. Korneeva E. M. Local voting in Russia: a spatial-econometric approach. *Political science (RU)*. 2021;(3):229–250. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2021.03.10](https://doi.org/10.31249/poln/2021.03.10).
25. Balabanova O. V., Kiselyov K. V., Kovin V. S. [et al.] Distinctive nature of local governments and municipal elections. *Electoral Politics*. 2022;(1):5. (In Russ.).
26. Samatareva K. A. Methodology of the study of urban political regime. *The Political Conceptology: Journal of Metadisciplinary Research*. 2017;(4):252–256. (In Russ.).
27. Lyubarev A. E. Municipal elections in Russia through a lens of electoral statistics. *Electoral Politics*. 2022;(2):1. (In Russ.).
28. Grishin N. V. Regional opposition in Russia: aliens in a hybrid regime. *Political expertise: POLITEX*. 2014;10(4):5–26. (In Russ.).
29. Pustovoyt Yu. A. “A counter-elite”: local power and its opponents in the Siberian megapolis. *Power and Elites*. 2019;6(1):48–70. (In Russ.). DOI [10.31119/pe.2019.6.1.4](https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.1.4).
30. Lapin V. S. Competitive authoritarian regime: tactics of opposition actors. *Comparative Politics Russia*. 2017;8(3):120–130. (In Russ.). DOI [10.18611/2221-3279-2017-8-3-120-130](https://doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-3-120-130).
31. Dollbaum J. M. Curbing protest through elite co-optation? Regional protest mobilization by the Russian systemic opposition during the ‘for fair elections’ protests 2011–2012. *Journal of Eurasian studies*. 2017;8(2):109–122. DOI [10.1016/j.euras.2017.01.002](https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.01.002).
32. Schedler A. The politics of uncertainty: Sustaining and subverting electoral authoritarianism. Oxford: Oxford University Press; 2013. DOI [10.1093/acprof:oso/9780199680320.003.0002](https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199680320.003.0002).
33. Isiksel T, Pepinsky T. B. Voting in authoritarian elections. *American Political Science Review*. 2026;120(1):21–36. DOI [10.1017/S0003055425000085](https://doi.org/10.1017/S0003055425000085).
34. Gilley B. Democratic enclaves in authoritarian regimes. In: Croissant A., Haynes J. Twenty years of studying democratization. London: Routledge; 2016. P. 99–125.
35. Begadze M. Playbook of subnational illiberalism: Autocrats face the opposition-led local governments. *Hague Journal on the Rule of Law*. 2022;14(2-3):309–330. DOI [10.1007/s40803-022-00184-8](https://doi.org/10.1007/s40803-022-00184-8).
36. Usova V. A. Mixed independent electoral system and electoral authoritarianism. *Bulletin of Perm University. Political Science*. 2021;15(1):19–34. (In Russ.). DOI [10.17072/2218-1067-2021-1-19-34](https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-1-19-34).
37. Kynev A. V. Quality of regional political institutions: attempt of measurement. *Political science (RU)*. 2017;(4):259–283. (In Russ.).
38. Markhinin V. V. (jr) The environment of party competition: present state and prospects of party system in contemporary Russia (regional aspects). *Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*. 2018;2(3):345–355. (In Russ.).
39. Korneeva E. M. Reproduction of electoral voting patterns in the subnational elections. *Political science (RU)*. 2019;(2):198–218. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2019.02.10](https://doi.org/10.31249/poln/2019.02.10).

40. Mukhametov R. S. Electoral preferences of voters: does the “friends and neighbors” voting matter in Russia? *Political science (RU)*. 2022;(4):165–184. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2022.04.08](https://doi.org/10.31249/poln/2022.04.08).
41. Smyth R., Turovsky R. Legitimising victories: Electoral authoritarian control in Russia's gubernatorial elections. *Europe-Asia Studies*. 2018;70(2):182–201. DOI [10.1080/09668136.2018.1436697](https://doi.org/10.1080/09668136.2018.1436697).
42. Dakhin A. V. System of power in Russia in the 2000s and the models of political government of the regions. *Polis. Political Studies*. 2009;(2):52–59. (In Russ.).
43. Zhukov V. N. Regional elections 2017–2021: overcoming the crisis of the party system. *Region: Systems, Economics, Management*. 2021;(4):87–91. (In Russ.). DOI [10.22394/1997-4469-2021-55-4-87-91](https://doi.org/10.22394/1997-4469-2021-55-4-87-91).
44. Kynev A. V., Lyubarev A. E. Parties and elections in Russia 2008–2022: A History of Decline. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2024. (In Russ.).
45. Lyubarev A. E., Maksimov A. N. [et al.] Regional and local elections of 8 September 2013: Trends, challenges and features. Moscow: Liberal Mission Foundation; 2014. (In Russ.).
46. Okunev I. Yu. Geographical favouritism of parties and systems. *Political science (RU)*. 2022;(4):90–106. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2022.04.04](https://doi.org/10.31249/poln/2022.04.04).
47. Pustovoi Yu. A. Urban political regimes: the typology, reasons for formation, possibilities of actors. *BSU bulletin. Economy and Management*. 2017;(3):9–16. (In Russ.). DOI [10.18101/2304-4446-2017-3-9-16](https://doi.org/10.18101/2304-4446-2017-3-9-16).
48. Gorokhov A. V. Characteristics of regional results of opposition parties in Russia during the 2018–2022 elections. *Pskov Journal of Regional Studies*. 2023;19(2):14–28. (In Russ.). DOI [10.37490/S221979310025441-8](https://doi.org/10.37490/S221979310025441-8).
49. Ishiyama J, Rybalko M. A rumbling from below? Opposition party rebranding, regional elections, and transforming the regime in Russia. In: Gregor M. [et al.] (eds) *Issues of Political Marketing*. London: Routledge; 2024. P. 58–73.
50. Tkacheva T. Yu., Turchenko M. S. City-council elections in Russia's regional capitals, 2014–2018: Self-nominess and factors of their success. *Political science (RU)*. 2019;(1):147–164. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2019.01.08](https://doi.org/10.31249/poln/2019.01.08).
51. Gilev A. V., Shevtsova I. K. The conflict free arena? Effects of procedure of selecting local heads in large Russian cities. *Political science (RU)*. 2021;(2):260–281. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2021.02.10](https://doi.org/10.31249/poln/2021.02.10).

Received: 28.03.2025. Corrected: 30.09.2025. Accepted: 14.10.2025.

Author information:

Oleg I. Shatalov, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Social Sciences, Institute of Humanities, Moscow City University. Moscow, Russia. shatalovoi564@mgpu.ru
ORCID: [0009-0001-5586-4944](https://orcid.org/0009-0001-5586-4944)

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ФОКУСЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.1.7](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.7)
EDN [SVUPOD](https://edn.svupod.ru)
УДК 316.344

В. В. Мухачёв¹

¹ Институт социально политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

МЕЩАНСТВО В ИСТОРИИ РОССИИ ДО 1917 ГОДА

Аннотация. Статья посвящена исследованию эволюции сословия мещан в России XVIII — начала XX вв. как ключевого элемента городской мелкой буржуазии. В рамках междисциплинарного историко-социологического и социально-психологического подхода автор анализирует двойственную природу социально-политического феномена «мещанство»: как юридически оформленного сословия (согласно Жалованной грамоте 1785 г.) и как специфического социально-психологического типа личности. Выявлена взаимосвязь между правовым статусом «среднего класса» Российской империи и формированием мировоззренческих установок, характерных для мелкотоварного производителя. На материале публицистики и художественной литературы (П. Н. Ткачёв, М. Горький) реконструирована критическая рефлексия современной им интеллигенции относительно мещанской морали. Обосновывается вывод о том, что неприятие мещанского типа личности передовой частью российского общества обуславливалось конфликтом между частнособственническими интересами сословия и потребностями общественного развития в период кризиса самодержавия.

Ключевые слова: мелкотоварное производство, городская мелкая буржуазия, мещанство, сословие, мещанский тип личности, мещанская психология, социальная история России

Для цитирования: Мухачёв В. В. Мещанство в истории России до 1917 года // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 1. С. 99–111. DOI [10.19181/nko.2026.32.1.7](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.7). EDN [SVUPOD](https://edn.svupod.ru).

Введение. Настоящая статья продолжает цикл исследований феномена мещанства, начатый в работе «Мещане и мещанство как социальная группа и феномен буржуазной культуры: марксистский подход» [1]. Анализ исторических феноменов социальной структуры общества требует методологической основы, позволяющей рассмотреть их в контексте всемирного исторического процесса. Благодаря учению Маркса, его концепции всемирной истории, труду Г. Моргана «Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации» (Лондон, 1877) и работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Цюрих, 1894) с конца XIX в. наука о жизни людей стал понятен *общий* ход истории человечества.

В заключении своей книги Энгельс привёл суждение Моргана: «С наступлением цивилизации рост богатства стал столь огромным, его формы такими разнообразными, его применение таким обширным, а управление им в интересах собственников таким умелым, что это богатство *сделалось неодолимой силой*, противостоящей народу. *Человеческий ум стоит в замешательстве перед своим собственным творением*. Но всё равно придёт время, когда человеческий разум окрепнет

для господства над богатством. Интересы общества безусловно выше интересов отдельных лиц, и между ними следует создать справедливые и гармонические отношения. Одна лишь погоня за богатством не есть конечное назначение человечества, если только прогресс останется законом для будущего, каким он был для прошлого... Завершение исторического поприща, единственной конечной целью которого является богатство, угрожает нам гибелью общества, ибо такое поприще содержит элементы своего собственного уничтожения» [2, с. 177–178].

Сам Энгельс, давая характеристику цивилизации, писал: «Мы видели, как на сравнительно ранней ступени развития производства рабочая сила человека становится способной давать значительно больше продуктов, чем это необходимо для существования производителя, и что эта ступень развития в основном есть та самая ступень, на которой возникает разделение труда и обмен между отдельными лицами. И немного потребовалась теперь времени, для того, чтобы открыть великую “истину”, что человек также может быть товаром, что силу человека можно обменивать и потреблять, если превратить человека в раба. Едва люди начали менять, как они уже сами стали предметом обмена. Действительный залог превратился в страдательный — хотели того люди или нет. ...произошло первое крупное разделение общества на эксплуатирующий и эксплуатируемый классы. Это разделение продолжало существовать в течение всего периода цивилизации. Рабство — первая форма эксплуатации, присущая античному миру; за ним следуют: крепостничество в средние века, наёмный труд в новое время» [2, с. 175]. Пройдя эпохи рабовладения и феодализма, человечество уже 200 лет живёт в условиях эксплуатации наёмного труда капиталом. За это время оно пережило множество социально-классовых конфликтов и войн, от гражданских до империалистических.

Во всемирной истории отдельные явления жизни людей, будучи «частью» общего хода человечества, имеют *свою* «историю». В частности, это относится к мелкой буржуазии. Было бы неверным думать, что мелкая буржуазия существует только при капитализме. Она встречается на всех этапах классового общества — и при рабовладении, и при феодализме и даже в первобытной общине. Мелкий буржуа — это «мелкий производитель, хозяйничающий при системе товарного хозяйства» (Ленин), а товар как продукт его труда, подлежащий обмену, продаже, встречается на всех этапах человеческой истории. Об этом в 3-м томе «Капитала» сказано так: «Каков бы ни был способ производства, на основе которого производятся продукты, входящие в обращение как товары, — будет ли это первобытнообщинное хозяйство, или производство, основанное на рабском труде, или мелкокрестьянское и мелкобуржуазное, или капиталистическое производство, — это нисколько не изменяет их характера как товаров, и в качестве товаров они одинаково должны пройти процесс обмена и сопровождающие его изменения формы. Крайние члены, между которыми служит посредником купеческий капитал, даны для него, как они даны для денег и для движения денег. Единственно необходимое заключается в том, чтобы эти крайние члены имелись в наличии как товары, — безразлично, является ли производство во всём своём объёме товарным производством или же производители, сами ведущие хозяйство, выносят на рынок только излишек, остающийся за покрытием их непосредственных потребностей, удовлетворяемых их производством» [3, с. 357].

«Крайними членами» процесса обращения товаров являются, с одной стороны, производители товаров, а с другой — их потребители, и здесь не имеет значения, является ли производство товарным «во всём объёме», как при капи-

тализме, где производителями являются капиталисты, использующие наёмный труд, или же оно имеет ограниченный характер и масштаб, когда производители, образующие слой мелкой буржуазии, сами ведут своё хозяйство и выносят на рынок только излишек произведённой ими продукции после удовлетворения собственных непосредственных потребностей.

Такой мелкой буржуазией при всех способах производства были или свободные от крепостного права жители деревень, крестьяне, или занятые ремёслами, промыслами и торговлей горожане. Населяя восстановленные после разрушения их племенами варваров античные и вновь возникавшие средневековые города Европы IX–XII вв., этот социальный слой стал *городской* мелкой буржуазией, которую именовали по месту их жительства «мещанами» (*burger* в Германии, *bourgeois* во Франции, *inhabitant, townsfolk* или *townspeople* в Англии). Русские слова «мещанин», «мещане» или «мещанство» появились в конце XVII в. в виде кальки с польского *mieszkaniec* (люди *miasto*, жители городов). Другой частью мелкой буржуазии с древних времён была *сельская* мелкая буржуазия в лице *свободных* от личной зависимости крестьян. Но именно городская мелкая буржуазия, мещане, оказались авангардом тех собственников капиталов, которым в условиях феодализма предстояло заложить экономический базис собственного существования, совершить буржуазные революции и, сломав феодальную *надстройку*, построить на её месте другие идеологические социально-политические институты (государство, право, культуру и пр.). Бюргерами было создано буржуазное общество, которое, по словам Моргана и в учении Маркса, содержит в себе «элементы своего собственного уничтожения».

В свете изложенного задача настоящей статьи состоит в том, чтобы на материале российской истории проследить, как институциональное оформление мещанства как сословия соотносилось с формированием особого социально-психологического типа личности. Актуальность такого подхода определяется потребностью в более целостном осмыслении роли городских «средних слоёв» в социокультурной динамике дореволюционной России.

Мещане и мещанство в начале истории России. В статье «Мещане и мещанство как социальная группа и феномен буржуазной культуры: марксистский подход» [1] уже обращалось внимание на то, что слово «мещанство» имеет два значения, соответствующие двум, находящимся в причинно-следственной связи, явлениям. Первое — это группа, слой (сословие) *городской* мелкой буржуазии, объединяющая мелких производителей, хозяйничающих при системе товарного производства. Второе — это социально-психологический тип личности, которой присущ гипертрофированный эгоизм мелкого буржуа, ставящего *личное* благополучие и *потребление* продуктов *общественного* труда *выше* интересов коллектива и общества.

Специфика российской истории, в том числе возникновение в ней сословного строя феодального общества, была обусловлена её географией и историческими обстоятельствами.

Во-первых, восточные славяне миновали первую ступень цивилизации (рабовладение) и сразу из варварства шагнули в неизвестный тогда европейцам феодализм, но в отличие от франков и готов им ничего не досталось из наследия материальной культуры античных цивилизаций Греции и Рима. Поэтому *русский* исторический путь не был освещён образцами созданной древними греками и римлянами культуры — тех, которые, говорил Маркс, «всегда будут нашими

учителями». Россияне восполняли этот «пробел» своей истории *по-своему*, пока к власти не пришёл Пётр I, который решил в короткое время придать Российской империи западноевропейский вид.

Во-вторых, существенную роль в специфике исторического пути россиян играло открытое перед ними огромное, другими народами малозаселённое, пространство с наличием широчайших возможностей для развития основы жизни человечества — земледелия. Это определяло устойчивую тенденцию к освоению новых территорий, их колонизации земледельцами, включая беглых крестьян, экстенсивной форме ведения хозяйства как на «старых», так и «новых» землях. Со временем это стало основой консервативных тенденций и традиций в образе жизни россиян и внутренней политики власти.

В-третьих, регулярные вторжения татаро-монгольских племён, накладывавших дань на русские земли, нарушали экономическую жизнь населения удельных княжеств, которая с самого начала была связана с промыслами и торговлей, поскольку, расселившись по Днепру от Чёрного моря на юге до озера Ильмень на севере, восточные славяне сразу оказались внутри торгового движения окружавших их народов и стали его участниками. Вскоре на их землях стали появляться торжища и древнейшие торговые города [4].

Названные обстоятельства не способствовали промышленному развитию капитализма в феодальной России, которое исторически идёт через мелкотоварное производство к мануфактуре, а от неё — к фабрике. И тем не менее уже тогда Россия стояла на общей для большинства европейских народов дороге. Об этом говорит пример Великого Новгорода, где, несмотря на длительное противостояние русских князей татаро-монгольским ханам, ремесленно-торговая жизнь не только не останавливалась, но и продолжалась и вела к социально-экономическому расслоению городского населения. «В составе новгородского общества, — писал В. О. Ключевский, — надо различать классы городские и сельские. Население Новгорода Великого состояло из *бояр, житых людей, купцов и черных людей*. Во главе новгородского общества стояло боярство. ... Не так ясно выступает в новгородских памятниках второй класс *житых* или *житых* людей. Можно заметить, что этот класс стоял ближе к местному боярству, чем к низшим слоям населения. Житые люди были по-видимому капиталисты средней руки, не принадлежавшие к первостепенной правительственной знати. Класс торговцев называли *купцами*. Они уже стояли ближе к городскому простонародью. Они работали с помощью боярских капиталов... *Черные люди* были мелкие ремесленники и рабочие, которые брали работу или деньги для работы у высших классов, бояр и житых людей» [4, с. 80–81]. Таким образом, в составе *городского* «класса» новгородцев Ключевский выделяет четыре слоя людей, три из которых, по сути, олицетворяли собой зарождавшийся капитализм. Два из них могут быть отнесены к *докапиталистической* «буржуазии», внутри которой, наряду с классом «житых» людей, или «капиталистами средней руки», существовал «класс торговцев» (купцов), работавших «с помощью боярских капиталов», а внизу находились «черные люди», городское «простонародье» (мелкие ремесленники и рабочие), которые в отношении первых двух групп играли роль наёмной рабочей силы.

Сословный строй и сословие мещан. Мещане России были признаны отдельным сословием в конце XVIII в., когда сословный строй в стране уже сложился и юридически был оформлен Соборным Уложением 1649 года. Состо-

ящий из основных классов феодального общества этот строй до 1917 г. определял политическую организацию государства. Руководствуясь этим, историк А. Н. Медушевский считает, что центральной проблемой «социологического объяснения складывания русской государственности является механизм функционирования сословного строя, который имел в России большую специфику по сравнению со странами Западной Европы» [5, с. 36]. Принимая эту точку зрения в целом, важно помнить оценку сословного строя, которую давали ему исследователи дореволюционного периода, среди которых был основатель библиотечного дела в России, автор фундаментального исследования «Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы» (1912) Н. А. Рубакин (1862–1946).

Н. Рубакин, которого писатель Л. Разгон заслуженно назвал «последним энциклопедистом», писал: «В России до Петра I сословий в собственном смысле не было, и в языке Московской Руси не найти даже слов для выражения таких понятий, как “сословный строй”, “сословные учреждения”, “сословные предрассудки”. Сословный строй России — создание последних столетий русской истории. Но в то время как в Зап. Европе население уже не делится на обособленные сословия, русское законодательство до сих пор удерживает сословную группировку населения, заимствованную нами с Запада в эпоху слепого подражания всему иностранному» [6, с. 73]. В подтверждение своей позиции Н. Рубакин сослался на крупного российского юриста того времени профессора Н. Коркунова, который считал, что сословный строй в западноевропейском смысле «никогда не мог пустить в наш быт сколько-нибудь глубоких корней, а реформы Александра II лишили его и последней опоры» [6, с. 73]. Давая такую оценку сословного строя в России, Н. Рубакин полагал, что «сословиями на Руси могут быть признаны лишь дворяне, почётные граждане, мещане и крестьяне» [6, с. 74].

Феодальная раздробленность удельных княжеств долго мешала созданию национального рынка и развитию капитализма в масштабах «всея Руси». Ситуация стала меняться после того, как великие *московские* князья в XIV–XVI вв. занялись собиранием земли русской, что привело к появлению великорусского государства в виде Московского царства. Пережив «Смутное время», наступившее после смерти в 1598 г. *последнего* из династии Рюриков царя Федора Ивановича, время борьбы бояр за царский престол и интервенции Польши, Россия с вступлением в 1613 г. на престол *первого* из династии Романовых царя Михаила Фёдоровича начала навёрстывать упущенное в прошлом. После городских восстаний в 1648–1650 гг. в Москве, Козлове, Курске и Устюге Великом [7] центральная власть принялась наводить в стране общий, юридически оформленный, «правопорядок». По решению царя Алексея Михайловича было подготовлено и 29 января 1649 г. в Москве Земским Собором принято Соборное «Уложение», ставшее первым государственным кодексом законов России, сохранявшим своё юридическое значение почти 200 лет. Его 967 статей регламентировали государственное, административное, гражданское и уголовное право.

«Уложение» 1649 года разделило население страны на две большие группы. К первой были отнесены те слои, в которых Государь видел опору своей власти — *духовенство*, вотчинное *боярство*, состоявшее из потомков бывших великих и удельных князей, поместное *дворянство*, которое несло военную службу; *казаки* и другие «ратные люди» (стрельцы, пушкари, казённые мастера и пр.). Различие между ними заключалось в размере жалованных им земель. На вторую

группу населения, к которой были отнесены крестьяне и жители городов («посадские»), возлагались *тяготы по содержанию государства*, они назывались «тягловыми». По отношению к этой группе было введено *крепостное право*: крестьяне были прикреплены к своим владельцам, а посадские люди — к городам. Глава XIX Уложения («О посадских людях») запрещала им переходить в нетягловые состояния, а царский указ 1658 г. за самовольный переход из одного посада в другой грозил смертной казнью [4, с. 125–131].

Несмотря на введённые ограничения на передвижение людей, торгово-ремесленная жизнь россиян в XVII в. всё более развивалась и увеличивала население городов за счёт численного роста имевших своё «дело» торговцев и ремесленников. В это время происходит перерастание ремесла из эпизодического выполнения отдельных заказов для конкретных людей в *мелкотоварное* производство, которое приобрело массовый характер. Складывается специализация ремесленного труда и происходит его разделение между отдельными районами страны, что является условием формирования *общенационального* рынка. Развитие мелкотоварного производства приводит к появлению мануфактур, которых к концу XVII в. в России насчитывалось около 30. К этому времени в стране существовало не менее 300 городов. В самом крупном из них, Москве, проживало не менее 200 тыс. горожан. В Новгороде, Пскове, Ярославле, Костроме, Вологде, Нижнем Новгороде, Казани и др. насчитывалось по несколько десятков тысяч горожан.

XVIII век, «век Просвещения», принёс России «просвещённый» *абсолютизм*, означавший укрепление самодержавной власти монарха, которая заметно усилилась после принятия в 1721 г. царём Петром I титула *императора*. Продиктованные духом времени либеральные реформы династии Романовых от Петра I до Екатерины II (учреждение губерний, Синода, Академии наук, Академии художеств, Московского университета, открытие первого русского театра в Ярославле и др.) сопровождалось усилением консервативной основы самодержавия — крепостного права. Как в отношении крестьян (Указ 1721 г. «О покупке к заводам деревень»), так и рабочих (Указ 1736 г. «О прикреплении рабочих к фабрикам и заводам и о даровании фабрикантам права ссылать рабочих в дальние города и на Камчатку»).

Возраставшие сложности государственного управления жизнью социально и профессионально неоднородного общества требовали неотложной реформы сословного строя России. Этим занялась Екатерина II, которая своими нововведениями *впервые* признала мещанство в виде отдельного, наряду с основными слоями общества самостоятельно существующего, сословия. Императрица предложила в целом *сохранить* сословный строй общества и выделила в нем три основных группы населения — *дворян, земледельцев* (крестьян) и «средний класс» (*мещан*). Для Уложенной комиссии, которой предстояло работать над проектами новых законов, Екатерина II в 1766 г. подготовила «Наказ», в главе XV которого говорилось: «В городах обитают мещане, которые упражняются в ремёслах, в торговле, в художествах и науках» (статья 359). Эта общая характеристика мещан как жителей городов в статьях 376–383 главы XVI «Наказа» получила конкретное наполнение. Так о «среднем классе» людей в них писалось: «К сему роду людей причеть должно всех тех, кои не быв дворянином, ни хлебопашцем, упражняются в художествах, в науках, в мореплавании, в торговле и ремёслах»; «Сверх того, всех тех, кои выходить будут, не быв дворянами, изо всех нами и предками нашими учреждённых училищ и воспита-

тельных домов, какого бы те училища звания не были, духовные или светские» [8, с. 205–207]. В соответствии с указаниями императрицы были подготовлены и 21 апреля 1785 изданы *жалованные* грамоты дворянству и городам — «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» и «Грамота на права и выгоды городам Российской империи»¹.

Жалованная грамота городам разделила их жителей, согласно Ключевскому, «на шесть классов: 1) *настоящие городские обыватели*, лица всякого звания, владевшие какой-либо недвижимостью в городе, 2) *купцы* трёх гильдий (первой с объявленным капиталом не менее 10 тыс., второй — не менее 5 тыс., третьей — не менее 1000), 3) ремесленники, вписавшиеся в *цехи*, 4) *иногородние и иностранные гости*, приписавшиеся к городу для промышленных занятий, 5) *именитые граждане*, лица занимавшие должности по городским выборам, учёные с академическими или университетскими аттестатами, художники, артисты, капиталисты с объявленным капиталом не менее 50 тыс. руб. и т.п. и 6) *посадские*, живущие каким-либо промыслом или работою в городе и не вошедшие в состав никакой другой группы городских обывателей [4, с. 160]. Характеризуя деятельность городских классов, Екатерина II особое значение придавала торговле и ремёслам. В введении к Грамоте городам она писала: «Всероссийские самодержцы от самых древних лет с расширением пределов владычества их и с умножением народным умножали и число городов, дая в них безопасное место торгу и рукоделиям. Обширность государства, обилие произрастений не токмо на поверхностях земли, но и в недрах ея сокровенных, удобства сообщение сухопутного или водоходного, рачения и предприимчивость российского народа не могли не иметь добрых успехов» [9, с. 113–114].

Из шести групп мещан особый интерес своим имущественным и профессиональным составом представляет группа «именитых граждан», в которую, наряду со *служащими* «совестного суда или губернского магистрата, или бургомистра, или городского главы», *капиталистами*, имеющими капитал от 50 тыс. рублей и более, *банкирами*, *оптовыми* торговцами и «кораблехозяевами, кои собственные корабли за море отправляют», были включены *учёные*, имеющие академические или университетские аттестаты и *художники* «трёх художеств, а именно: архитекторы, живописцы, скульпторы и музыкосочинители» [9, с. 171–172]. Этим, далёкие от составляющего общественное богатство производства материальных благ, учёные, художники и близкие им учителя, врачи, актёры, ставшие той социальной группой, которую в середине XIX в. нарекут «лицами свободных профессий», «интеллигенцией», были поставлены в один ряд с городскими и губернскими чиновниками и «капитанами» российского бизнеса.

Трудно сказать сколь многочисленным было сословие мещан в годы екатерининских реформ и как оно росло в последующем, поскольку *первая* всеобщая перепись населения России состоялась только в 1897 году. Согласно полученным данным, в стране тогда насчитывалось 125 640 021 жителей, а сословное распределение этого населения империи выглядело следующим образом: дворян было 1,5%, духовенства — 0,5%, почётные граждане — 0,3%, купцы — 0,2%, мещане — 10,6%, крестьяне — 77,1%, войсковые казаки — 2,3%, инородцы — 6,6% и т.д. [10, с. 63]. В сравнении со временем СССР и постсоветской России

¹ По указанию Екатерины II был также подготовлен проект жалованной грамоты государственным (казённым) крестьянам, но из-за опасений дворянского недовольства он не был опубликован.

группа «лиц свободных профессий» была немногочисленна. Среди них, писал Н. Рубакин, «служителей изящных искусств всех типов (художников, музыкантов, актёров) было насчитано в 1897 г. 15 237, а врачей без военных докторов 16 742» [6, с. 119].

Мещанский тип личности и отношение к нему противников самодержавия.

В первые десятилетия после выделения мещан в «среднее» сословие российского общества, слово «мещанин» означало социальную группу горожан, описанную в *жалованной* Екатериной II Грамоте «на права и выгоды городам Российской империи» и не имело того негативного смысла, который оно со временем приобретало в Европе, а затем в России для обозначения мещанского, безразличного к делам общества, отношения к жизни. И, видимо, в этом кроется «загадка» стихотворения А. С. Пушкина «Моя родословная» (1830), где в заочной полемике с недоброжелателями поэт, имевший дворянское происхождение, писал: «Меня зовут аристократом. Смотри, пожалуй, вздор какой! Не офицер я, не асессор, Я по кресту не дворянин, не академик, не профессор; Я просто русский мещанин». И далее: «Я грамотей и стихотворец, Я Пушкин просто, не Мусин, Я не богач, не царедворец, Я сам большой: я мещанин».

Но шло время, и в условиях обострения классовых борьбы между защитниками и противниками существующих порядков в самодержавной России и необходимости каждого самоопределиваться в отношении этого явления российское мещанство к середине XIX в. всё чаще проявляло свою мелкобуржуазную суть (эгоизм и стремление во всём видеть личную выгоду), что вызывало в обществе отторжение как со стороны консервативного дворянства, так и революционно-демократических критиков самодержавия. С обличением мещанства и его идеологии со статьёй «Стоячая вода» выступил революционный демократ Д. И. Писарев, который в шестидесятые годы XIX в., когда «мещанство складывалось как внесословное явление, связанное с мелкобуржуазностью, сумел разглядеть и выявить его характерные черты» [11, с. 21]. Позднее А. Ф. Писемский опубликовал роман «Мещане» (1877), где «с большой силой выразил мироощущение дворянской интеллигенции, столкнувшейся с бурным натиском российской буржуазии, которая в пореформенных условиях, рекрутируясь из купцов, кулачества, разбогатевших ремесленников, начала играть всё более заметную роль в общественной жизни» [11, с. 27].

Среди непримиримых критиков мещанства был революционер-народник П. Н. Ткачёв (1844–1886) — блестящий публицист и критик современной ему литературы, оставивший огромное литературно-критическое наследие. Среди прочего в нём есть статья «Люди будущего и герои мещанства», где на примере четырёх романов известных европейских писателей («Один в поле — не воин» Ф. Шпильгагена, «Феликс Холт, радикал» Дж. Элиот, «Мадемуазель Маркем» Ж. Санд и «Возмутительный брак» Андре Лео) Ткачёв противопоставляет друг другу эти два типа людей. «Отличительный признак людей будущего, — писал он, — состоит в том, что вся их деятельность, даже весь образ их жизни определяется одним желанием, одною страстною идеею — сделать счастливым большинство людей, призвать на пир жизни как можно больше участников. Осуществление этой идеи становится единственною задачею их деятельности, потому что эта идея сливается с понятием о их личном счастье» [12, с. 115]. Но для «героев мещанства», филистеров, в отличие от «людей будущего», до-

бавляет Ткачёв, осуществление их идей «не есть цель жизни, а только одно из *средств* наслаждаться ею...» [12, с. 118].

Анализируя мировоззренческую основу мещанского отношения людей к жизни, Ткачёв соотносит две противоположные доктрины. Одна из них, о «шеренговой дисциплине и солдатском служении», обрекает людей «на пассивное бездействие, на самоотречение от своего я во имя требований дисциплины»; другая, о «самопомощи», убеждает людей ни на кого не надеяться, во всём полагаться на свои собственные силы. «Однако, — пишет автор статьи, — несмотря на эту несомненную противоположность обеих доктрин, филистеры ухитрились извлечь из той и из другой весьма утешительные и полезные для себя выводы. Из первой доктрины они вывели то заключение, что так как они только простые, рядовые солдаты, то самое лучшее, что они могут сделать для общественного дела, — это ничего не делать. Из второй доктрины они вывели правило не менее благоразумное: всякий должен думать только о себе, потому нам нечего думать о других, всякий должен трудиться только сам за себя и сам для себя, так как, трудясь для себя, он в то же время трудится и для других, а потому незачем мешаться в чужие дела, а лучше позаботиться о своих собственных. Таким образом, и та, и другая доктрина приводят филистеров к полнейшему квиетизму и служат весьма благовидным оправданием их бесстрастного равнодушия к общественному делу» [12, с. 143–144]. В дореволюционной России мещанский тип личности получил широкое распространение среди различных профессиональных групп городского населения.

Ярким представителем революционной критики российского мещанства был «буревестник революции» М. Горький. Будучи сам мещанином по происхождению, писатель в статьях 1895–1913 гг. («Пол Верлен и декаденты», «Заметки о мещанстве», «О «карамазовщине», «Ещё о «карамазовщине») оставил точный социально-психологический портрет *мещанского* типа личности, его отношения к существующей действительности. Интересен самоанализ Горьким того, *как и почему* он стал *таким*, а не другим, писателем. В статье «О том, как я учился писать» (1928) он говорит:

«Молодёжь ставит мне вопрос: почему я писал о «боссяках»?

Потому что, в среде мелкого мещанства, видя пред собой людей, единственным стремлением которых было стремление жульнически высасывать кровь человека, сгущать её в копейки, а из копеек лепить рубли, я тоже, как девятнадцатилетний корреспондент мой “всем своим трепетом” возненавидел эту комариную жизнь обыкновенных людей, похожих друг на друга, как медные пятаки чекана одного года.

Боссяки явились для меня “необыкновенными людьми”. Необыкновенно в них было то, что они, люди “деклассированные”, — оторвавшиеся от своего класса, отвергнутые им, — утратили наиболее характерные черты своего классового облика.

...В большинстве своём люди эти были нездоровы, алкоголики, жили они не без драк между собою, но у них хорошо было развито чувство товарищеской взаимопомощи, всё, что им удавалось заработать или украсть, — пропивалось и проедалось вместе. Я видел, что хотя они живут хуже “обыкновенных людей”, но чувствуют и осознают себя лучше их, и это потому, что они не жадны, не душат друг друга, не копят денег» [13, с. 310–311].

После пьесы «Мещане» (1901), за которую он получил премию имени Грибоедова, Горький в 1905 г. публикует очерк «Заметки о мещанстве», где рас-

смачивает мещанство в условиях классовой борьбы и революции на примерах из русской литературы. Он пишет: «Мещанство — это строй души современного представителя командующих классов. Основные ноты мещанства — уродливо развитое чувство собственности, всегда напряженное желание покоя внутри и вне себя, тёмный страх пред всем, что так или иначе может вспугнуть этот покой, и настойчивое стремление скорее объяснить себе всё, что колеблет установившееся равновесие души, что нарушает привычные взгляды на жизнь и на людей.

...Отвратительное развитие чувства собственности в обществе, построенном на порабощении человека, может быть, объясняется тем, что только деньги как будто дают личности некоторую возможность чувствовать себя свободной и сильной, только деньги могут иногда охранить личность от произвола всемогущего чудовища — государства» [13, с. 194].

Описывая «строй души» мещанина, Горький обращает внимание на её слабости и противоречивость жизненной позиции: «Мещанство хотело бы жить спокойно и красиво, не принимая активного участия в этой борьбе, его любимая позиция — мирная жизнь в тылу наиболее сильной армии. Всегда внутренне бессильное, мещанство преклоняется пред грубой внешней силой своего правительства, но если — как мы это видели и видим — правительство дряхлеет, мещанство способно выпросить и даже вырвать у него долю власти над страной, причём оно делает это, опираясь на силу народа и его же рукой» [13, с. 195].

Столь же точно Горький раскрывает отношение мещанства к народу, за счёт которого оно не только живёт, но хочет жить «красиво и спокойно», испытывая страх перед будущим и делая попытки самооправдания за настоящее: «Оно густо облепило народ своим серым, клейким слоем, но не может не чувствовать, как тонок этот холодный слой, как кипят под ним враждебные ему инстинкты, как ярко разгорается непримиримая, смелая мысль и плавит, сжигает вековую ложь...

Этот натиск энергии снизу вверх возбуждает в мещанстве жуткий страх пред жизнью, — в корне своём это страх пред народом, слепой силой которого мещанство выстроило громоздкое, тесное и скучное здание своею благополучия. На тревожной почве этого страха, на предчувствии отмщения у мещан вспыхивают торопливые и грубые попытки оправдать свою роль паразитов на теле народа — тогда мещане становятся Мальтусами, Спенсерами, Ле-Бонами, Ломброзо — имя им легион...

В будущем, вероятно, кто-то напишет “Историю социальной лжи” — много томную книгу, где все эти трусливые попытки самооправдания, собранные воедино, представят собой целый Арарат бесстыдных усилий подавить очевидную, реальную истину горами липкой, хитрой лжи.

Мещане всегда соблазняются призрачной возможностью доказать самим себе и всему миру, что они ни в чем не виноваты.

И доказывают более или менее многословно и скучно, что в жизни существуют необоримые, роковые законы, созданные богом, или природой, или самими людьми, что по силе этих законов человек может удобно устроиться только на шее ближнего своего и что, если все рабочие захотят есть котлеты, — на земле не хватит быков...» [13, с. 195–196].

До революции 1917 г. мещанская психология проникла во все слои общества, затронув значительную часть лиц «свободных профессий», в том числе писателей. И Горький говорит о влиянии мещанства на русскую литературу. Он пишет: «Каждый, разумеется, видит всё в жизни так, как он хочет видеть, а кто ничего не хочет, видит только себя...

Вероятно, на земле нет другой страны, где бы командующие классы говорили и писали о народе так усердно и много, как у нас, и уж, наверное, ни одна литература в мире, кроме русской, не изображала свой народ так приторно-слащаво...

Наша литература — сплошной гимн терпению русского человека, она вся пропитана тихим восторгом пред страдальцем-мужичком и удивлением пред его нечеловеческой выносливостью.

...И всегда в отношениях русского писателя к своим героям-мужикам чувствуется нечто вроде удовольствия видеть их ничтожными, мягкими, добрыми и терпеливыми...» [13, с. 199–201].

Не прошло мимо внимания Горького и обмещанивание пера журналистов. Об этом говорит его статья «На арене борьбы за правду и добро», где он писал: «В недалёком прошлом так называлась пресса.

Борьба за правду и добро считалась её назначением, она высоко держала знамя с благородным девизом, начертанным на нём, и если порой впадала иногда в ошибки, то они не ставились публикой в фальшь ей, прессе, группе людей, расходовавших для общества действительно горячую кровь сердца и неподдельный сок нервов.

К её голосу прислушивались внимательно и серьёзно, а не скептически улыбаясь, как прислушиваются теперь.

Теперь слушают искусственно подогретое слово обличения и думают про себя: “Ладно! Распинайся. Вижу я, что и ты тоже прежде всего — есть хочешь!..”

И правы те, кто так думает, ибо, к сожалению, нынешний газетчик, за редкими исключениями, вполне достоин нынешнего читателя.

Он так же жаден, туподушен и бессовестно откровенен в своих поползновениях за «куском», как и его читатель.

Грустно отмечать факты, подтверждающие столь мрачный взгляд на дело, но это наша обязанность.

Минул век богатырей,
И смешались шашки;
И полезли из щелей
Мошки да букашки...²

Они полезли — и вот ныне откровенно действуют в прессе.

Без веры во что-либо, без бога и совести, без определённого взгляда на дело жизни, — им всё равно, о чём ни писать, лишь бы выходило хлёстко, лишь бы понравиться улице и, поставив её симпатии на вид своего хозяина-издателя, получить с него побольше гонорара...

Полные всякого злопыхательства и отчасти не умея излить его на явления жизни, действительно заслуживающие осуждения, отчасти из трусости не делая этого, — они или пробавляются по мелочам, или «подсидывают» своего брата-газетчика.

Зачем это нужно?

Должно быть, всё для того же, чтоб понравиться хозяину, или для того, чтоб по поручению хозяина подмарать репутацию другой газеты в надежде, что этим поднимется реноме своей и увеличится подписка на неё [14, с. 5–7].

² Давыдов Д. В. Современная песня (1836).

Заключение. Проведённый анализ подтвердил двойственную природу мещанства как юридически оформленного сословия и специфического социально-психологического типа личности, обусловленного мелкотоварным укладом жизнедеятельности. Институциональное закрепление статуса в XVIII веке способствовало консолидации городских слоёв, однако консервативная сущность мещанской морали вступила в непримиримое противоречие с революционными задачами эпохи. Поход М. Горького против мещанства пришёлся на годы обострения классовой борьбы против самодержавия и первой русской революции. После этого мещанскому сословию дореволюционной России оставалось существовать недолго. До Октября 1917 года.

(Финальная статья цикла, раскрывающая тему мещанства в контексте истории советского периода, будет опубликована в № 4 за 2026 г.).

Библиографический список

1. Мухачёв В. В. Мещане и мещанство как социальная группа и феномен буржуазной культуры: марксистский подход // Наука. Культура. Общество. 2025. Т. 31, № 2. С. 62–74. DOI [10.19181/nko.2025.31.2.5](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.5). EDN [NTIEVD](https://www.edn.ru/NTIEVD).
2. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. М.: Политиздат, 1961. 745 с.
3. Маркс К. Критика политической экономии. Т. 3, ч. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 25, ч. 1. М.: Политиздат, 1961. 554 с.
4. Ключевский В. О. Краткое пособие по русской истории. М.: Прогресс-Пангея, 1992. 208 с.
5. Медушевский А. Н. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. М.: Текст, 1994. 319 с. EDN [QATCIE](https://www.edn.ru/QATCIE).
6. Рубакин Н. А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы: опыт статистической характеристики сословно-классового состава населения русского государства. М.: РАГС, 2009. 310 с. EDN [QGTQYN](https://www.edn.ru/QGTQYN).
7. Городские восстания в Московском государстве XVII в.: сборник документов / Сост. К. В. Базилевич. М.: ГПИБ, 2003. 203 с.
8. Наказ Екатерины II комиссии по составлению проекта нового уложения // Хрестоматия по истории России / А. С. Орлов, В. А. Георгиев, Н. Г. Георгиева [и др.]. М.: Проспект, 2009. С. 203–208.
9. Грамота на права и выгоды городам Российской империи // Политическая история России: хрестоматия / Сост. В. И. Коваленко [и др.]. М.: МНЭПУ, 1993. 324 с.
10. Российская империя: словарь-справочник. По Словарю Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона / Сост. В. П. Пархоменко. СПб.: Изд-во им. А. С. Суворина, 1992. 94 с.
11. Новиков А. И. Мещанство и мещане: против мелкобуржуазной философии жизни. Л.: Лениздат, 1983. 152 с.
12. Ткачёв П. Н. Люди будущего и герои мещанства. М.: Современник, 1986. 351 с.
13. Горький М. Собрание сочинений в 16 томах. Т. 16: Очерки. Литературные портреты. Статьи. М.: Правда, 1979. 367 с.
14. Горький М. Собрание сочинений в 30 томах. Т. 23: Статьи 1895–1906. М.: ГИХЛ, 1953. 464 с.

Поступила: 12.07.2025. Принята: 01.10.2025.

Сведения об авторе:

Мухачёв Вадим Владимирович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН. Москва, Россия. vadism@rambler.ru
Author ID РИНЦ: [809770](https://www.rincc.ru/author/809770)

V. V. Mukhachev¹¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia

PHILISTINISM IN THE HISTORY OF RUSSIA BEFORE 1917

Abstract. The article is devoted to the study of the evolution of the philistinism estate in Russia of the 18th — early 20th centuries as a key element of the urban petty bourgeoisie. Within the framework of an interdisciplinary historical-sociological and socio-psychological approach, the author analyzes the dual nature of the socio-political phenomenon “philistinism”: as a legally formalized estate (according to the Charter of 1785) and as a specific socio-psychological type of personality. The relationship between the legal status of the “middle class” of the Russian Empire and the formation of worldview attitudes characteristic of a small-commodity producer is revealed. Based on publicism and fiction (P. N. Tkachev, M. Gorky), the critical reflection of the contemporary intelligentsia on philistine morality is reconstructed. It is substantiated that the rejection of the philistine type of personality by the advanced part of Russian society was due to the conflict between the private property interests of the estate and the needs of public development during the crisis of autocracy.

Keywords: small-commodity production, urban petty bourgeoisie, philistinism, estate, philistine personality type, philistine psychology, social history of Russia

For citation: Mukhachev V. V. Philistinism in the history of Russia before 1917. *Science. Culture. Society.* 2026;32(1):99–111. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.7>

References

1. Mukhachev V. V. Tradesmen and philistinism as a social group and a phenomenon of bourgeois culture: a Marxist approach. *Science. Culture. Society.* 2025;31(2):62–74. (In Russ.). DOI [10.19181/nko.2025.31.2.5](https://doi.org/10.19181/nko.2025.31.2.5).
2. Engels F. The origin of the family, private property and the state. In: Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 21. Moscow: Politizdat; 1961. (In Russ.).
3. Marx K. Critique of political economy. Vol. 3, part 1. In: Marx K., Engels F. Works. Vol. 25, part 1. Moscow: Politizdat; 1961. (In Russ.).
4. Klyuchevsky V. O. A brief guide to Russian history. Moscow: Progress-Pangeya; 1992. (In Russ.).
5. Medushevsky A. N. The establishment of absolutism in Russia: a comparative historical study. Moscow: Text; 1994. (In Russ.).
6. Rubakin N. A. Russia in figures: country, people, estates, classes. An experience of statistical characterization of the estate-class composition of the population of the Russian state. Moscow: RAGS; 2009. (In Russ.).
7. Bazilevich K. V. (comp.) Urban uprisings in the Muscovite state of the 17th century: A collection of documents. Moscow: GPIB; 2003. (In Russ.).
8. Catherine II's instruction to the commission for drafting a new code of laws. In: Orlov A. S., Georgiev V. A., Georgieva N. G. [et al.]. Reader on Russian history. Moscow: Prospekt; 2009. P. 203–208. (In Russ.).
9. Charter on the rights and benefits to the cities of the Russian Empire. In: Kovalenko V. I. [et al.] (comp.). Political history of Russia: a reader. Moscow: MNEPU; 1993. (In Russ.).
10. Parkhomenko V. P. (comp.) Russian Empire: dictionary-reference book. Based on the Dictionary of F. A. Brockhaus and I. A. Efron. St. Petersburg: A. S. Suvorin Publ.; 1992. (In Russ.).
11. Novikov A. I. Meshchanstvo and Meshchane: Against the petty-bourgeois philosophy of life. Leningrad: Lenizdat; 1983. (In Russ.).
12. Tkachev P. N. People of the future and heroes of meshchanstvo. Moscow: Sovremennik; 1986. (In Russ.).
13. Gorky M. Collected Works in 16 Vols. Vol. 16: Essays. Literary Portraits. Articles. Moscow: Pravda; 1979. (In Russ.).
14. Gorky M. Collected Works in 30 Vols. Vol. 23: Articles 1985–1906. Moscow: GIKhL, 1953. (In Russ.).

Received: 12.07.2025. Accepted: 01.10.2025.

Author information:

Vadim V. Mukhachev Doctor of Philosophy, Professor, Main researcher,
Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS. Moscow, Russia. vadism@rambler.ru

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.1.8](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.8)
EDN QAASOQ
УДК 32.019.5:316.75

А. А. Атаманенко^{1,2}

¹ РАНХиГС. Москва, Россия

² Владивостокский государственный университет. Владивосток, Россия

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА ЗАЩИТНИКА ОТЕЧЕСТВА В РОССИЙСКОМ СУПЕРГЕРОЙСКОМ КОМИКСЕ: ПОЛИТИКО-ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Аннотация. В статье исследуется репрезентация образа защитника Отечества в современной российской супергеройской комикс-культуре с применением метода интенционального анализа. Рассматриваются особенности функционирования этого образа в контексте визуальных и нарративных структур комиксов, включая серии «МИР», «Майор Гром», «Невский» и «Русы против ящеров». Цель исследования — определить, каким образом в российском супергеройском комиксе формируется и транслируется образ защитника Отечества, а также какие политико-эмоциональные смыслы закладываются авторами в соответствующие повествовательные конструкции. Исследование основано на методологии интенционального анализа и мультимодального подхода к визуальному тексту, включающем интерпретацию авторского намерения и политических эмотивов, выраженных через нарратив и визуальные элементы. Выявлено, что в российском супергеройском комиксе образ защитника Отечества репрезентируется как положительный, опирающийся на отечественные историко-культурные и ценностные идеологические концепты. Основными интенциональными эмотивами становятся гордость, воодушевление и сопричастность. Авторы комиксов используют метафорические и провокационные формы осмысления исторических и современных сюжетов, что способствует формированию эмоционально привлекательного и патриотически окрашенного нарратива. Определено, что российская супергеройская комикс-культура формирует собственный политико-визуальный язык, позволяющий переосмыслить образ защитника Отечества в современных категориях, не утрачивая традиционного ценностного содержания. Результаты анализа показывают, что подобные произведения могут служить инструментом культурной рефлексии и укрепления символического единства общества.

Ключевые слова: комикс-культура, комиксное мышление, визуальная культура, образ защитника Отечества, политические эмотивы, интенциональный анализ, массовая культура, визуальная репрезентация, российский супергеройский комикс

Для цитирования: Атаманенко А. А. Репрезентация образа защитника Отечества в российском супергеройском комиксе: политико-интенциональный анализ // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 1. С. 112–126. DOI [10.19181/nko.2026.32.1.8](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.8). EDN QAASOQ.

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Минобрнауки РФ и ЭИСИ № FZUG-2025-0004.

Введение. 2025 год указом Президента Российской Федерации объявлен Годом защитника Отечества¹. В этой связи актуализируется обращение к образу защитника Отечества как в связи с историко-мемориальными событиями (80-летие Победы в Великой Отечественной войне), так и в контексте актуаль-

¹ Путин объявил 2025 год Годом защитника Отечества // ТАСС. 20.12.2024. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22733621> (дата обращения: 6.10.2025).

© Атаманенко А. А., 2026

ных векторов ценностной политики российского государства. Указ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», положения которого объявляются цивилизационной основой России, в числе прочего содержит концепты, которые традиционно ассоциируются с защитой страны от внешних и внутренних угроз: служение Отечеству и ответственность за его судьбу². Общий контекст реализации данной политики вызывает интерес относительно репрезентации соответствующих образов, в том числе в неполитических по своей природе сферах жизни общества.

Немалую роль в функционировании образов играют визуальные репрезентации. Речь идёт о разнообразных форматах и способах создания и распространения изображений. К визуальным репрезентациям относятся живопись, плакатное искусство, архитектура, кинематограф (как форма динамического изображения) [1], выставки (как мультимодальная среда восприятия) [2]. Эти направления довольно подробно исследуются и в последние годы получают дополнительное методологическое подкрепление. В центре внимания данного исследования находится пласт комикс-культуры, включающий как непосредственно рисованные истории, так и иные художественные произведения, основанные на них или связанные с ними авторской задумкой.

Основной исследовательский вопрос заключается в том, как в современной российской комикс-культуре функционирует образ защитника Отечества и какие особенности его репрезентации можно выделить. Под современностью мы понимаем этап государственного развития после 1991 года, связанный с возникновением Российской Федерации как суверенного государства. Именно в этих темпоральных рамках рассматриваются артефакты комикс-культуры и их содержание. Целью исследования является выявление содержательных особенностей передачи образа защитника Отечества в рамках современного российского супергеройского комикса. Для достижения цели необходимо, во-первых, определить методологические рамки рассмотрения современной российской комикс-культуры, во-вторых, уточнить концептуальное понимание образа защитника Отечества и, в-третьих, выявить особенности его репрезентации, присущие современной российской комикс-культуре. Реализация данных задач позволит определить наличие предполагаемых особенностей и их содержательные характеристики.

Методология и методы: супергеройский комикс как мультимодальный визуальный текст. Супергероика на протяжении своего уже почти столетнего существования как жанра художественных произведений давно вышла за пределы только рисованной истории, обретя черты современной социальной, политической и культурной мифологии. Более того, феномен супергероя, зародившись в американской культурной среде времён Великой депрессии, оказался также кооптирован и иными культурными традициями. Различные формы интеграции и переосмысления феномена супергероя в национальных культурных нарративах становятся предметом активных исследований в рамках комиксоведения. Россия в этом смысле не является исключением. Чтобы выстроить мето-

² Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. 9.11.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 6.10.2025).

дику прочтения и анализа российской супергероики, требуется сначала обозначить общетеоретические подходы к рисованным историям и окружающим их медиумам.

Исследования комиксов на сегодняшний день являются вполне самостоятельным исследовательским полем, внутри которого присутствует даже некоторая конкуренция между школами и подходами. Комикс чаще всего понимается как «последовательное искусство» в терминологии У. Айснера [3] или же «последовательность изображений и текста, рассказывающих историю и рассчитанных на эмоциональный и/или эстетический отклик» в определении С. Макклауда [4]. Рисованные истории в разных форматах могут быть обнаружены ещё в Средние века, а наиболее известная сегодня форма «книг с картинками» восходит к культуре карикатур, плакатов и печатных альбомов (см.: [5]). Так или иначе, мы можем говорить об общей укорененности визуального повествования в человеческой культуре и отсутствии «монополии» на такого рода повествование у тех или иных сообществ. Однако популяризацию комикса и комикс-культуры мы действительно связываем в первую очередь с её американским сегментом. Этому способствовало изобретение концепции супергероя как архетипа для рисованных историй. Д. Дмитриева фиксирует «век супергероев» в своей одноименной работе, начиная с 1938 года и появления первых комиксов о Супермене [6].

С этого момента супергерой становится мифологической фигурой, через которую происходит переосмысление и рефлексия как отдельных элементов, событий и процессов в рамках социально-политической реальности, так и глобальной ценностной картины. М. Ди Паоло считает, что супергерои становятся персонализацией определённых общественно-политических групп и своим поведением внутри истории продвигают определённые идеологические установки [7, р. 25–43]. Взаимодействия персонажей внутри супергеройского повествования являются синекдохой взаимодействия репрезентируемых ими социальных групп. Это представление логично дополняется принципом усиления через упрощение, которое выводит в своих работах Т. Вандтке. Супергеройский комикс использует яркие и эмоциональные образы, жертвуя правдоподобностью и иногда даже логичностью повествования [8]. Это позволяет ему создавать акцентированное авторское сообщение, с большой вероятностью считываемое аудиторией. Системно к этому вопросу можно подойти через выделение полноценного комиксного мышления, концепция которого разработана Н. Цыркун. Комиксным мышлением является ряд принципов, используемых как при создании, так и при восприятии комиксного нарратива. К ним относятся саморефлективность (комиксное повествование конструируется как изначально условное), амбивалентность (комиксное повествование, воспринимаемое аффективно, интерпретируется персонализировано), гибридность форм и смешение жанров [9, с. 192–205]. Идеи комиксного мышления, в большей степени применимые к супергеройским комиксам и основанным на них иным художественным произведениям, позволяют нам выделить основные элементы структуры комикса как нарративного явления.

Используя идеологическое понимание комиксного мышления, нам важно обратиться к содержательному наполнению понятия идеология. В данном случае мы будем опираться на модель, предложенную М. Фриденем. Эта морфологическая модель предполагает, что в основе воззрений каждой социальной группы лежат некоторые теоретические концепты, признаваемые значимыми

этой группой. Эти теоретические концепты становятся основанием для выбора стратегий политического поведения [10]. Возвращаясь к предложенному выше построению М. Ди Паоло, можем сказать, что в контексте комиксного мышления супергерой превращается в персонализацию той самой ценности, которая лежит в основании репрезентируемой им идеологической конструкции.

Осознание особенностей комиксного мышления потребует от нас такого аналитического алгоритма, который позволит раскрыть эти особенности на примере конкретных произведений. Представляется, что наиболее важным для нас аспектом станет определение авторского намерения, связанного с тем, какой конкретно по своему содержанию отклик планирует автор от аудитории. С этим вопросом наиболее пристально работает методология, чаще всего относимая к Кембриджской школе изучения политических языков. Важнейшим элементом реконструкции авторской интенции становится определение контекста: что могло повлиять на выбор тем и интонаций, а также выбор значения конкретных используемых слов [11]. Переноса такой интенциональный анализ на комикс-культуру, мы должны принять ряд допущений. Во-первых, в таком измерении мы рассматриваем комикс как особый мультимодальный текст, в первую очередь визуальный. Во-вторых, политический язык комикса также опирается на изображение, а потому формирует пространство аффективного политического восприятия. В этой связи можно говорить о том, что визуальные политические образы вызывают в первую очередь политические эмоции, которые и являются ключевым результатом реализации авторского намерения. М. Шеер для концептуализации социальной и политической роли эмоций прибегает к идее «эмотива» как зафиксированной в некотором высказывании репрезентации эмоционального отношения к ситуации [12]. В данном случае мы говорим о визуальных высказываниях в комиксе, воспроизводящих идеологические концепты при помощи эмоциональной репрезентации.

Предложенное методологическое решение позволяет нам идентифицировать как целый комикс, так и отдельные его аспекты через авторское идеологическое намерение и его реализацию. Комикс в такой конфигурации рассматривается как комбинированная форма текста, вызывающего в первую очередь аффективные визуальные впечатления [13]. Определение этих запланированных впечатлений через контекст, окружающий произведение, и станет нашей основной аналитической операцией.

Нарисованные защитники и настоящие эмоции. Сформулировав методологическую схему, можно обратиться к работе непосредственно с эмпирическим материалом. Важно определить, какие политические эмотивы, связанные с репрезентацией образа защитника Отечества, мы можем выявить в супергеройских комиксах в современной России.

Современные отечественные работы, посвящённые анализу патриотических нарративов, обращаются и к образу защитника Отечества в артефактах культуры. Эта фигура возникает, например, в анализе образов героя в российском массовом сознании. Представления о защитниках Отечества могут основываться на образах из литературы, кинематографа или видеоигр. При этом далеко не всегда защита Отечества в таких конструкциях будет связана с военной службой [14; 15]. Присутствуют и работы, обращающиеся к репрезентации военно-героических сюжетов как особой формы фиксации представлений о герое [16]. Образ героя вообще и защитника Отечества в частности возникает и в исследованиях,

апеллирующих к образу будущего. Герой-защитник Отечества становится одной из моделей, которые выступают референтными для формирования образов человека будущего и общества, создаваемого им. Общей чертой таких работ становится рассмотрение персонализированных образов как проекций представлений респондентов о достойном общественном устройстве [17; 18; 19]. Даже относительно общее рассмотрение этого тематического кластера работ позволяет сказать, что обращение к образу героя и формам его репрезентации становится одной из важных и актуальных тем современных российских социальных исследований. Мы же своей работой продолжаем развитие этой проблематики, обращаясь не столько к восприятию образа, сколько к интенциональным моделям, замышляемым создателями этих образов при помощи артефактов массовой культуры.

К таким произведениям, в которых происходит формулирование и пересборка образа защитника Отечества при помощи языка супергеройского повествования, мы можем отнести следующие серии или единичные произведения: «Мир», «Майор Гром» (издательство Bubble), «Невский» (издательство «Три Девять»), «Русы против ящеров» (Издательство «Альпака»). Выбор этих произведений обусловлен соединением необходимых нам структурных и содержательных элементов: во-первых, эти произведения можно отнести к супергеройскому жанру; во-вторых, ключевые персонажи этих сюжетов внутри нарратива мотивируют свои действия необходимостью защиты России и/или её жителей от внешних и внутренних угроз. Эти произведения являются единственными современными российскими супергеройскими комиксами, где напрямую сочетаются два необходимых нам фактора, а потому использование именно их в качестве объектов анализа представляется естественным выбором с учётом обозначенной исследовательской стратегии.

Чтобы выделить интенциональные политические эмотивы, с каждым из отобранных произведений мы последовательно проведём следующую операцию:

Во-первых, определим выраженные в визуальных и мультимодальных образах идеологические концепты, соотносящиеся с образом защитника Отечества и репрезентирующие его в пространстве сюжета комикса. К ним относятся символы, визуальное отображение действий персонажей, сопровождающий их текст.

Во-вторых, сформулируем предполагаемую интенцию авторов относительно того, какие политические эмотивы они формулируют при помощи этих образов. Для этого сопоставим выделенные образы с их контекстным окружением в сюжете комикса.

В-третьих, для проверки предположения сопоставим сформулированную гипотезу с дополнительными источниками, раскрывающими авторские интенции (интервью, комментарии и иные указания авторов на внутреннее содержание творческого процесса).

Эти шаги позволят нам как рассмотреть внешний уровень предполагаемой интенции, так и обратиться к глубинному контексту, раскрывающему видение авторами роли и эффекта предлагаемых ими художественных образов. Предложенные три элемента анализа позволяют сфокусироваться на внутреннем политико-эмотивном содержании произведения, не отвлекаясь на сугубо эстетические или морфологические особенности рассматриваемых комиксов.

• *Серия комиксов «МИР».* Серия рассказывает о жизни «воскрешённого» в современной России советского сверхчеловека по имени Мир. Персонаж, будучи продуктом изначально государственной программы, становится идеальным воплощением идеи защитника Отечества, в некотором смысле сверхзащит-

ником Отечества³. Однако содержательно он оказывается изначально неподготовленным к жизни в современном обществе. Мир становится тем персонажем, которому объясняют, иногда в снисходительном тоне, каким образом устроена актуальная реальность. В этом смысле сверхсилы героя, полезные при выполнении конкретных задач, не исключают его первичной социальной неловкости. Авторы ожидают, что отношение аудитории к герою балансирует между восхищением и сожалением, ощущением неловкости. Однако этот эмоциональный фон можно перевернуть: в специальном выпуске «Мир: Вечная память»⁴ герои обсуждают значение победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Александра Македонская, героиня, чаще выступающая наставником Мира в освоении практик современной жизни, высказывает мнение о том, что Парад Победы — не очень нужное мероприятие, а память вообще должна быть выстроена иначе. В этой ситуации Мир, для которого обсуждаемая историческая эпоха является частью биографии, радикально не согласен с героиней. Он акцентирует внимание на том, что отсутствие опыта войны искажает восприятие Александры, а зародившаяся традиция парадов является важной данью памяти. Мир выступает авторитетным толкователем и свидетелем, чья позиция в данной ситуации оказывается гораздо более весомой и проработанной.

Сами авторы отмечают, что «МИР» является флагманской линейкой комиксов российского издательства Bubble. Будучи изначально итогом размышлений об «импортозамещении», идея комикса пришла к более характерным для российского культурного кода нарративам и форматам⁵. «Серия задумывалась как классическая супергероика, но сейчас это такой комиксный вариант античной драмы, где хороводы и пляски заменены мордобоем персонажей в аляповатых костюмах»⁶, — говорит сценарист серии А. Волков. То есть глубинные социальные и политические метафоры целенаправленно скрыты за простой формой супергеройского повествования.

Таким образом, создавая метафорический образ сверхзащитника, комикс «МИР» создаёт противоречивую комбинацию гордости и неловкости, связанных с образом главного героя. В целом можно говорить о позитивной коннотации, поскольку присутствие советского супергероя в настоящем всё же предлагается как основное положительное событие. Несмотря на то, что его повседневные практики не до конца вписываются в современные темпы жизни, персонаж учится и адаптируется. Это делает понятным как личностный, так и непосредственно героический рост. В этой связи есть основания говорить о том, что Мир олицетворяет «правильную» по мнению авторов работу по реабилитации памяти о советском прошлом и его достижениях в актуальном социокультурном и политическом состоянии России как общества и государства.

• *Серия комиксов «Майор Гром»*. Второй значимый комплекс визуальных произведений издательства Bubble связан с самым популярным персонажем из-

³ Мир — герой комиксов Bubble // Bubble. URL: <https://bubble.ru/characters/mir> (дата обращения: 6.10.2025).

⁴ Волков А., Котков Р. МИР: Вечная память. М.: Bubble, 2021. 36 с.

⁵ Авторы комикса «МИР» о работе над серией, любимых героях и о том, чего нам ждать в будущем // Bubble Comics. 30.06.2022. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nV0sPuAUTao> (дата обращения: 06.10.2025).

⁶ Интервью с Алексеем Волковым: магические воры, советские супергерои, слэшер наоборот и альтернативные вселенные // Bubble. 1.10. 2024. URL: <https://bubble.ru/news/intervyu-s-alekseem-volkovym-magicheskie-vory-sovetskie-supergeroi-slesher-naoborot-i-alternativnye-vselennye> (дата обращения: 06.10.2025).

дательства — петербургским полицейским Игорем Громом⁷. Несмотря на то, что сам персонаж не обладает сверхъестественными способностями, повествование следует всем нарративам комиксного мышления, а окружающие условия и персонажи второго плана нередко содержат тот самый необходимый фантастический элемент. В большинстве сюжетов персонаж предстаёт в роли майора полиции Санкт-Петербурга, ведущего расследования по наиболее важным и значимым криминальным делам. Помимо нескольких комиксных серий («Майор Гром», «Игорь Гром», «Майор Игорь Гром») персонаж также стал заглавным героем трёх полнометражных фильмов⁸. Во всех произведениях Игорь Гром предстаёт принципиально честным сотрудником полиции, ставящим главной задачей защиту общественного порядка и наказание преступников. Это часто приводит к использованию нетрадиционных методов расследования: обращению к помощи представителей мелкого криминального и полукриминального мира или излишнему применению насилия в адрес подозреваемых или преступников. Нередко одним из косвенных антагонистов Грома становится правоохранительная система и её представители, становящиеся преградой для реализации «истинного» правосудия. При этом сам персонаж не становится принципиальным противником легальных процедур, пусть и не всегда доверяет их излишней запротоколированности. Сюжет фильма «Гром: трудное детство»⁹ ставит вопросы о том, возможно ли противостоять коррумпированным элементам правоохранительной системы, оставаясь внутри «правил игры», и где проходит грань между преступником и народным героем.

Будучи наиболее реалистичным персонажем из рассматриваемых в рамках нашей выборки, Игорь Гром часто опирается на эмоциональные ассоциации, связанные с мифологией советских и российских правоохранительных органов. При этом создатели также говорят, что в образе персонажа соединились черты Шерлока Холмса, Остапа Бендера и Дяди Степы. «Мы хотим верить, что есть вот этот хороший порядочный человек, который прибежит (и) нас спасёт в любом случае»¹⁰, — отмечает главный редактор издательства Р. Котков в интервью 2024 года. Персонаж должен вызывать веру в человека и в общество в целом. Предполагается, что он становится персонализацией образа внутреннего защитника, санкционированного со стороны государства, который сможет обезопасить его граждан от любой угрозы. При этом важно отметить, что истории о Громе также формулируют аффективное визуальное пространство для дискуссии о том, что является императивом — закон или совесть, каково их соотношение? При общей воодушевлённости качествами Грома, истории о нем также становятся источником окрашенных в полускептические тона размышлений о природе любой бюрократической системы.

Истории о майоре Громе, исходя из характерных сюжетов в советской и российской социокультурной повестке, становятся способом осмысления роли взаимодействия человека и системы. Несмотря на явные несовершенства этой

⁷ Игорь Гром (Майор Гром) // Bubble. URL: <https://bubble.ru/characters/igor-grom-maior-grom> (дата обращения: 06.10.2025).

⁸ Все фильмы про Майора Грома // Film.ru. URL: <https://www.film.ru/compilation/vse-filmy-pro-mayora-groma> (дата обращения: 06.10.2025).

⁹ Гром: трудное детство // Кинопоиск. URL: <https://www.kinopoisk.ru/film/4771048/> (дата обращения: 06.10.2025).

¹⁰ Успех Майора Грома, последние провалы Marvel, перезапуск DC: что происходит с кинокомиксами сегодня // RTVI Новости. 29.05.2024. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AxB9PpK-stU&t=218s> (дата обращения: 06.10.2025).

системы, Гром как герой стремится не разрушить её, а инициативно заполнить проблемы. Стремление к справедливости вызывает сочувствие и согласие с мотивацией героя, одновременно оставляя почву для более глубоких размышлений за пределами аффективного восприятия.

• *Серия комиксов «Невский»*. Следующий персонаж объединяет как традиционные супергеройские повествовательные элементы, так и элементы историко-мифологического сознания. Сюжеты комикса издательства «Три Девять» рассказывают о князе Александре Невском, который после смерти обретает вечную жизнь и становится защитником русской земли¹¹. В своих социальных сетях издательство представляет свой проект следующим образом: «Это фантастическая история, в которой нашлось место знатным сражениям, омерзительной нечисти, отменному пост-модерну и щепотке старой доброй клюквы. Вопреки соблазну состряпать комикс согласно учебнику истории, но с уважением к житию героя, мы решили пойти нехарактерным путём»¹². Как и в случае с серией «МИР», авторы обращаются к историческому прошлому для его переосмысления в рамках фантастических допущений. В данном случае используются образы самого Александра Невского, а также представителей славянской и не только фольклорной традиции: Тугарин, Илья Муромец, Соловей, Кощей Бессмертный и ряд других персонажей. Учитывая тональность визуального языка и стилистику презентации издательством своих историй, можем сказать, что в первую очередь авторская интенция заключалась в провокации через дерзкую реинтерпретацию традиционных для российской культуры нарративов. Одновременно с этим представление образа исторического защитника Отечества как современного супергероя становится формой позитивной актуализации Невского в пространстве популярной культуры. Такого рода «осовременивание» можно сравнить с появлением в комиксах Marvel скандинавского бога Тора¹³. Однако в данном случае речь идёт не только об исторической, но и канонической религиозной фигуре. Сами авторы не упоминают об этом, точно так же отсутствует и реакция со стороны религиозных организаций в публичном пространстве. Так что данная часть образа не становится предметом целенаправленной рефлексии.

Представляемый образ Невского в комиксе основан на позитивном отношении к историко-политической фигуре и представлении её в качестве исключительного социального субъекта. Одновременно с гордостью за историю создатели ожидают ещё и удивление в связи с неклассической формой презентации персонажа и фактическим изъятием его из исторического контекста. Использование образов и символов не только из славянской мифологии, но и из современной массовой культуры определяет направленность комикса скорее на молодую аудиторию, которой в том числе интересны такого рода провокационные сюжеты. Таким образом, в данном случае образ защитника Отечества используется как безусловная политико-историческая ценность, получающая провокационное оформление для привлечения внимания соответствующей аудитории.

• *Серия комиксов «Русь против ящеров»*. Наконец, рассмотрим наиболее комплексный и спорный по своему наполнению комиксный сюжет в нашей вы-

¹¹ Зайцев А, Феоктисов Д. Александр Невский №1. М.: Три Девять, 2012. 24 с.

¹² Всем привет! // ВКонтакте: Комиксы «Три Девять» | «Александр Невский. 7.09.2021. URL: https://vk.com/wall-206992544_2 (дата обращения: 06.10.2025).

¹³ Thor Odinson (Earth-616) // Marvel Database. URL: [https://marvel.fandom.com/wiki/Thor_Odinson_\(Earth-616\)](https://marvel.fandom.com/wiki/Thor_Odinson_(Earth-616)) (дата обращения: 06.10.2025).

борке. Серия «Русы против ящеров» была создана в рамках развития одноименного интернет-феномена, появившегося в 2023 году в русскоязычном сегменте всемирной паутины¹⁴. Основой феномена стали шуточные ролики вымышленного профессора Багирова, рассказывающего о «настоящей» истории Руси, в которой основную роль сыграло противостояние древних русов и антропоморфных ящеров. Этот мем породил дальнейшие его повторения и вариации, в том числе затрагивающие актуальные на момент публикации политические события. Комикс основывается на мемах, однако создаёт более проработанную вселенную, привлекая более детализированные описания и переосмысления исторических событий. Основной сюжетной линией становится защита условной Руси от антагонистов-ящеров, представляющих зло как таковое¹⁵. Древнерусские воины, представляющие собирательный образ исторических дружинников, былинных богатырей и их меметических репрезентаций, при помощи физической силы и смекалки одерживают победу над неприятелем. Несмотря на сатирический фундамент нарратива, он предлагает как драматические сюжеты, так и креативную интеграцию исторического материала. Так, в выпуске «Русы против ящеров. В Африке»¹⁶ упоминается, что А. С. Пушкин является якобы потомком древних русов, отправившихся на африканский континент для помощи местным народам. В нарратив комикса также интегрированы фольклорные сюжеты, например, противостояние Змею Горынычу¹⁷. Таким образом, история берет классические образы и повествовательные модели, дополняя их нарративными особенностями интернет-культуры.

В своих интервью авторы говорят, что при помощи юмора «восстанавливают историческую правду»¹⁸. Визуальный стиль историй целенаправленно выстроен так, чтобы сформировать у читателя соответствующие культурные ассоциации: «Броня у русов и ящеров различается. У людей она стандартная, с лохмотьями, как из сказок про богатырей или с картин Васнецова. Это тёплые одеяния и большие меховые плащи. Ящеры же носят более фантастическую броню, которую можно встретить лишь в манге или комиксах в жанре фэнтези. Это пластинчатая драконья чешуя с рогами и выемкой на штанах под ящерский хвост, не сковывающие движения одежды с простенькими плащами. Ну, и большая разница в обуви: у русов она есть, у ящеров — нет»¹⁹. Исходя из указанного, можем говорить о том, что авторы через юмористические переосмысления ставили цель сформировать позитивный метафорический образ защитника Отечества, визуально и нарративно цитирующий исторические, культурные и фольклорные сюжеты. Такая неожиданная комбинация факторов создаёт совершенно уникальный и принципиально «российский» культурный продукт, требующий высокого уровня погружённости в контекст для понимания расставленных авторами отсылок и посланий.

¹⁴ Древние русы против ящеров. Что за мем и откуда он взялся. Как интернет увлёкся альтернативной историей // The Flow. 2.06.2023. URL: <https://the-flow.ru/features/drevnie-rusy-protiv-yascherov> (дата обращения: 06.10.2025).

¹⁵ Чинов Д., Кондратьев А., Абрамов Я. [и др.]. Русы против ящеров. М.: Алраса, 2023. 28 с.

¹⁶ Чинов Д., Кондратьев А., Панцирь С. [и др.]. Русы против ящеров. В Африке. М.: Алраса, 2024. 28 с.

¹⁷ Кондратьев А., Чинов Д., Арк С. [и др.]. Русы против Ящера Горыныча. М.: Алраса, 2024. 28 с.

¹⁸ ПиР №8: Русы в Африке (+интервью авторов) // Алраса и «Книжки с картинками». 19.06.2024. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yeDDPSoIAAk> (дата обращения: 06.10.2025).

¹⁹ Варков Д. Как построить вселенную вокруг мема? Объясняют авторы комиксов «Русы против ящеров» // Кинопоиск. 23.04.2025. URL: <https://www.kinopoisk.ru/media/article/4011077/> (дата обращения: 06.10.2025).

Политические эмотивы сформулируем следующим образом: удивление, радость, гордость. Именно через удивление и удовольствие от понимания многочисленных отсылок авторы хотят привлечь внимание аудитории к своим произведениям. Значительную роль здесь играет именно образ заглавных героев, представленных как однозначно позитивных персонажей.

Носят ли герои плащи? Итоги, перспективы, противоречия. Рассмотренные супергеройские комиксы и их интенциональный контекст позволяют сказать, что современная российская супергероика формирует положительный образ защитника Отечества, пользуясь широким репертуаром метафор и косвенных сравнений. Все рассмотренные нами произведения используют исторические сюжеты и нарративы исторической памяти как элемент знакомого читателю культурного слоя. Данный слой в рассмотренных произведениях в любом случае подвергается переосмыслению разной степени радикальности, в результате представляя оригинальную форму репрезентации рассматриваемого образа. Эмоциональный фон выстроен на изначальном противоречии: авторы целенаправленно сталкивают своих репрезентирующих персонажей с несовершенной реальностью или же изначалью закладывают некоторые парадоксы в предлагаемые истории. Однако итогом эмоционального разрешения этого парадокса должно стать чувство единства и гордости за историческое прошлое и достижения метафорических защитников Отечества.

Для удобства сравнения и систематизации приведём таблицу 1, фиксирующую основные элементы нашего анализа:

Таблица 1

Интенциональные политические эмотивы в российских супергеройских комиксах, содержащих репрезентации образа защитника Отечества

Серии комиксов	«МИР»	«Майор Гром», «Игорь Гром», «Майор Игорь Гром»	«Невский»	«Русы против ящеров»
Репрезентация образа защитника Отечества	Возрождённый в современной России советский сверхчеловек, созданный в рамках государственного проекта. Сверхзащитник	Представитель полиции, в некоторых сюжетах разжалованный, затем восстановленный в звании и продолжающий защищать закон и порядок	Воскрешённый исторически князь Александр Невский, обретший вечную жизнь и сверхспособности в качестве награды за свои военные подвиги при жизни	Собирательный образ «древних русов», объединяющий черты былинных богатырей, исторических русичей, фольклорных персонажей и персонажей мемов
Идеологические концепты, воплощённые в визуальных образах	Советский человек, советский и российский патриотизм, историческая правда, ностальгия по СССР	Честный полицейский, сила в правде, самоотверженность, повседневный героизм	Историческая память, воинская культура, святой, историческая правда	Другой как враг (<i>ящеры</i>), историческая память, патриотизм, интернационализм (<i>конкретно для сюжета «Русы против ящеров в Африке»</i>)

Окончание таблицы 1

Серии комиксов	«МИР»	«Майор Гром», «Игорь Гром», «Майор Игорь Гром»	«Невский»	«Русы против ящеров»
Интенциональ- ные политиче- ские эмоции	Неловкость и лёгкий стыд за не всегда удачную адаптацию к современности, гордость за советское научно-техническое наследие, воодушевлённость способностями и внутренними качествами главного героя	Негодование из-за различий между законом и справедливостью, сочувствие позиции главного героя, чувство доверия главному герою	Удивление от нетипичной интерпретации исторических персонажей, гордость за достижения исторического прошлого, воодушевлённость поступками заглавного героя	Удивление от нетипичной интерпретации исторических персонажей, гордость за достижения исторического прошлого, воодушевлённость поступками заглавных героев

Представленное сравнение показывает, что общей переменной для всех произведений становится закладываемая авторами гордость за достижения персонажей и страны, которую они репрезентируют, как в реальном/условном прошлом, так и в реальном/условном настоящем. В этой связи мы можем говорить о том, что российский супергеройский комикс выработал свой визуальный и нарративный политический язык, позволяющий переосмыслить образ защитника Отечества в нетипичных для него категориях, не теряя при этом основной ценностный посыл. Это также может свидетельствовать и о том, что морфологическая и нарративная структура супергеройского повествования может быть использована для продвижения образа защитника Отечества, его творческого осмысления и обсуждения. Таким образом, мы фиксируем основы общей модели бытования рассматриваемых образов в современной российской супергероике: инновационное метафорическое переосмысление, сохраняющее те ценностные концепты, которые ассоциируются с традиционными ценностями.

Отражаемые в рассмотренных комиксах идеологические концепты раскрывают образ защитника Отечества через эмоциональную составляющую. Визуальные репрезентации и визуальные нарративы комикса как мультимодального текста апеллируют к аффективному восприятию повествования. Визуальные «высказывания»-эмотивы используют содержательные концепты для того, чтобы вызвать у читателя соответствующую реакцию, что подтверждается и обращением к комментариям самих авторов произведений и источников, непосредственно раскрывающим эти намерения. В итоге российский персонаж супергеройского комикса превращается в репрезентацию российского патриотизма как идеологической конструкции, то есть, с точки зрения М. Ди Паоло, становится идеальной моделью российского патриота, выраженной при помощи языка художественных образов.

С другой стороны, возникают и проблемные моменты, связанные с формой супергеройского комикса. Скепсис значительной части российской аудитории относительно комикса как такового может оказываться затрудняющим фактором для распространения и принятия таких форм разговора о защитниках От-

чества. Высокая степень метафоричности историй также в некоторых случаях может требовать дополнительного комментария и контекстуализации, без которой аудитория рискует воспринять исключительно внешние аспекты истории и её визуального оформления [20]. Наконец, дискуссии об органичности и адекватности присутствия феномена супергероя в российском социокультурном пространстве остаются довольно острыми. Несмотря на конструктивные отношения к супергероям в СМИ в целом, отдельные моменты общественного восприятия все ещё ассоциируют супергероику либо с сугубо американскими или американизированными нарративами, либо с историями о «ложных» героях, необходимость в придумывании которых отпадает в связи с наличием героев реальных (как исторических, так и современных). Наблюдение за этими аспектами остаётся предметом наших интересов и обозначает перспективу развития практики толкования представленного исследовательского материала.

Заключение. Подводя итог, следует отметить, что исследования комиксов остаются относительно малоразработанным полем для российской политической науки, да и для международного научного дискурса [21]. Предложенный материал направлен на легитимацию комикса как эмпирического источника для политической интерпретации. Можно констатировать, что обращение к области мультимодальных текстов позволит открыть дополнительные особенности политических смыслов и сообщений в рамках массовой культуры, укрепляя представления об этой сфере социокультурных коммуникаций. Перспективным направлением представляется приглашение к обсуждению и дискуссии как представителей научно-экспертного сообщества, так и непосредственно авторов и читателей, что способно расширить описательные и объяснительные возможности в области политического рассмотрения артефактов комикс-культуры.

Библиографический список

1. *Sandywell B., Heywood I.* Critical approaches to the study of visual culture: an introduction to the handbook // Heywood I., Sandywell B. (eds.) *The handbook of visual culture.* London : Bloomsbury Publ., 2012. P. 1–56.
2. *Малишова О. Ю., Курбатов А. В.* «Гордимся прошлым, стремимся в будущее»: анализ мультимодальных нарративов выставки «Россия» на ВДНХ // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики).* 2025. № 2(117). С. 160–183. DOI [10.30570/2078-5089-2025-117-2-160-183](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2025-117-2-160-183). EDN [RGCLVV](https://www.edn.ru/rgclvv/).
3. *Айснер У.* Комикс и последовательное искусство. М. : Манн, Иванов, Фербер, 2022. 192 с.
4. *Макклауд С.* Понимание комикса. Невидимое искусство. М. : Белое яблоко, 2016. 216 с.
5. *Тогоева О.* «Дева со знаменем». История Франции XV–XXI веков в портретах Жанны д'Арк. М. : Новое литературное обозрение, 2023. 432 с.
6. *Дмитриева Д.* Век супергероев: Истоки, история, идеология американского комикса. М. : Изотека, 2015. 320 с.
7. *DiPaolo M.* War, politics and superheroes: Ethics and propaganda in comics and film. Jefferson : McFarland, 2011. 344 p.
8. *Wandtke T.* The meaning of superhero comic books. Jefferson : McFarland, 2012. 270 p.
9. *Цыркун Н.* Вселенная супергероев. Американский кинокомикс. История и мифология. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2020. 320 с.
10. *Казаков И. В.* Происхождение и классификация политических идеологий: междисциплинарный подход // *Политическая наука.* 2023. № 1. С. 322–337. DOI [10.31249/poln/2023.01.14](https://doi.org/10.31249/poln/2023.01.14). EDN [IDMORR](https://www.edn.ru/idmorr/).
11. *Скиннер К.* Значение и понимание в истории идей // *Кембриджская школа: Теория и практика интеллектуальной истории / Под ред. Т. Атнашева, М. Велижева.* М. : Новое литературное обозрение. С. 53–122.

12. *Sheer M.* Are emotions a kind of practice (and is that what makes them have a history)? A Bordieuan approach to understanding emotion // History and theory. 2012. No. 51(2). P. 193–220. DOI [10.1111/j.1468-2303.2012.00621.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2012.00621.x).
13. *Дубовицкая М. А.* Американский графический роман: мультимодальность и идентичность // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 3. С. 228–246. DOI [10.24224/2227-1295-2022-11-3-228-246](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-3-228-246). EDN [PFDGCF](https://edn.ru/PFDGCF).
14. *Белов С. И., Вантеевский М. М., Ярошева Д. В.* Представления о «героях времени» в сознании российской молодежи: базовые гипотезы и особенности социальной ситуации в современной России // Россия и современный мир. 2023. № 1. С. 6–18. DOI [10.31249/rsm/2023.01.01](https://doi.org/10.31249/rsm/2023.01.01). EDN [ZPRKKZ](https://edn.ru/ZPRKKZ).
15. *Кузнецов И. И., Куликова Е. В., Петрова Ю. В.* Пространство героев в сознании российской молодежи: разнообразие предложений при неясных // Политическая наука. 2023. № 2. С. 179–202. DOI [10.31249/poln/2023.02.08](https://doi.org/10.31249/poln/2023.02.08). EDN [DPWJHH](https://edn.ru/DPWJHH).
16. *Серебрякова И. В.* Образ защитника Отечества в театральном искусстве в XIX–XX вв. // Военный академический журнал. 2022. № 3(35). С. 131–138. EDN [ZFQSDO](https://edn.ru/ZFQSDO).
17. *Балакина Ю. В., Морозова Н. Н., Радина Н. К.* Медиа, культура и популярная геополитика: как создаются воображаемые пространства и идентичности // Полис. Политические исследования. 2024. № 6. С. 40–53. DOI [10.17976/jpps/2024.06.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.04). EDN [MPRZLG](https://edn.ru/MPRZLG).
18. *Токарев А. А.* Массовое сознание российской молодежи: образ будущего // Полис. Политические исследования. 2024. № 6. С. 154–169. DOI [10.17976/jpps/2024.06.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.11). EDN [URHNAF](https://edn.ru/URHNAF).
19. *Зорин В. А., Селезнева А. В., Шестопал Е. Б.* Образ будущего России как исследовательский концепт и политический проект: возможности изучения и конструирования // Полис. Политические исследования. 2025. № 6. С. 7–23. DOI [10.17976/jpps/2025.06.02](https://doi.org/10.17976/jpps/2025.06.02). EDN [VJJAMG](https://edn.ru/VJJAMG).
20. *Атаманенко А. А.* Комикс как инструмент формирования представлений российской молодежи о будущем // PolitBook. 2025. № 2. С. 98–108. DOI [10.24412/2227-1538-2025-2-98-108](https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-2-98-108). EDN [YHULVE](https://edn.ru/YHULVE).
21. *Worchester K.* Comics, comics studies and political science // International Political Science Review. 2017. Vol. 38, No. 5. P. 690–700. DOI [10.1177/0192512116667631](https://doi.org/10.1177/0192512116667631).

Поступила: 28.10.2025. Доработана: 28.11.2025. Принята: 26.12.2025.

Сведения об авторе:

Атаманенко Артемий Андреевич, преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Москва, Россия; стажёр-исследователь, Владивостокский государственный университет. Владивосток, Россия. aaatamanenko@mail.ru

Author ID РИНЦ: [1016815](https://elibrary.ru/1016815); ORCID: [0000-0003-4433-7847](https://orcid.org/0000-0003-4433-7847)

A. A. Atamanenko^{1,2}

¹ RANEP. Moscow, Russia

² Vladivostok State University, Vladivostok, Russia

REPRESENTATION OF THE IMAGE OF THE DEFENDER OF THE FATHERLAND IN RUSSIAN SUPERHERO COMICS: POLITIKAL-INTENTIONAL ANALYSIS

Abstract. The article examines the representation of the “defender of the Fatherland” in contemporary Russian superhero comic culture using the method of intentional analysis. It explores the specific features of how this image functions within the visual and narrative structures of comics, based on the series “MIR”, “Major Grom”, “Nevsky”, and “Russians vs Lizards”. The aim of the study is to determine how the image of the defender of the Fatherland is constructed and transmitted in Russian superhero comics, as well

as to identify the political-emotional meanings embedded by the authors in the corresponding narrative constructs. The research is based on the methodology of intentional analysis and a multimodal approach to visual texts, which includes interpreting authorial intent and the political emotives expressed through narrative and visual elements. The study reveals that in Russian superhero comics, the defender of the Fatherland is represented as a positive figure grounded in domestic historical, cultural, and ideological value concepts. The primary intentional emotives include pride, inspiration, and a sense of belonging. Comic authors employ metaphorical and provocative approaches to interpreting both historical and contemporary storylines, which contributes to the formation of an emotionally appealing and patriotically colored narrative. It is established that Russian superhero comic culture develops its own political-visual language, enabling a reinterpretation of the defender of the Fatherland in contemporary terms without losing traditional value content. The analysis results show that such works can function as instruments of cultural reflection and the strengthening of symbolic social unity.

Keywords: comics culture, comics mindset, visual culture, image of the Defender of the Fatherland, political emotives, intentional analysis, mass culture, visual representation, Russian superhero comics

For citation: Atamanenko A. A. Representation of the image of the defender of the Fatherland in Russian superhero comics: political-intentional analysis. *Science. Culture. Society*. 2026;32(1):112–126. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.8>

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the grant from the Ministry of Education and Science of the Russian Federation and EISR No. FZUG-2025-0004.

References

1. Sandywell B., Heywood I. Critical approaches to the study of visual culture: an introduction to the handbook. In: Heywood I., Sandywell B. (eds.) *The handbook of visual culture*. London: Bloomsbury Publ; 2012. P. 1–56.
2. Malinova O. Yu., Kurbatov A. V. “Proud of the past, aiming for the future”: analysis of multimodal narratives of the Russia exhibition at VDNKH. *Politeia*. 2025;(2):160–183. (In Russ.) DOI [10.30570/2078-5089-2025-117-2-160-183](https://doi.org/10.30570/2078-5089-2025-117-2-160-183).
3. Aisner W. *Comics and sequential art: principles and practices from the legendary cartoonist*. Moscow: Mann, Ivanov, Ferber; 2022. (In Russ.).
4. McCloud S. *Understanding comics*. Moscow: Belye Yabloko; 2016. (In Russ.).
5. Togoeva O. “The maid with the banner”. *History of France in XV–XXI centuries in portraits of Joan of Arc*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2023. (In Russ.).
6. Dmitrieva D. *Age of superheroes: Origins, history, ideology of the American comics*. Moscow: Izoteka; 2015. (In Russ.).
7. DiPaolo M. *War, politics and superheroes: Ethics and propaganda in comics and film*. Jefferson: McFarland; 2011.
8. Wandtke T. *The meaning of superhero comic books*. Jefferson: McFarland; 2012.
9. Tsyrukun N. *The universe of superheroes. American comics movies. History and mythology*. Moscow, Ekaterinburg: Kabinetnyi ucheniy; 2020. (In Russ.).
10. Kazakov I. V. The origins and classification of ideologies: a multidisciplinary approach. *Political Science (RU)*. 2023;(1):322–337. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2023.01.14](https://doi.org/10.31249/poln/2023.01.14).
11. Skinner Q. *Meaning and understanding in the history of ideas*. I: Atnashev T., Velizhev M. (eds.) *Cambridge school: Theory and practice of intellectual history*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2023. P. 52–122. (In Russ.).
12. Sheer M. Are emotions a kind of practice (and is that what makes them have a history)? A Bordieuan approach to understanding emotion. *History and theory*. 2012;51(2):193–220. DOI [10.1111/j.1468-2303.2012.00621.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-2303.2012.00621.x).
13. Dubovitskaya M. A. American graphic novel: multimodality and identity. *Nauchnyi dialog*. 2022;11(3):228–246. (In Russ.). DOI [10.24224/2227-1295-2022-11-3-228-246](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-3-228-246).
14. Belov S. I., Vanteevsky M. M., Yarosheva D. V. Perceptions of “heroes of the time” in the minds of Russian youth: basic hypotheses and features of the social situation in modern Russia. *Russia and the contemporary world*. 2023;(1):6–18. (In Russ.). DOI [10.31249/rsm/2023.01.01](https://doi.org/10.31249/rsm/2023.01.01).
15. Kuznetsov I. I., Kulikova E. V., Petrova Yu. V. The space of heroes in the minds of Russian youth: variety of offers and unclear preferences. *Political Science (RU)*. 2023;(2):179–202. (In Russ.). DOI [10.31249/poln/2023.02.08](https://doi.org/10.31249/poln/2023.02.08).
16. Serebryakova I. V. The image of the defender of the Motherland in Russian theater art of the XIX–XX centuries. *Military Academic Journal*. 2022;(3):131–138. (In Russ.).

17. Balakina Yu. V., Morozova N. N., Radina N. K. Media, culture and popular geopolitics: how imagined spaces and identities are forged. *Polis. Political studies*. 2024;(6);40–53. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2024.06.04](https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.04).
18. Tokarev A. A. Mass consciousness of Russian youth: image of the future. *Polis. Political studies*. 2024;(6)154–169. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2024.06.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2024.06.11).
19. Zorin V. A., Selezneva A. V., Shestopal E. B. The image of Russia's future as a research concept and political project: potential for studying and constructing. *Polis. Political studies*. 2025;(6);7–23. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2025.06.02](https://doi.org/10.17976/jpps/2025.06.02).
20. Atamanenko A. A. Comics as a tool for shaping Russian youth's perceptions of the future. *PolitBook*. 2025;(2):98–108. (In Russ.). DOI [10.24412/2227-1538-2025-2-98-108](https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-2-98-108).
21. Worchester K. Comics, comics studies and political science. *International Political Science Review*. 2017;38(5):690–700. DOI [10.1177/0192512116667631](https://doi.org/10.1177/0192512116667631).

Received: 28.10.2025. Corrected: 28.11.2025. Accepted: 26.12.2025.

Author information:

Artemiy A. Atamanenko, Lecturer, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Moscow, Russia; intern researcher, Vladivostok State University. Vladivostok, Russia.

aaatamanenko@mail.ru

ORCID: [0000-0003-4433-7847](https://orcid.org/0000-0003-4433-7847)

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.1.9](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.9)
EDN [FXZGVC](https://edn.fzsgvc.ru/)
УДК 316.7:3

Р. Х. Симонян¹

¹ МГИМО МИД России. Москва, Россия

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЗНАНИЕ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЦИОЛОГИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация. Познание окружающей реальности всегда было для человека важнейшей экзистенциальной потребностью, позволяющей ему обеспечить необходимые условия жизни. В современных условиях массовой цифровой коммуникации и развития искусственного интеллекта резко повышается востребованность достоверного социального знания, обусловленная динамикой изменений общества и непредсказуемостью, связанной с ростом рискогенности и конфликтности окружающего мира. В этих условиях общественная рефлексия сопровождается расширением взаимодействия форм и практик отражения социальной реальности в информационном пространстве — СМИ и социальных сетях. Свою задачу автор видит не в анализе социальных последствий художественных произведений, что является предметом социологии литературы, а в рассмотрении синтеза научного и художественного методов в социальном познании как эффективного инструмента отражения общественных процессов и явлений. На широкой источниковедческой и фактологической основе показано взаимовлияние и взаимообогащение социологии и художественной литературы, формирующие субъектно-объектное единство научных и художественных средств в познании общества.

Ключевые слова: художественная литература, методы познания, социальная реальность, социальное прогнозирование, междисциплинарный подход, художественный образ

Для цитирования: Симонян Р. Х. Социальное познание: взаимодействие социологии и художественной литературы // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 1. С. 127–139. DOI [10.19181/nko.2026.32.1.9](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.9). EDN [FXZGVC](https://edn.fzsgvc.ru/).

Введение в проблему. Сходство и различие научного и художественного методов познания, как и их взаимосвязь, занимали умы ещё античных философов. Платон, Аристотель и Демокрит с его тезисом «разум не может познать истину без чувств» отмечали неспособность одного лишь рационального знания полностью охватить общественные явления с их многообразием и динамизмом, не обращаясь к искусству, которое один из наиболее авторитетных русских социологов Ю. Н. Давыдов определил как «социологический феномен» [1]. Размышлять о взаимодействии научного и художественного познания окружающего мира философы продолжают и в новейшее время. Исследованию познавательного процесса И. Кант посвятил свой главный философский труд «Критика чистого разума». Ключевым понятием гносеологии Канта является «трансцендентальная апперцепция», учение о двух стволах человеческого познания, осуществляемого на уровне чувственности и мышления [2]. Э. Кассирер в книге «Познание и реальность: понятие о субстанции и понятие о функции» показал, что посредством логического мышления, устраняя всё единичное, индивидуальное, неповторимое, создавая общие, лишённые специфического значения понятия, вместо познания существующего многообразия можно прийти лишь к *абстрактному* пониманию единства реальной действительности [3]. Г. Рик-

керт в книге «Науки о природе и науки о культуре» показал, что действительность является гетерогенным континуумом, многообразие которого не может быть постигнуто рационально-понятийным подходом, с помощью которого мы строим мосты через поток реальности, но сама она уходит, просачиваясь через этот поток. Создавая понятия, рассудок обособляет отдельные качества и искусственно разделяет реальность, при этом утрачивается все, что лежит между границами понятий. Художественное познание представляет собой такую картину мироздания, где все составляющие её элементы находятся между собой в тесной взаимосвязи [4, с. 211].

На важную роль искусства и литературы в познавательных возможностях наиболее последовательно указывал один из самых влиятельных мыслителей XX в. М. Хайдеггер. Высоко оценивая роль художественного метода в познании, он считал, что сущность искусства — истина, познающаяся в творческом процессе: «в художественном творении речь идёт не о воспроизведении какого-либо отдельного наличного сущего, а о воспроизведении всеобщей сущности вещей» [5, с. 17]. Подчёркивая единство познания, Р. Барт пишет о «традиционном мнении, согласно которому существует пропасть между объективностью учёного и субъективностью писателя, словно привилегия первого — это “свобода”, а второго — “призвание”» [6, с. 47]. В реальности чувственное и рациональное — две составляющие процесса познания. Если философ Р. Декарт в работе «Страсти души» на первое место в познании ставит чувство удивления, которое служит важнейшим его стимулом и открытием нового [7, с. 534], то скульптор О. Роден подчёркивает значение мысли для художественного творчества: «Искусство — это работа мысли, ищущей понимания мира и делающей этот мир понятным» [8, с. 84]. В условиях современной тенденции перехода от синтеза естественных и социальных наук к более широкому синтезу форм познания — рациональной и чувственной — исследование их взаимосвязи становится актуальной научной проблемой.

В познавательной деятельности литература ближе других видов художественного творчества соприкасается с социальными науками, так как они используют общую систему знаков. Австрийский философ и языковед Л. Витгенштейн отмечал, что художественное произведение — есть нечто большее, чем его написанный текст, потому что текст обретает жизнь только в процессе чтения, подчёркивая, что и само чтение есть творческий процесс, в котором назначение слов — вызывать образы [9, с. 7–8].

Как и социология, художественная литература направлена на концептуальное представление о взаимодействии людей, что иллюстрируют произведения А. Данте, У. Шекспира, О. Бальзака, И. Гёте, Л. Толстого.

Взаимосвязь научной и художественной деятельности. Науку и искусство объединяет важнейшая человеческая способность — *наблюдательность*. Как активная форма чувственного познания наблюдение является универсальным методом познавательной деятельности. Результаты наблюдений формируют и априорное, и апостериорное знание. В наблюдении субъект познания приобретает то необходимое представление об объекте, которое невозможно получить никаким иным способом. В науке, начиная с античных времён, наблюдение является традиционным методом познания, с помощью которого Платон и Аристотель, не обладавшие нынешними социологическими методиками и техническими средствами, создали основы современного обществознания. О наблю-

дательности как умении видеть размышлял ещё Микеланджело, который подразделял людей на три группы: те, которые видят; те, которые видят, когда им показывают; и те, которые не видят даже тогда, когда им показывают [10, с. 158].

Многие учёные подчёркивают роль *образно-эстетических переживаний* в процессе совершения научных открытий и построения теорий. Искусство часто даёт непосредственный импульс научным размышлениям (например, экзистенциализм как наука о существовании человека формировался во многом в форме художественной литературы — Ж. П. Сартр, А. Камю, А. Моравиа, Э. Ионеско), равно как и наука открывает новые грани возможностей художественного освоения мира.

Далеко не все происходящие в мире процессы можно чувственно воспринять как целое, но их можно вообразить. *Творческое воображение* позволяет человеку заглянуть дальше и глубже проникнуть в сущность происходящего. Анализируя структуру сознания, Кант определил творческое воображение как соединительное звено между многообразием чувственных впечатлений и единством понятий рассудка. Воображение, создавая новое знание посредством синтеза чувственности и рассудка, наполняет всеобщую категориальную форму конкретным предметным содержанием [11, с. 749]. Кантовское учение о творческом воображении было продолжено Ф. Шеллингом, который показал, что творческое воображение есть единство сознательной и бессознательной деятельности [12, с. 53].

Творческое воображение особенно необходимо для общественных наук, являющихся наиболее стохастическими, где креативность является важнейшим свойством исследователя, что отмечено классиками социологии: «Социологическое воображение — это мастерство критически мыслящего интеллектуала» [13, с. 37]. Э. Гидденс особенно выделяет его инновационный потенциал: «Социологическое воображение — это способность отстраниться от рутины повседневной жизни, чтобы взглянуть на неё по-новому» [14, с. 34].

Точно такую роль воображение играет и в искусстве. «В творениях Шекспира, — отмечает В. Белинский, — не знаешь, чему больше удивляться — богатству всеобъемлющего ума или богатству творческой фантазии» [15, с. 348]. К воображению примыкают ассоциативная память и ассоциативное мышление. Идеи о взаимосвязи предметов в воображении развивались ещё в античной философии, но термин «ассоциация» для обозначения случайно возникшей взаимосвязи между предметами был введён в научный оборот Дж. Локком в начале XVIII в. Способность выстраивать ассоциативные связи и ассоциативные ряды помогает генерации новых идей в создании научного или художественного творческого продукта. Ассоциативное мышление служит своеобразным связующим звеном между конкретным и абстрактным, художественным и научным видами мышления.

В познавательной деятельности как в науке, так и в искусстве немалую роль играет *интуиция*, которая со времён Платона и Сократа трактуется с большим семантическим многообразием: от безотчётного озарения до особой, высшей формы знания [16]. Интуиция представляет собой неожиданно возникающее решение проблемы, что связано с появлением единого чувственно-логического образа, «выталкивающего» на поверхность сознания то, что до сих пор скрывалось в глубинах бессознательного у субъекта поисковой доминанты на основе непрерывных попыток решить проблему. Интуиция, понимаемая как «усмотре-

ние объективной связи вещей, не опирающееся на доказательство», играет важную роль в научном и художественном познании мира [17, с. 49].

К общим условиям формирования и проявления интуиции относится ассоциативное мышление у людей с широким диапазоном интересов, что связано с действием «подсказки», которая служит «пусковым механизмом» интуиции. При этом, чем шире кругозор личности, тем больше факторов для действия интуиции, так как художественная эрудиция учёного повышает его шансы на инновации и изобретения. Знаменитые научные открытия, совершённые благодаря творческой интуиции таких широко образованных учёных, как И. Ньютон, Т. Джефферсон, А. Эйнштейн, Д. Менделеев, А. Пуанкаре, А. Попов, А. Белл, И. Павлов, А. Флеминг, убедительно подтверждают это. Идея электродвигателя на переменном токе, вызвавшая революцию в электроэнергетике, осенила Н. Теслу во время чтения стихов [18, с. 394].

Взаимодействие и сближение логико-понятийного и художественного метода в познании сложных проблем общественного развития становится всё более заметным и результативным. В последние десятилетия общественные и гуманитарные науки всё чаще обращаются к литературным источникам, чутко реагирующим на вызовы неопределённости и манипулятивного воздействия современной реальности.

Производство социального знания: социологи и писатели. Общим для социологии и художественной литературы является не только объект, но и субъект познания — личность, обладающая творческим мышлением, сочетающимся с умением видеть как реальность, так и результаты её осмысления. Ф. Энгельс отмечал, что «из романов О. Бальзака мы можем узнать о жизни общества больше, чем из сочинений всех историков, экономистов, статистиков той эпохи, вместе взятых» [19, с. 26–27]. Сам Бальзак в конце жизни осознавал себя не как писателя, а как социолога: «30 лет занимаюсь физиологией французского общества» [20, с. 246].

В XX в. это единение вошло в практику. Так, испанский писатель Ф. Айяла был профессором социологии Мадридского университета, а русский писатель А. Зиновьев преподавал социологию на кафедре этики в МГУ.

Л. Толстой достиг совершенства в анализе состояния общества, описании переживаний индивидом кардинальных общественных перемен, роли личности в общественном развитии, других социальных и социально-психологических проблемах, исследование которых приносило ему огромное творческое удовлетворение. Так, в «Исповеди», анализируя отношения между индивидами, группами, сословиями, он пишет: «Чем больше я вникал в их жизнь, тем легче мне самому становилось жить» [21, с. 42]. Французский социолог Б. Латур отмечает, что в своих исследованиях испытал огромное влияние Л. Толстого [22, с. 104]. Но ещё в 1908 г. В. Ленин в статье «Лев Толстой как зеркало русской революции», показал, что в своём творчестве писатель отразил все ключевые общественные отношения России начала XX в., приведшие к глубокому кризису российского общества.

В России в условиях самодержавия классики русской литературы, начиная с А. Радищева, всегда выполняли функцию науки об обществе, что отметил Г. Плеханов: «У художника М. Горького может многому научиться даже самый учёный социолог» [23, с. 143]. Эта оценка сделана в 1916 г., но главное произведение Горького «Жизнь Клима Самгина» — роман-эпопея об обществен-

ной и духовной жизни России в предреволюционный период — было создано значительно позже, в 1928–1935 гг. Если Н. Бердяев, С. Булгаков, В. Розанов, П. Струве и другие философы осуществляли анализ общественных процессов в России, приведших к революции, научным методом, то писатель решал эту задачу художественным. В романе представлен собирательный образ социальных слоёв России, выписаны характеры революционеров, государственных чиновников, промышленников, рабочих, но в центре внимания — интеллигенция, её ответственность за ход истории. Писатель не просто описывает представителей этого сословия, но и анализирует их мировоззрение, идеалы, ценности.

В романе отражены типологические группы интеллигенции: радикально настроенные революционеры, либеральные реформаторы, пассивные наблюдатели происходящего, разочарованные идеалисты, потерявшие веру в возможность перемен, и другие. Общее число персонажей — более 700, среди которых много реальных лиц (Николай II, Савва Морозов, Александр Блок, Борис Савинков и др.) В идейных спорах героев упоминаются более 80 общественных деятелей и философов, с многими из которых Горький был лично знаком, а с В. Розановым, Ф. Степуном, В. Вернадским, Н. Михайловским, А. Богдановым вёл переписку. С Бердяевым в популярном тогда журнале «Летопись» Горький проводил вызвавшую острый общественный интерес полемику о соотношении европейского и азиатского в русском национальном сознании — проблему, не менее актуальную и сегодня.

Столь же обоснованно можно отнести к жанру фундаментального социологического исследования «Тихий Дон» М. Шолохова, где автор анализирует национальную трагедию — слом эпох, социальных норм и культурных традиций, который показан на судьбах конкретных людей — героев произведения. Сюда же можно отнести и роман «Прокляты и убиты» В. Астафьева, где показан процесс подготовки человека и общества к войне, фронтовой быт солдат и офицеров, их взаимоотношения между собой, сознание и поведение во время боевых действий, самоотверженность и высокий патриотизм народа, победившего фашистское нашествие. Авторы этих произведений сумели глубоко проникнуть в сущность судьбоносных для России событий — Гражданской войны и Великой Отечественной войны, — не только потому, что были участниками и свидетелями происходящего, но и потому, что обладали острым взглядом художников.

Писатель, проникающий в сложные взаимодействия людей или в глубины человеческой личности, по существу, выполняет задачи социологии и психологии. «Художники — ценные союзники, а их свидетельства следует высоко ценить, так как они знают множество вещей меж небом и землёй, которые ещё и не снились нашей учёности, — утверждает Фрейд. — Даже в знании психологии обычного человека они далеко впереди, поскольку черпают при этом из источников, которые мы ещё не открыли для науки» [24, с. 396].

Из художественных произведений З. Фрейд заимствовал сюжеты, приводящие к открытиям психоанализа. Эдипов комплекс был исследован на примере таких шедевров мировой литературы, как «Царь Эдип» Софокла, «Гамлет» Шекспира, «Братья Карамазовы» Достоевского. Фрейд ввёл в научный оборот понятие «бессознательное» — психические явления и процессы, которые протекают за пределами человеческого разума, не осознаются и не поддаются контролю воли.

Психоанализ Фрейда как метод познания структуры личности, как способ объяснения человеческого поведения, оказал значительное влияние на творчество

многих писателей, в том числе таких, как Т. Манн, Б. Брехт, Г. Гессе, Т. Драйзер, У. Фолкнер. Многие новеллы («Амок», «24 часа из жизни женщины», «Жгучая тайна», «Страх» и др.) австрийского писателя С. Цвейга могут служить художественно оформленными иллюстрациями к теоретическим разработкам Фрейда, с которым он дружил более 30 лет.

Цвейг обогатил психоанализом биографический метод, широко используемый в социологии. На его основе им созданы документальные жизнеописания Ф. Магеллана, М. Стюарт, Э. Роттердамского, О. Бальзака. Таким образом, процесс получения социального знания здесь совершает круг: от художественной литературы к науке, а от науки к художественной литературе, что подчёркивает единство научных и художественных методов познания.

Тесная взаимосвязь социологии и художественной литературы прослеживается в произведениях, подробно описывающих один день жизни обычного человека с его поступками, чувствами, размышлениями, контактами с другими людьми. Представителями наиболее известных произведений этого литературного жанра являются «Улисс» Дж. Джойса, «31 июня» Дж. Пристли, «Аэропорт» А. Хэйли, «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына, «И дольше века длится день...» Ч. Айтматова, являющиеся и по содержанию, и по форме образцами социологии повседневности, которая изучает самое массовое состояние социальной реальности.

Многие психологи, как зарубежные, так и отечественные, основывают свои концепции на творчестве Ф. Достоевского. И не только психологи. А. Эйнштейн считал, что Достоевский дал ему больше, чем математик К. Гаусс. При этом Эйнштейн особо отмечал роль образно-эстетических переживаний в процессе совершения научных открытий и построения теорий [25, с. 187].

Достоевский задолго до Фрейда проник в глубинные основы психики человека, раскрыл динамику взаимодействия сознательного и бессознательного. Эйнштейн и Достоевский исследовали непознанное пространство внешнего мира, окружающего человека, и его внутреннего мира. Стремление человека осмыслить себя во Вселенной столь же естественное, как и стремление познать самого себя, требует новаторства и творческого воображения. Эйнштейн применил новый взгляд в познании строения материи. Достоевский применил новый взгляд в познании человека.

Социология личности — отрасль социологии, изучающая личность как объект и субъект общественных отношений, учитывающая влияние биологических и психологических свойств человека на его связи и отношения. В условиях торжества философского закона о возрастании роли субъективного фактора в развитии общества социология личности становится особенно актуальной областью социального познания. «В XXI в. от психологической составляющей в системе причинных зависимостей решающим образом зависит жизнеспособность всей планетарной цивилизации» [26, с. 128].

Интерес к человеческой индивидуальности, наблюдение за её проявлениями — качества, необходимые в самой гуманной деятельности — лечебной. Не случайно среди писателей много профессиональных врачей. Из знаменитых зарубежных — это Ф. Рабле, Ф. Шиллер, А. Конан Дойл, А. Кронин, С. Моэм, Г. Стайн, Дж. Китс, С. Лем, в России — А. Чехов, В. Вересаев, М. Булгаков, В. Аксёнов, Г. Горин. И среди социологов много получивших медицинское образование. Из наиболее известных — англичане Дж. Кей и П. Гаскелл, немец С. Нейман, француз Д. Фассен, русский М. Горшков.

Единство субъекта научного и художественного познания мира особенно характерно для ключевых моментов человеческой истории. Наиболее ярко эта закономерность проявилась в эпоху Возрождения, когда её творцы были одновременно и художниками, и учёными. Так, Леонардо да Винчи был гениальным скульптором и живописцем, поэтом, музыкантом, философом, учёным-естествоиспытателем и инженером-конструктором. Его многие изобретения предвосхитили технический прогресс.

И сегодня поиски ответов на вызовы современности неизбежно приводят к интеграции научного и художественного познания окружающего мира.

Литературный процесс и образ как форма социального познания социальной реальности. Воздействие на эмоциональную сферу пробуждает активность человеческого интеллекта. В этой связи художественный метод «есть средство не выражать готовую мысль, а создавать её, то есть тот же мыслительный метод» [27, с. 134]. Но создавать не понятиями и суждениями, а художественными образами. «Философ пользуется силлогизмами, а писатель — образами, а говорят оба одно и то же. Один *доказывает*, другой *показывает*, и оба *убеждают*» [20, с. 149]. Писатели, создавшие нетленные образы реальности, вошедшие в сокровищницу мировой культуры, становятся классиками¹.

Ощущение, возникающее в результате воздействия предметов и явлений объективного мира на органы чувств, возбуждая нервные центры коры головного мозга, является исходным пунктом познания. Научный, логико-понятийный метод познания состоит из трех этапов — *догадка, гипотеза, теория*. На первом этапе — не столько понятия, сколько воображение, ассоциации, образы присутствуют в процессе познания, что свидетельствует о генетической связи науки и искусства. У человека на уровне бессознательного аккумулируются неосознанные им чувственные и понятийные образы, «являющие нашему взору не абстрактную сущность, а конкретную её действительность» [28, с. 384], что позволяет через художественное переживание проникнуть в сущностные характеристики бытия.

Английский социолог Д. Блур в книге «Знание и социальная образность» подчёркивает, что «художественный образ существует как феномен сознания, в котором происходят мыслительные операции его субъекта» [29, с. 89]. Если в понятийно-логической мысли всё однозначно, то образная мысль многозначна. Э. Хемингуэй в интервью о повести «Старик и море» высказал мысль о её смысловом диапазоне: «Я попытался дать настоящего старика и настоящего мальчика, настоящее море, настоящую рыбу, и настоящих акул. И, если это мне удалось сделать достаточно хорошо и правдиво, они могут быть истолкованы по-разному» [30, с. 20].

Одним из основных средств создания художественного образа является метафора, в которой происходит ассоциативное сопряжение разных предметов или явлений. А. Ричардс определил метафору как «вездесущий принцип языка» [31, с. 56], а Дж. Лакофф доказал, что «метафоры это не просто фигуры речи, но и способы мышления, а сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны» [32, с. 58]. Термин «метафора» принадлежит Аристотелю и связан с его пониманием искусства как отражение жизни. Также

¹ В 1991 г. в Союзе писателей СССР было 9958 писателей. В том числе в Тульской области — 106, сто лет назад был один, Лев Толстой.

понимал искусство Платон, который наряду с метафорой широко использовал в своём творчестве ещё один художественный приём — иносказание [33].

В отличие от научных терминов, обеспечивающих многократную воспроизводимость результатов познания объекта, *художественный образ является уникальным, обозначая типичное на примере единичного*. Процесс создания образа описывает Н. Добролюбов: «Художника поражает появление нового факта в окружающей действительности. У него ещё нет теоретических соображений, которые бы могли объяснить этот факт; но он видит, что тут есть что-то особенное, заслуживающее внимания, и с жадным любопытством всматривается в самый факт, усваивает его, носит его в своей душе сначала как единичное представление, потом присоединяет к нему другие, однородные факты и образы и, наконец, создаёт тип, выражающий в себе все существенные черты всех частных явлений этого рода» [34, с. 159].

За тысячелетия цивилизационного развития изменилась материальная среда, но основополагающие потребности людей, так же, как и их достоинства и пороки, не изменились. Это подтверждается успехами пьес Аристофана — написанные более 2,5 тыс. лет назад, они не выходят из репертуара современных театров. Не столь радикально как материальные условия, изменилась социальная среда человека. Так, Аристотель употреблял термин «олигархия» в значении «власть богатых». В новейшей истории слияние политической и экономической власти было впервые показано в романе Дж. Лондона «Железная пята» (1908). Произведение описывает будущее двадцатилетие США с 1913 по 1932 г., где власть принадлежит группе политических функционеров и промышленно-финансовых магнатов. Когда в 1933 г. к власти в Германии пришли нацисты, спонсорами которых являлись такие олигархи, как Г. Крупп, Ф. Тиссен, Я. Шахт, К. Бош, М. Варбург, А. Фёглер, аналитики обратили внимание на то, что многие процессы, происходящие тогда в Германии, были предсказаны писателем. Создавая образ олигархата, Дж. Лондон сумел предугадать характерные черты этого общественного устройства, даже конкретные формы провокаций для дискредитации оппонентов и удержания власти. В романе агенты режима в феврале 1913 г. взрывают здание Конгресса США, чтобы разделаться с политическими противниками — Социалистической партией. В Германии в феврале 1933 г. агенты нацистов организуют поджог Рейхстага, чтобы получить повод для запрета главного оппонента — Коммунистической партии. Дж. Лондон предсказал и другие знаковые события. Так, в его романе в декабре 1913 г. немцы потопили 3 американских линкора на военно-морской базе США на Гавайских островах. Через 28 лет в декабре 1941 г. в ходе Второй мировой войны там же 3 американских линкора потопили японцы.

Биография Дж. Лондона с огромным диапазоном трудовой деятельности, позволяющим выработать широкий взгляд на окружающий мир, способствовала интересу к социальной проблематике, улавливанию тенденций общественного развития. К этому необходимо добавить влияние на его мировоззрение творчества К. Маркса, Ф. Ницше и особенно популярного тогда в США английского философа и социолога Г. Спенсера, о чем Дж. Лондон написал в своей статье «О писательской философии жизни» (1899). Пример Дж. Лондона, М. Горького, Дж. Оруэлла и других писателей, прошедших суровую «школу жизни», подтверждает, что социальное видение — не только природный дар, но и выработанная годами творческая функция социального субъекта.

«Железная пята» Дж. Лондона открыла новое направление в литературе, получившее название *романов-антиутопий*. Термин «утопия» происходит от названия книги Т. Мора о «наилучшем устройстве государства и новом острове Утопии» (1516). Позже, в XVII в. Т. Кампанелла в книге «Город Солнца» (1623) также описал «идеальное» общество, живущее без частной собственности. В XIX в. жанр утопии получил развитие в сочинениях социалистов-утопистов: Э. Морелли, Ш. Фурье, Ф. Ламенне, Р. Оуэна, А. Сен-Симона и др. В России концепции «идеального общества» оказали большое влияние на Н. Чернышевского, который, находясь в Петропавловской крепости, написал роман «Что делать?». Утопическая картина будущей социальной гармонии показана в знаменитом «Четвёртом сне Веры Павловны». И хотя всем утопиям было суждено стать объектом острой и справедливой критики, они повысили интерес к размышлениям о направлениях развития общества. Возникшие после Первой мировой войны фашистские режимы в Италии, Германии, Испании, Португалии, Венгрии, Румынии, глобализация военных конфликтов, создание массовых средств уничтожения человечества, рост жестокости в достижении политических целей резко усилили тревожность людей в ожидании будущего, что вызвало появление антиутопий.

Если утопии создавались как прогноз будущего общественного устройства на основе логических умозаключений, исходя из реального роста всеобщего просвещения и научно-технического прогресса, то антиутопии — как предупреждение, полученное в результате художественного метода диагностики общественных тенденций, когда симптомы этих тенденций ещё едва заметны.

К этому жанру относится знаменитый роман Е. Замятина «Мы», написанный в 1920 г., действие которого происходит в Англии, где автор, инженер-судостроитель, во время Первой мировой войны участвовал в проектировании и строительстве на верфях Ньюкасла, Глазго и Сандерленда кораблей для России. Англия, переживающая пик своего имперского могущества, была в то время самой технически развитой страной. На основе «машинизированной» Англии наблюдательный русский инженер описывает техногенное общество будущего. Роман оказался знаковым — с него началась серия антиутопий о техногенном обществе. Последовавшие затем «О дивный новый мир» О. Хаксли (1932), «Скотный двор»² (1945) и «1984» (1948) Дж. Оруэлла, «451 градус по Фаренгейту» Р. Брэдбери (1952), «Механическое пианино» (1952) К. Воннегута, описывающие будущее общество, в котором машины вытесняют людей. Эти получившие широкое признание художественные образы оказались остро востребованными для социального познания. Оруэлл в своей рецензии на книгу Замятина отметил её огромное влияние на авторов последующих антиутопий³.

Выводы и перспективы. Чем больше общество знает о себе, тем более зрым оно становится. Самопознание общества в условиях роста социально-политической и экономической турбулентности современного мира является особенно актуальной задачей, в решении которой важная роль принадлежит синтезу методов социологии как теоретической и эмпирической науки об обществе [35] и художественной литературы, обладающей своим беллетристическим гносеологическим потенциалом.

² Как и роман Замятина книга Оруэлла написана на материалах английской реальности.

³ Orwell G. Review of "WE" by E. I. Zamyatin // Tribune. London. Januar 4, 1946. P. 5–7.

Познавательная ценность художественной литературы определяется участием в процессе познания самого объекта, которому адресованы метод и образ. Психологическое различие в процессе усвоения знаний между «заставляет» и «впечатляет» точно выразил М. Вебер: «художественные образы воспринимаются лучше, чем научные понятия, захватывающие оппонента в “логические тиски”, из которых он не может вырваться, не согласившись» [36, с. 109].

Для того чтобы социальное знание сделать достоянием общества, художественная литература часто обладает большим ресурсом, чем наука. Так, воздействие на российское общество многочисленных научных публикаций о Гражданской войне, включая вышедший с 1935 по 1960 г. фундаментальный пятитомник «История Гражданской войны в СССР», созданный ведущими советскими обществоведами, безусловно уступает воздействию художественных произведений об этом событии классиков русской литературы — А. Аверченко, И. Бабеля, М. Булгакова, И. Бунина, М. Горького, А. Куприна, Б. Пастернака, А. Толстого, в том числе, отмеченному Нобелевской премией роману-эпопее М. Шолохова «Тихий Дон», изданному в нашей стране 342 раза общим тиражом свыше 23 млн экземпляров.

Можно привести и более современный пример. Опасность исламизации Западной Европы нашла отражение в научной литературе (Ю. Хабермас, К. Колдуэлл, Дж. Эспозито, Д. Браун и др.)⁴. Однако масштаб тревоги общественности за судьбу Европы наиболее осязательно показал роман-антиутопия «Мечеть Парижской богородицы» российской писательницы Е. Чудиновой (2005). Он был переведён на многие европейские языки, на его основе были сняты художественные и документальные фильмы.

В противопоставлении марксистского понятия «ложное сознание» и феноменологии эмоций заключается ещё одно достоинство художественного образа — его конкретность, а главное, чёткая метафизическая направленность, поэтому художественный образ классиков литературы отражает реальность. В то время как в общественных науках часто происходит отрыв понятия от его предмета для решения идеологических задач. Понятиями можно манипулировать, как это, например, было с «развитым социализмом» в позднесоветский период, или нынешними попытками замены прикладного статистического понятия «средний потребительский слой» на фундаментальное политэкономическое — «средний класс», или административное «номенклатура» (назначенные) на аксиологическое «элита» (лучшие в своей области). В этой связи П. Бурдьё отмечает, что уже «само обозначение социального объекта является эффективным методом управления массовым сознанием» [37, с. 203].

Прогностическую функцию познания художественная литература часто выполняет успешнее. Задолго до появления первой подводной лодки «Наутилус» прошёл 80 тыс. льё под водой в романе Ж. Верна. Полёты в космос сначала были осуществлены на страницах романа А. Толстого «Аэлита». Он же в романе «Гиперболоид инженера Гарина» предсказал изобретение лазерного луча. К. Чапек в пьесе «R.U.R.» не только предсказал появление механического человека, но и ввёл в научный оборот понятие «робот».

Научный метод исследования общества предусматривает последовательные этапы: отбор и накопление фактов, затем их анализ и формирование выводов,

⁴ Habermas J. Zur Verfassung Europas. Ein Essay. Berlin: Suhrkamp, 2011; Esposito J. L. Unholy War: Terror in the Name of Islam. Oxford University Press, 2003; Brown D. Rethinking Tradition in Modern Islamic Thought. Cambridge University Press, 1999.

на основании которых делается прогноз развития общества, часто уже устаревший, так как ситуация изменилась. Поэтому прогнозы, сделанные в произведениях художественной литературы, часто оказываются более своевременными.

В сегодняшнем мире информационного шума и управления хаосом псевдо-реальностей, торжества видео над словом, экспансии медиа, сетевых технологий и искусственного интеллекта в сферу образования, социология как наука об обществе и художественная литература остаются важнейшими институтами достоверного отражения жизни в публичных пространствах социума. В этой связи представляется своевременным и целесообразным обратиться к совсем недавнему успешному отечественному опыту организации систем массового научно-популярного просвещения и художественного литературного процесса, но уже в условиях массовых цифровых технологий и тесного сотрудничества гражданского общества и государства в интересах устойчивого развития и построения справедливого многополярного мира.

Библиографический список

1. Давыдов Ю. Н. Искусство как социологический феномен : К характеристике эстетико-политических взглядов Платона и Аристотеля. М. : Наука, 1968. 285 с.
2. Кант И. Сочинения : в 6 т. Т. 5. М. : Мысль, 1966. 562 с.
3. Кассирер Э. Познание и действительность : Понятие о субстанции и понятие о функции. СПб. : Алетейя, 1996. 437 с.
4. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М. : Республика, 1998. 410 с.
5. Хайдеггер М. Исток художественного творения. М. : Академический Проект, 2008. 527 с. EDN [QWTDYU](#).
6. Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989. 615 с.
7. Декарт Р. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1989. 654 с.
8. Роден О. Сборник статей о творчестве. М. : Прогресс, 1960. 120 с.
9. Витгенштейн Л. Культура и ценности // Даугава. 1992. № 2. С. 5–17.
10. Микеланджело. Поэзия. Письма. Суждения современников. М. : Искусство, 1983. 451 с.
11. Кант И. Сочинения : в 6 т. Т. 3: Критика чистого разума. М. : Мысль, 1964.
12. Шеллинг Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1989. 636 с.
13. Миллс Ч. Социологическое воображение. М. : Стратегия, 1998. 261 с.
14. Гидденс Э. Социология. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 703 с.
15. Беллинский В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. Т. 10: Статьи и рецензии. 1846–1848. М. : Изд-во АН СССР, 1956. 474 с.
16. Асмус В. Ф. Проблема интуиции в философии и математике : очерк истории: XVII – нач. XX в. М. : Мысль, 1965. 312 с. EDN [VQMKVJ](#).
17. Фейнберг Е. Л. Две культуры : Интуиция и логика в искусстве и науке. М. : Наука, 1992. 247 с.
18. Тесла Н. Лекции. Самара : Агни, 2008. 310 с.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. Т. 28 : Письма. 1888–1891. М. : Политиздат, 1940. 471 с.
20. Бальзак О. Собрание сочинений : в 24 т. Т. 23 : Очерки. Письма. М. : Правда, 1960. 375 с.
21. Толстой Л. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 23 : Произведения 1879–1884. М. : ХудЛит, 1957. 582 с.
22. Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Логос. 2017. Т. 27, № 2. С. 95–156. EDN [YMICCL](#).
23. Плеханов Г. В. Сочинения : в 24 т. Т. 24 : История русской общественной мысли в XIX веке (материалы). Кн. 2. От 60-х до 90-х годов. М. : Госиздат, 1927. 383 с.
24. Фрейд З. Художник и фантазирование. М. : Республика, 1995. 396 с.
25. Каку М. Космос Эйнштейна. М. : Альпина, 2016. 272 с.
26. Назаретян А. П. Психология в социальном прогнозировании: ещё раз о причинных зависимостях // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 115–129. EDN [WGEWUP](#).
27. Потебня А. А. Мысль и язык. М. : Лабиринт, 2007. 248 с.

28. Гегель Г. Эстетика : в 4 т. Т. 3. М. : Искусство, 1971. 623 с.
29. Хемингуэй Э. Избранные произведения : в 2 т. Т. 2. М. : Гослитиздат, 1959. 655 с.
30. Bloor D. Knowledge and social imagery. University of Chicago Press, 1976. 203 с.
31. Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры : сборник / Сост. Н. Д. Арутюнова. М. : Прогресс, 1990. С. 44–65.
32. Lakoff G. The Invariance hypothesis: is abstract reasoning based on image-schemas? // Cognitive Linguistics. 1990. No. 1-1. P. 39–74.
33. Геворкян А. Т. Иносказание Платона. Ереван : Айастан, 1987. 193 с.
34. Добролюбов Н. А. Темное царство. М. : Госиздат, 1923. 216 с.
35. Доган М. Социология среди социальных наук // Социологические исследования. 2010. № 10. С. 3–13. EDN MVKVUP.
36. Weber M. Schriften 1894–1922. Stuttgart : Kröner, 2002. 827 p.
37. Bourdieu P., Passeron J. La reproduction. Elements pour une theorie du systeme denseignemnt. Paris : Editions de Minuit, 1970. 279 p.

Поступила: 18.07.2025. Доработана: 30.09.2025. Принята: 21.10.2025.

Сведения об авторе:

Симонян Ренальд Хикарович, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России. Москва, Россия. simonyan.renald@yandex.ru
Author ID РИНЦ: 113226

R. H. Simonyan¹

¹ MGIMO University. Moscow, Russia

THE INTERPLAY BETWEEN SOCIOLOGY AND LITERATURE

Abstract. Knowledge of the surrounding reality has always been the most important existential need for a person, allowing them to ensure the necessary living conditions. In modern conditions of mass digital communication and artificial intelligence development, the demand for reliable social knowledge is sharply increasing, due to the dynamics of social changes and unpredictability associated with the growth of risk-generating and conflict-generating factors in the surrounding world. In these conditions, social reflection is accompanied by an expansion of the interaction of forms and practices of reflecting social reality in the information space — mass media and social networks. The author sees their task not in analyzing the social consequences of artistic works, which is the subject of the sociology of literature, but in examining the synthesis of scientific and artistic methods in social cognition as an effective tool for reflecting social processes and phenomena. On a broad source-study and factual basis, the mutual influence and enrichment of sociology and fiction are shown, forming the subject-object unity of scientific and artistic means in the cognition of society.

Keywords: fiction, methods of cognition, social reality, social forecasting, interdisciplinary approach, artistic image

For citation: Simonyan R. H. Social Knowledge: The interplay between sociology and literature. *Science. Culture. Society*. 2026;32(1):127–139. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.9>

References

1. Davydov Yu. N. Art as a sociological phenomenon: On the characterization of the aesthetic and political views of Plato and Aristotle. Moscow: Nauka; 1968. (In Russ.).
2. Kant I. Works: in 6 vols. Vol. 5. Moscow: Mysl'; 1966. (In Russ.).
3. Cassirer E. Cognition and reality: The concept of substance and the concept of function. St. Petersburg: Aleteya; 1996. (In Russ.).
4. Rickert G. Sciences of nature and sciences of culture. Moscow: Respublika; 1998. (In Russ.).

5. Heidegger M. Der Ursprung des Kunstwerkes. Moscow: Akademicheskii Proekt; 2008. (In Russ.).
6. Bart R. Selected Works: Semiotics. Poetics. Moscow: Progress; 1989. (In Russ.).
7. Descartes R. Works: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Mysl'; 1989. (In Russ.).
8. Rodin O. Collection of articles on creativity. Moscow: Progress; 1960. (In Russ.).
9. Wittgenstein L. Culture and Value. *Daugava*. 1992;(2):5–17. (In Russ.).
10. Michelangelo. Poetry. Letters. Judgments of contemporaries. Moscow: Iskusstvo; 1983. (In Russ.).
11. Kant I. Works: in 6 vols. Vol. 3: Kritik der reinen Vernunft. Moscow: Mysl'; 1964. (In Russ.).
12. Schelling F. Works: in 2 vols. Vol. 2. Moscow: Mysl'; 1989. (In Russ.).
13. Mills C. The Sociological Imagination. Moscow: Strategiya; 1998. (In Russ.).
14. Giddens A. Sociology. Moscow: Editorial URSS; 1999. (In Russ.).
15. Belinsky V. G. Complete Works: in 13 vols. Vol. 10: Articles and Reviews. 1846–1848. Moscow: AN SSSR; 1956. (In Russ.).
16. Asmus V. F. The problem of intuition in philosophy and mathematics: a historical sketch: 17th – early 20th century. Moscow: Mysl'; 1965. (In Russ.).
17. Feynberg E. L. Two cultures: intuition and logic in art and science. Moscow: Nauka; 1992. (In Russ.).
18. Tesla N. Lectures. Samara: Agni; 2008. (In Russ.).
19. Marx K., Engels F. Works: in 30 vols. Vol. 28: Letters. 1888–1891. Moscow: Politizdat; 1940. (In Russ.).
20. Balzac H. Collected Works: in 24 vols. Vol. 23 : Essays. Letters. Moscow: Pravda; 1960. (In Russ.).
21. Tolstoy L. Complete Works: in 90 vols. Vol. 23 : Works 1879–1884. Moscow: KhudLit; 1957. (In Russ.).
22. Latour B. Visualization and cognition: drawing things together. *Logos*. 2017;27(2):95–156. (In Russ.).
23. Plekhanov G. V. Works: in 24 vols. Vol. 24 : History of Russian social thought in the 19th century (materials). Book 2. From the 1860s to the 1890s. Moscow: Gosizdat; 1927. (In Russ.).
24. Freud Z. The Artist and Fantasizing. Moscow: Respublika; 1995. (In Russ.).
25. Kaku M. Einstein's Cosmos. Moscow: Al'pina; 2016. (In Russ.).
26. Nazaretyan A. P. Psychology in social forecasting: peering into the system causalities. *Voprosy Filosofii*. 2016;(7):115–130. (In Russ.).
27. Potebnya A. A. Thought and language. Moscow: Labirint; 2007. (In Russ.).
28. Hegel G. Aesthetics: in 4 vols. Vol. 3. Moscow: Iskusstvo; 1971. (In Russ.).
29. Hemingway E. Selected Works: in 2 vols. Vol. 2. Moscow: Goslitizdat; 1959. (In Russ.).
30. Bloor D. Knowledge and social imagery. University of Chicago Press; 1976.
31. Richards I. A. The Philosophy of rhetoric. In: Arutyunova N. D. (comp.) Theory of Metaphor: anthology. Moscow: Progress; 1990. P. 44–65. (In Russ.).
32. Lakoff G. The Invariance hypothesis: is abstract reasoning based on image-schemas? *Cognitive Linguistics*. 1990;1(1):39–74.
33. Gevorkyan A. T. Plato's Allegories. Yerevan: Ayastan; 1987. (In Russ.).
34. Dobrolyubov N. A. The Dark Kingdom. Moscow: Gosizdat; 1923. (In Russ.).
35. Dogan M. Sociology among social sciences. *Sociological Studies*. 2010;(10):3–14. (In Russ.).
36. Weber M. Schriften 1894–1922. Stuttgart: Kröner; 2002.
37. Bourdieu P., Passeron J. La reproduction. Elements pour une theorie du systeme d'enseignement. Paris: Editions de Minuit; 1970.

Received: 18.07.2025. Corrected: 30.09.2025. Accepted: 21.10.2025.

Author information:

Renald H. Simonyan, Doctor of Sociology, Professor, Main researcher
at the Institute for International Studies, MGIMO University. Moscow, Russia.

simonyan.renald@yandex.ru

Научная статья
DOI [10.19181/nko.2026.32.1.10](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.10)
EDN [GUGTKJ](https://edn.gugtkj.ru)
УДК 316.74:2

Н. М. Павлов¹

¹ Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН. Москва, Россия

СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВОЙ АНАЛИЗ ПРАВОСЛАВНОГО ПРИХОДА КАК ФОРМЫ ЛОКАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Аннотация. В статье обосновывается эвристический потенциал социально-сетевых анализа (SNA) для изучения православного прихода как формы локальной социальной организации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью перехода от доминировавших в российской социологии религии атрибутивных подходов (измерение индивидуальной религиозности, построение типологических групп) к структурно-аналитическому исследованию реальных конфигураций межличностных связей внутри приходской общины. Теоретической рамкой выступают концепции социального капитала (П. Бурдье, Р. Патнэм), структурной укоренённости и сетевой интеграции. На основе анализа отечественных и зарубежных исследований показано, что приход может быть интерпретирован не только как религиозная община, но и как устойчивая сеть взаимодействий, включающая формальные и неформальные связи, аффилиативные структуры и механизмы символической интеграции. Особое внимание уделяется методологическим возможностям анализа плотности, центральности, кластеризации и структурных разрывов для изучения внутренней динамики общины, распределения ролей и лидерства. Рассматривается соотношение горизонтальных и вертикальных связей, роль священнослужителя как сетевого актора, а также механизмы воспроизводства социального капитала в приходском пространстве. Отдельный раздел посвящён роли семьи и межпоколенческой передаче религиозности в контексте приходской общины. Делается вывод, что применение методов SNA позволяет преодолеть ограничения нормативно-описательных моделей и открывает новые перспективы для комплексного социологического анализа религиозных сообществ в современной России.

Ключевые слова: социально-сетевой анализ, православный приход, локальная социальная организация, социальный капитал, религиозная община, аффилиативные связи, межпоколенческая передача религиозности, социология религии, православие в России

Для цитирования: Павлов Н. М. Социально-сетевой анализ православного прихода как формы локальной социальной организации // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 1. С. 140–156. DOI [10.19181/nko.2026.32.1.10](https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.10). EDN [GUGTKJ](https://edn.gugtkj.ru).

Введение. Православный приход в современной России представляет собой не только каноническую единицу церковной организации, но и устойчивую форму локальной социальной общности, внутри которой формируются специфические структуры взаимодействия, распределения ролей и обмена ресурсами. В условиях трансформации постсоветского общества и ослабления традиционных механизмов локальной солидарности приход нередко выполняет функции социального посредника, интегратора и института поддержки, обеспечивая включённость индивидов в устойчивые сети коммуникации и взаимопомощи. В этом контексте возрастает значимость анализа прихода не только как религиозного института, но и как особого типа социальной организации, обладающей собственной структурой связей, центрами влияния и механизмами воспроизводства социального капитала.

Традиционные исследования религиозности в российской социологии религии опирались преимущественно на атрибутивные показатели: религиозную и конфессиональную самоидентификацию, частоту участия в богослужении, соблюдение обрядов и др. В более поздний период религиозность населения определялась многими религиоведами путём построения типологических групп по отношению к религии и атеизму (показатели религиозного/нерелигиозного сознания и поведения). Подобные подходы давали возможность достаточно объективно измерять уровень и степень религиозности и атеистичности населения, фиксировать направленность процессов секуляризации. Однако эти исследования не ставили своей целью анализ функционирования религиозных общин как реальных социальных структур, влияющих на укрепление религиозных убеждений верующих. Как отмечают И. В. Забаев и Е. В. Пруцкова, анализ религиозности без учёта сетевых связей верующих не позволяет выявить механизмы включённости индивида в приходскую жизнь и степень его интеграции в общину [1]. Религиозность в этом случае выступает не только как индивидуальная характеристика, но и как социальное явление, проявляющееся в структуре межличностных отношений. Это соответствует методологической рамке М. Вебера, классические труды которого заложили основы понимания взаимосвязи религии и социального действия [2].

В последние десятилетия в социологии религии усиливается интерес к социально-сетевому анализу (Social Network Analysis, SNA) как инструменту исследования религиозных сообществ. Сетевой подход позволяет рассматривать приход как совокупность акторов (священнослужителей, мирян, добровольцев, внешних партнёров) и устойчивых связей между ними, выявляя плотность взаимодействий, распределение центральности и характер лидерства.

Актуальность обращения к социально-сетевому анализу православного прихода обусловлена необходимостью перехода от описания религиозных практик к исследованию реальных структур взаимодействия, обеспечивающих воспроизводство общины как локальной социальной организации. Несмотря на наличие отдельных эмпирических работ, посвящённых анализу социального капитала православных приходов [3], целостное теоретико-методологическое осмысление прихода в терминах сетевой структуры остаётся недостаточно разработанным.

Цель настоящей статьи заключается в обосновании применимости социально- сетевого анализа для исследования православного прихода как формы локальной социальной организации и в систематизации отечественных и зарубежных подходов к изучению религиозных сетей. Для достижения поставленной цели предполагается: 1) рассмотреть теоретические основания сетевого подхода, 2) проанализировать существующие эмпирические исследования приходских сообществ и 3) определить перспективы дальнейшего применения SNA в социологии религии.

Подходы к изучению религиозности и их ограничения. Изучение религиозности в отечественной социологии имеет глубокие корни, уходящие в советский период, когда, несмотря на идеологические ограничения, сформировались фундаментальные подходы к анализу религии как социального феномена. В отличие от западной традиции, где акцент часто делался на индивидуальной вере и конфессиональной принадлежности, советская школа религиоведения, развивавшаяся в русле марксистской философии, сосредоточилась на типологиза-

ции уровней религиозности, соотношении религиозного и светского сознания, а также на изучении механизмов секуляризации. Существенный вклад в разработку данных подходов внесли Д. М. Угринович, И. Н. Яблоков, В. И. Гараджа, Р. А. Лопаткин, В. Ф. Чеснокова, позднее — Е. А. Кублицкая, С. Д. Лебедев, Ю. Ю. Синелина и др.

Д. М. Угринович в своей фундаментальной работе «Введение в теоретическое религиоведение» (1973) обосновал комплексный подход к изучению религии, выделив три ключевых аспекта: философский, социологический и психологический. Он одним из первых в советской науке поставил вопрос о структуре религиозного сознания и критериях его измерения, заложив основу для последующих эмпирических исследований [4]. И. Н. Яблоков в монографии «Социология религии» (1979) систематизировал понятийный аппарат дисциплины, разработал типологию религиозных групп и детально проанализировал функции религии в обществе, уделив особое внимание её роли как фактора социальной интеграции и регуляции поведения [5]. В. И. Гараджа в своём учебном пособии «Социология религии» (1995), обобщившем многолетний опыт преподавания, не только представил классические и современные западные теории, но и дал глубокий анализ специфики религиозной ситуации в постсоветской России [6].

Параллельно с теоретическими разработками активно развивались и эмпирические исследования. Р. А. Лопаткин, возглавлявший сектор социологии религии в Институте социологии РАН, внёс неоценимый вклад в методiku изучения религиозности, подчёркивая необходимость учёта не только самоидентификации, но и реальных практик. В работе «Социология религии в России: опыт прошлого и современные проблемы» (2010) он дал критический анализ развития дисциплины, отметив как достижения, так и методологические трудности перехода от атеистической парадигмы к объективному изучению религиозного возрождения [7]. Фундаментальные очерки по социологии религии были предложены Л. Н. Митрохиным, который в своей монографии «Религия и культура (философские очерки)» (2000) проанализировал роль религии в современном обществе, её взаимодействие с культурой и социальными институтами [8].

Особое место в истории отечественной социологии религии занимает В. Ф. Чеснокова. Её монография «Тесным путём: процесс воцерковления населения России в конце XX века» (2009) стала результатом многолетних эмпирических исследований и предложила оригинальную методiku измерения глубины религиозности — так называемый «индекс воцерковлённости» (В-индекс). В. Ф. Чеснокова не просто фиксировала процент верующих, но стремилась выявить реально практикующих, «воцерковлённых» людей, для которых вера является системообразующим элементом жизни. Её подход позволил эмпирически зафиксировать неоднородность православной идентичности в России и показать, что процесс воцерковления, начавшийся после 1991 года, носит сложный и нелинейный характер [9].

Отдельного внимания заслуживают работы Е. А. Кублицкой в области эмпирической традиции изучения религиозности. Уже в начале 1990-х годов в статье «Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения» [10] она одной из первых в постсоветской социологии обратилась к анализу новых религиозных явлений, выходящих за рамки традиционной религиозности. Исследуя феномен нетрадиционной религиозности, автор показала, что интерес к новым культам и эзотерическим практикам был характерен

преимущественно для городского населения (в частности, социальной группы интеллигенции) и связан с поиском новой религиозной идентичности в условиях мировоззренческого кризиса переходного периода.

В работе «Особенности религиозности в современной России» [11] Кублицкая продолжает развивать методологический подход советских социологов-религиоведов, основанный на необходимости сочетания показателей религиозного сознания и религиозного поведения при определении типологической группы убеждённых верующих («воцерковлённых»). Предложенная ею система эмпирических индикаторов включала как показатели религиозной самоидентификации и веры в Бога, так и конкретную культовую деятельность: посещение храма, участие в таинствах, соблюдение постов. Такой подход позволял не просто фиксировать декларируемую религиозность, но и выявлять её реальную глубину, отделяя «культурных» верующих от «практикующих» верующих.

Наиболее масштабное исследование, обобщающее тридцатилетнюю динамику, было выполнено Е. А. Кублицкой в соавторстве с М. М. Назаровым [12]. На материалах репрезентативных опросов в столичном мегаполисе авторы показали, что, несмотря на стабильно высокий уровень религиозной самоидентификации (около половины населения), доля реально воцерковлённых верующих, сочетающих религиозное сознание, религиозную мотивацию и поведение, существенно ниже и в последние годы составляет 6–8%. Мотивы участия в обрядах при этом носят преимущественно общекультурный характер, определяясь семейными и национальными традициями. Эти результаты стали важным вкладом в дискуссию о качественных характеристиках постсоветского религиозного возрождения.

Значительный вклад в разработку критериев религиозности внесла Ю. Ю. Синелина. В своей работе «О критериях определения религиозности населения» (2001) она предложила подход, основанный на выделении типологических групп по степени вовлечённости в религиозную практику [13].

Тенденция виртуализации религиозных общин в её связи с трансформацией методологического фокуса социологии религии рассматривается в работе С. Д. Лебедева [14]. Автор показывает логику развития социологической интерпретации феномена религиозности: по мере массовой виртуализации религиозных сообществ, рефлексия типичного верующего переходит от отображения жизни сообщества к её воображаемому конструированию, а рефлексия социолога, напротив, переключается «с (ре)конструирования схемы изучаемой религиозности на её реагирующее отображение» [14, с. 98–99]. Последнее предполагает расширенное применение качественных методов исследования.

Существенным шагом вперёд на этом пути стала разработка интегративных моделей измерения религиозности, учитывающих когнитивные, поведенческие и аффективные компоненты. Одной из наиболее известных является Шкала центральности религиозности (Centrality of Religiosity Scale, CRS), предложенная С. Хубером, в которой религиозность понимается как степень центральности религиозных конструктов в структуре личности [15]. Русскоязычная версия шкалы CRS представлена в переводе Е. В. Пруцковой и К. В. Маркина [16]. Данный инструмент позволил перейти от одномерных индикаторов к многомерной модели, включающей интеллектуальный, идеологический, публично-практический, приватно-практический и опытный компоненты. В дальнейшем предпринимались попытки адаптации шкалы к различным культурным контекстам, включая российский. М. Кастельс, анализируя становление сетевых структур,

отмечает изменение социальной организации в информационную эпоху [17]. Фундаментальный анализ трансформации социальной структуры в информационную эпоху представлен в его более ранней работе «The Rise of the Network Society» [18]. Т. Парсонс рассматривал общество как систему, что созвучно сетевому анализу социальных структур [19].

Следует отметить, что интегративные модели, подобные шкале центральности религиозности С. Хубера, во многом продолжают традицию измерения индивидуального уровня веры, хотя и в более сложной многомерной форме. Э. Дюркгейм в работе «Элементарные формы религиозной жизни» подчёркивал социальную природу религии [20]. В отечественной социологии религии аналогичная задача, как уже нами указывалось, решалась через построение типологических групп по степени религиозности, включая критерии регулярности культовой практики, принятия догматических положений и субъективной значимости религии. При этом формирование групп осуществлялось либо по принципу совмещения нескольких индикаторов (компонитные индексы), либо через выделение уровней воцерковлённости, предполагающих сочетание поведенческих и ценностных показателей.

Однако даже многомерные модели индивидуальной религиозности сохраняют методологическое ограничение: они фиксируют религию как свойство индивида, но не позволяют описать структуру социальных связей, в которых эта религиозность реализуется. В этой связи в отечественной социологии религии возникла необходимость дополнения атрибутивных измерений анализом социального компонента веры. Е. В. Пруцкова в исследовании «Social vs. Individual Centrality of Religiosity» подчёркивает, что религиозность может рассматриваться не только как индивидуальная характеристика, но и как социальное явление, укоренённое в системе межличностных связей [21]. Предложенная ею модификация шкалы CRS (CRS-SOC) включает социальное измерение религиозности, связанное с включённостью индивида в религиозную группу и значимостью религиозных контактов в его повседневной жизни. Авторы указывают на необходимость учитывать сетевую природу религиозной принадлежности, подчёркивая, что принадлежность к приходу не исчерпывается посещением богослужений; она предполагает наличие устойчивых социальных связей внутри общины [1]. Вне анализа этих связей невозможно адекватно оценить степень интеграции индивида в приходскую жизнь. Более того, эмпирические исследования показывают, что именно плотность социальных контактов внутри религиозной группы способствует укреплению религиозной идентичности и устойчивости практик.

Доминирование индивидуально-ориентированных методов измерения религиозности приводит к методологическому разрыву между описанием веры как личного убеждения и анализом религиозной общины как социальной структуры. Для преодоления этого разрыва требуется переход к инструментарию, способному зафиксировать конфигурацию связей между членами прихода, распределение ролей и каналов взаимодействия. Социально-сетевой анализ предоставляет такие возможности, позволяя интерпретировать религиозность не только как характеристику субъекта, но и как феномен, встроенный в систему социальных отношений. В этом смысле обращение к SNA становится логическим продолжением развития методологии изучения религии и необходимым условием комплексного анализа православного прихода как формы локальной социальной организации.

Православный приход как объект социологического анализа. Православный приход в социологической перспективе может быть рассмотрен как устойчивая локальная общность, обладающая собственной структурой ролей, норм и механизмов интеграции. Исторически приход формировался как территориально организованная церковная единица, объединяющая верующих вокруг храма и его настоятеля. Однако его социальное значение выходит за пределы богослужебной функции.

Современный православный приход сочетает в себе несколько уровней социальной организации. Во-первых, это формальная иерархия, закреплённая канонической структурой Русской православной церкви: настоятель, клирики, приходской совет, сотрудники храма. Во-вторых, это неформальные горизонтальные связи между прихожанами, возникающие в процессе совместной литургической, образовательной и социальной деятельности. Именно второй уровень зачастую оказывается ключевым для понимания реального функционирования общины, поскольку формальные институциональные рамки не исчерпывают всей совокупности взаимодействий внутри прихода. Как показывают исследования И. В. Забаева, Д. Л. Орешниной и Е. В. Пруцковой, интенсивность горизонтальных связей и распределение социальных ролей существенно влияют на объём социального капитала приходской общины [3].

Приходская община выполняет ряд функций, выходящих за пределы литургической жизни. Помимо богослужения, приход организует катехизические курсы, воскресные школы, молодёжные клубы, благотворительные проекты, волонтёрские инициативы. Через эти формы активности формируются устойчивые коммуникативные каналы, в рамках которых осуществляется обмен информацией, ресурсами и символическими значениями. Социологически важно, что данные взаимодействия создают условия для формирования доверия и взаимной поддержки, что позволяет рассматривать приход как источник социального капитала. Концептуальные основания анализа социального капитала были заложены П. Бурдье, рассматривавшим капитал в его экономической, культурной и социальной формах [22]. В контексте концепции Р. Патнэма религиозные общины традиционно рассматриваются как один из ключевых генераторов «связывающего» и «объединяющего» социального капитала, способствующего укреплению гражданской солидарности [23].

Особенность православного прихода как объекта анализа заключается в сочетании вертикальной и горизонтальной логик организации. С одной стороны, настоятель обладает каноническим и символическим авторитетом, что формирует выраженную вертикаль власти. С другой стороны, реальная приходская жизнь часто строится на распределённой системе участия мирян в социальной и просветительской деятельности. Эмпирические исследования показывают, что степень делегирования функций мирянам влияет на плотность сетевых связей и характер распределения центральности в структуре общины [1]. В приходах с более выраженной горизонтальной вовлечённостью формируется более плотная сеть взаимодействий, тогда как в общинах с доминирующей ролью настоятеля структура сети оказывается более централизованной.

Кроме того, православный приход функционирует не изолированно, а в контексте более широкой социальной среды. Он взаимодействует с образовательными учреждениями, благотворительными фондами, муниципальными структурами, другими религиозными организациями. Эти внешние связи расширяют границы приходской сети и позволяют говорить о приходе как о «узле» в более

широкой системе социальных отношений. Подобная многоуровневая структура делает приход удобным объектом для анализа в терминах сетевой теории, поскольку она позволяет выявить не только внутреннюю конфигурацию связей, но и положение общины в локальном социальном пространстве.

Семья и межпоколенческая передача религиозности в контексте приходской общины. Семья является первичным и наиболее значимым агентом религиозной социализации. Именно в семье закладываются основы религиозной идентичности, формируются первые представления о вере, ритуалах и нормах поведения. Вопрос о связи религии и родительства приобретает особую актуальность в современной России в связи с тем, что к первому поколению верующих, пришедших к вере в постсоветский период через индивидуальное обращение, добавляются и постепенно приходят им на смену верующие во втором и даже третьем поколениях. Представителей этих поколений отличает сам характер религиозной социализации: если для первых она была «вторичной», происходила во взрослом возрасте и часто вопреки секулярному окружению, то для вторых и третьих она может быть «первичной», естественным образом усваиваемой с детства в семейном кругу.

Зарубежные исследования убедительно демонстрируют, что религиозность родителей является основным предиктором религиозности детей [24; 25; 26]. Однако процесс передачи веры не является механическим. Ряд факторов может как усиливать, так и ослаблять эту трансляцию. К числу усиливающих факторов относятся: тёплые и доверительные отношения между членами семьи, традиционная структура семьи, совместное обсуждение религиозных тем и, что особенно важно, совместное участие в религиозных практиках [27; 28]. Ослаблять передачу могут, напротив, конфликты, развод родителей, а также чрезмерное давление и религиозный фундаментализм, способные вызвать у детей реакцию отторжения [25].

В фокусе внимания современных исследователей всё чаще оказывается не только нуклеарная семья (родители и дети), но и роль расширенной семьи, особенно бабушек и дедушек. Многочисленные исследования подтверждают, что религиозность передаётся не только напрямую, но и через поколение. В российском контексте этот канал имел критическое значение в советский период. Как отмечает В. Г. Безрогов, сохранению и воспроизводству религиозности в условиях государственного атеизма помогали именно глубокие семейные традиции, когда коммуникация между самым молодым и самым старшим поколениями происходила «через голову» занятых на работе и в общественной жизни атеистов-взрослых [29]. Бабушки и дедушки выступали своего рода «тайными агентами» веры, обеспечивая связь с дореволюционной религиозной культурой.

Роль социального окружения, выходящего за пределы семьи, также является предметом активной дискуссии. Если одни исследователи полагают, что в более религиозных странах общий контекст важнее усилий отдельных семей [30], то другие доказывают универсальность влияния семьи независимо от национального контекста [31]. Очевидно, что оба фактора действуют в комплексе. Особое значение в этой связи приобретает приходская община, которая может рассматриваться как «расширенная семья» или сеть поддержки, усиливающая и закрепляющая те ценности и практики, которые ребёнок усваивает дома.

Наиболее репрезентативные для России количественные данные о **процессах межпоколенческой передачи религиозности** были получены в исследова-

нии Е. В. Пруцковой, М. Д. Байкова и автора данной публикации (Н. М. Павлова), основанном на опросах прихожан 14 храмов Русской православной церкви в 2012–2024 гг. (общая выборка — 1393 респондента) [32]. Результаты этого исследования убедительно показывают, что успешность передачи религиозности детям зависит не только от практик внутри нуклеарной семьи (регулярное посещение служб родителями повышает шансы на воцерковление детей более чем в два раза), но и от целого ряда социальных факторов. Во-первых, подтверждается значимая роль старшего поколения: регулярная религиозная практика бабушек и дедушек вдвое повышает вероятность того, что внуки будут воцерковлены, даже с учётом религиозности самих родителей. Во-вторых, выявляется влияние более широкого социального окружения: наличие друзей семьи, регулярно посещающих церковь, повышает шансы на передачу веры детям в полтора раза. В-третьих, важным фактором оказывается субъективное ощущение принадлежности семьи к приходской общине.

Эти данные позволяют сделать важный теоретический вывод: приходская община и семья в процессе религиозной социализации выступают не как альтернативные, а как взаимодополняющие и усиливающие друг друга институты. «Сакральный индивидуализм», при котором церковь воспринимается лишь как место для индивидуальной молитвы, а не как сообщество [33], оказывается менее эффективной стратегией для передачи веры следующим поколениям. Напротив, включённость семьи в более плотные социальные сети единоверцев — будь то через дружеские связи или активное участие в жизни общины — создаёт устойчивую поддерживающую среду, способную компенсировать секулярные влияния извне.

Социально-сетевой анализ в религиоведении: теоретические основания.

Социально-сетевой анализ (Social Network Analysis, SNA) сформировался на стыке социологии, социальной психологии и математической теории графов как направление, ориентированное на изучение структуры отношений между акторами. В отличие от атрибутивных подходов, сосредоточенных на характеристиках индивидов, сетевой анализ рассматривает социальную реальность как совокупность узлов и связей, где ключевым предметом анализа становится конфигурация взаимодействий. Классические работы М. Грановеттера показали, что именно структура связей, а не только их интенсивность, определяет распространение информации и формирование возможностей социальной мобильности [34]. Концепция «слабых связей» продемонстрировала, что периферийные контакты могут играть решающую роль в интеграции индивида в более широкие социальные структуры.

Дальнейшее развитие сетевой теории связано с концепцией «структурных дыр» Р. Бёрта, согласно которой акторы, занимающие промежуточные позиции между несвязанными группами, обладают преимуществом в доступе к ресурсам и информации [35]. Эти положения имеют непосредственное значение для анализа религиозных общин, где определённые участники (например, активные миряне или координаторы социальных проектов) могут выступать посредниками между различными кластерами прихода или между приходом и внешней средой. Таким образом, сетевые метрики — степень центральности, посредничество, плотность, коэффициент кластеризации — позволяют эмпирически зафиксировать распределение влияния и характер интеграции внутри общины. Методологические принципы структурного анализа как самостоятельного направления были сформулированы Б. Уэллманом [36].

В религиоведении сетевой подход получил развитие сравнительно недавно, однако его потенциал оказался значительным. Исследования показывают, что религиозная принадлежность часто формируется и поддерживается через межличностные контакты, а процессы обращения и вовлечения в церковную жизнь носят выражено сетевой характер. Как подчёркивает Р. Старк, религиозная конверсия в значительной степени обусловлена наличием личных связей с членами религиозной группы [37]. Следовательно, анализ структуры этих связей становится ключом к пониманию динамики религиозных сообществ. Детальное описание этих и других показателей сетевой структуры представлено в фундаментальном труде С. Вассермана и К. Фауст [38].

Применимость сетевого подхода к анализу православных приходов убедительно продемонстрирована в работах И. В. Забаева, Д. Л. Орешинной и Е. В. Пруцковой [3]. Детальный анализ этих исследований представлен в соответствующем разделе настоящей статьи.

Теоретическое значение социально-сетевого анализа для религиоведения заключается в переопределении самой оптики исследования: религиозность рассматривается не только как совокупность убеждений и практик, но и как система отношений, через которую осуществляется передача норм, ценностей и символических смыслов. Православный приход в этом контексте выступает как узел пересечения множества связей — литургических, коммуникативных, благотворительных, образовательных. Сетевой подход позволяет эмпирически зафиксировать степень интеграции общины, выявить её ядро и периферию, а также определить механизмы распределения влияния и ответственности.

Зарубежные исследования сетей религиозных сообществ. Зарубежная социология религии накопила значительный эмпирический материал, демонстрирующий продуктивность социально-сетевого анализа в исследовании религиозных сообществ. Уже в середине XX века в работе Дж. Барнса, посвящённой норвежскому островному приходу, была предпринята попытка описать социальную структуру локальной общины через систему пересекающихся связей, выходящих за пределы формальной иерархии [39]. Это исследование показало, что церковная организация не исчерпывается административной структурой, а включает в себя сложную сеть родственных, профессиональных и соседских контактов, формирующих реальную ткань общины. Тем самым был заложен методологический фундамент для дальнейшего анализа религиозных групп как сетевых образований.

В последующие десятилетия развитие сетевой теории позволило более системно применять количественные методы к изучению религиозных организаций. Одним из ключевых направлений стало исследование процессов религиозной конверсии и вовлечения через призму межличностных связей. Р. Старк, анализируя рост раннехристианских общин, показал, что распространение новой религии во многом происходило через плотные социальные сети, а не через абстрактную проповедь [37]. Конверсия, согласно его выводам, была тесно связана с существующими социальными контактами, что подтверждает сетевой характер религиозной динамики.

Современные исследования приходских структур в католических и протестантских общинах США демонстрируют использование формализованных сетевых метрик для анализа лидерства, коммуникации и распределения власти. В работе Н. Тодда и соавт., посвящённой католическим приходам, были карти-

рованы сети обсуждения и сотрудничества между членами приходских команд [40]. Авторы выявили различия между централизованной моделью, где ключевые решения концентрируются вокруг настоятеля или небольшой группы лидеров, и более распределённой моделью, характеризующейся множественными центрами влияния. Результаты показали, что структура сети напрямую связана с эффективностью реализации социальных программ и устойчивостью организационных изменений. Влияние плотности дружеских связей внутри религиозной общины на религиозные убеждения и практики анализируется С. Стропом [41].

Отдельное направление зарубежных исследований связано с анализом религиозных общин как источников социального капитала. Работы Р. Патнэма подчёркивают, что религиозные организации выступают важнейшими генераторами гражданского участия и доверия [23]. В рамках сетевого анализа это положение конкретизируется через измерение плотности внутригрупповых связей и наличия мостовых контактов, связывающих религиозную общину с более широким социальным окружением. Таким образом, религиозная община рассматривается не только как «связывающая» (bonding) сеть, укрепляющая внутреннюю солидарность, но и как «мостовая» (bridging) структура, обеспечивающая интеграцию в общество. Эмпирическое подтверждение связи религиозных сетей с гражданской активностью и добрососедскими отношениями представлено в исследовании В. Льюис и соавторов [42].

В последние годы внимание исследователей привлекает и цифровое измерение религиозных сетей. Изучаются онлайн-сообщества, приходские группы в социальных сетях и формы виртуального взаимодействия верующих. Хотя данные исследования чаще сосредоточены на протестантских и евангельских сообществах, они демонстрируют расширение сетевой логики религиозной жизни за пределы физического пространства прихода. Цифровые коммуникации дополняют офлайн-сети, создавая гибридные формы религиозной организации, где онлайн- и офлайн-взаимодействия образуют единую структуру связей.

Отечественные исследования приходских сетей. В российской социологии религии систематическое применение социально- сетевого анализа к изучению православных приходов начало формироваться в 2010-е годы. Существенный вклад в разработку данного направления внесли И. В. Забаев, Д. Л. Орешина и Е. В. Пруцкова, предложившие рассматривать православный приход как эмпирически фиксируемую сеть социальных связей, а не исключительно как каноническую или институциональную единицу [1; 3]. Их исследования стали одними из первых попыток интегрировать инструментарий SNA в анализ русской православной общины и продемонстрировали продуктивность сочетания количественных сетевых методов с качественными интервью.

В работе 2013 года Забаев и Пруцкова обосновали возможность применения анализа социальных сетей к приходской среде, предложив различать формальное членство и реальную включённость в сеть общины [1]. Эмпирической основой исследования выступили данные опроса прихожан одного из городских приходов (объём выборки — свыше 100 человек; метод — анкетирование с элементами сетевого картирования; 2011–2012 гг.), что позволило впервые в российском контексте построить модель реальной структуры межличностных связей внутри православной общины. Авторы показали, что приходская принадлежность не сводится к посещению богослужений или самоидентификации, а предполагает наличие устойчивых связей с другими членами общины. Сетевой подход позволил

зафиксировать различия между периферийными и центральными участниками прихода, выявить плотность взаимодействий и определить структурные характеристики, влияющие на степень вовлечённости верующих.

Дальнейшее развитие этого направления связано с исследованием социального капитала православных приходов. В коллективной работе 2014 года авторы представили результаты эмпирического анализа православных приходов, основанного на опросе прихожан и построении сетевых моделей (эмпирическая база: несколько приходов Русской православной церкви в крупных городах России; объект — социальные связи прихожан; метод — анкетирование с генераторами имён и последующий сетевой анализ; объём выборки — более 300 респондентов; 2012–2013 гг.) [3]. Были рассмотрены как эго-сети отдельных верующих, отражающие их личные контакты внутри и вне прихода, так и полные сети общин, фиксирующие совокупность внутренних связей. Подобная методология позволила выявить различия в степени централизации приходов, уровне горизонтальной кооперации и объёме ресурсов взаимопомощи.

Особое внимание в отечественных исследованиях уделяется роли настоятеля в структуре сети. Эмпирические данные показывают, что характер распределения функций между священнослужителями и мирянами влияет на конфигурацию приходской сети. В общинах, где настоятель активно делегирует социальную и организационную деятельность мирянам, наблюдается более распределённая структура связей и формирование нескольких центров активности. В противоположность этому, в приходах с выраженной вертикальной моделью управления сеть оказывается более централизованной, а её устойчивость во многом зависит от одного ключевого актора.

Важным направлением российских исследований стало также изучение социальных проектов при приходах как механизма расширения сетей. Показано, что благотворительная и просветительская деятельность способствует вовлечению в приходскую среду лиц, не относящихся к числу постоянных прихожан, тем самым расширяя границы сети и формируя мостовые связи с локальным сообществом. Это позволяет рассматривать приход как элемент более широкой социальной инфраструктуры, встроенной в региональное пространство.

Отдельный интерес представляет работа С. Д. Лебедева и В. В. Сухорукова (2013), которая, хотя и не является сетевым исследованием в строгом смысле, заложила критическую основу для дискуссии о корректности измерения глубины церковности. Авторы подвергли математическому и содержательному анализу индекс воцерковлённости В. Ф. Чесноковой, показав его ограничения и предложив способы корректировки инструментария. Эта работа важна тем, что она стимулировала поиск более сложных, многомерных моделей анализа, учитывающих не только атрибутивные признаки верующих, но и конфигурацию их социальных взаимодействий [43].

Типы сетевых моделей в анализе прихода. Применение социально- сетевого анализа к исследованию православного прихода предполагает выбор адекватной модели представления эмпирических данных. В зависимости от исследовательской задачи могут использоваться различные типы сетей — одномодальные и бимодальные, полные и эго-сети, сети взаимодействия, коммуникации или участия в совместной деятельности. Корректный выбор модели определяет аналитический потенциал исследования и характер получаемых выводов.

Одним из распространённых вариантов является построение бимодальных (двухрежимных) сетей, в которых фиксируются связи между прихожанами и формами деятельности (богослужение, социальная помощь, катехизация, молодёжные встречи и др.). Такая модель позволяет выявить, какие виды активности выступают центрами притяжения и какие группы участников формируются вокруг них. Преобразование бимодальной сети в одномодальную (например, «прихожане — прихожане» через совместное участие) даёт возможность оценить плотность взаимодействий и выявить кластеры внутри общины. Подобная методологическая логика использовалась в отечественных исследованиях социального капитала православных приходов [3], где анализировались как индивидуальные включённости, так и общая структура сети.

Одномодальные сети взаимодействия между прихожанами позволяют более детально изучить структуру межличностных связей. В таких моделях узлами выступают члены общины, а рёбра отражают различные типы отношений — общение, совместная деятельность, взаимопомощь. Анализ подобных сетей предполагает расчёт ключевых метрик: степени центральности (*degree centrality*), отражающей количество связей актора; близости (*closeness centrality*), характеризующей доступ к другим участникам сети; посредничества (*betweenness centrality*), показывающего способность актора соединять разрозненные части структуры. Использование этих показателей позволяет эмпирически определить ядро и периферию общины, выявить лидеров мнений и посредников между различными группами.

Особое значение имеет анализ степени централизации всей сети. Высокий уровень централизации свидетельствует о доминировании одного или нескольких ключевых акторов, тогда как более равномерное распределение связей указывает на горизонтальный характер взаимодействий. В контексте православного прихода это позволяет оценить соотношение вертикальной и горизонтальной логики организации. Исследования показывают, что в приходах с активным делегированием функций мирянам структура сети становится менее централизованной и более устойчивой к выпадению отдельных участников [1].

Наряду с полными сетями значимым инструментом остаётся анализ эго-сетей. Эго-сеть фиксирует круг контактов конкретного прихожанина и позволяет оценить его степень интеграции в общину. Такой подход особенно продуктивен при изучении социальной поддержки и механизмов вовлечения новых членов. Сопоставление эго-сетей различных категорий прихожан (например, активных волонтеров и периферийных участников) позволяет выявить различия в плотности и качестве связей, а также оценить ресурсы взаимопомощи внутри общины.

Перспективным направлением является также анализ межорганизационных сетей, в которых приход рассматривается как узел, взаимодействующий с другими институтами — образовательными, благотворительными, муниципальными структурами. Подобные модели позволяют выявить «мостовые» связи, обеспечивающие интеграцию прихода в локальное сообщество и формирование внешнего социального капитала. В этом случае приход выступает не только как внутренняя сеть, но и как элемент более широкой социальной конфигурации.

Перспективы и ограничения социально-сетевого подхода. Применение социально-сетевого анализа к исследованию православного прихода открывает значительные аналитические возможности, однако сопряжено с рядом методологических и эмпирических ограничений. Прежде всего, сетевой подход позво-

ляет перейти от описания религиозных практик к исследованию структур взаимодействия, выявляя механизмы интеграции, распределения влияния и воспроизводства общины. Благодаря использованию формализованных метрик центральности, плотности и кластеризации становится возможным эмпирически зафиксировать различия между приходами по степени горизонтальности, вовлечённости мирян и устойчивости организационной структуры. В этом смысле SNA выступает инструментом операционализации таких категорий, как социальный капитал и приходская интеграция [3].

Перспективным направлением является интеграция сетевого анализа с инструментами измерения религиозности. Модификация шкалы центральности религиозности, предложенная Е. В. Пруцковой, учитывающая социальный компонент религиозности, демонстрирует возможность соединения атрибутивных и структурных измерений [21]. Комбинация данных о центральности религии в жизни индивида с информацией о его сетевой позиции внутри прихода позволяет выявлять взаимосвязь между личной религиозной мотивацией и степенью социальной включённости. Это создаёт условия для более комплексного анализа религиозной жизни как единства убеждений, практик и социальных отношений.

Вместе с тем использование SNA в религиозной среде сталкивается с рядом ограничений. Во-первых, сбор данных о межличностных связях требует высокой степени доверия со стороны участников исследования. Приходская среда нередко характеризуется приватностью коммуникаций и осторожным отношением к внешнему наблюдению, что может затруднять получение полной информации о структуре связей. Во-вторых, формализованная фиксация отношений неизбежно упрощает сложную символическую и духовную составляющую религиозной жизни. Сетевые модели отражают частоту и направленность взаимодействий, но не всегда позволяют адекватно учесть глубину духовных связей, значение литургического опыта или роль сакральных практик.

Дополнительное ограничение связано с масштабируемостью исследований. Построение полных сетей требует значительных ресурсов и относительно компактных сообществ, тогда как крупные городские приходы или межприходские объединения создают сложности для полного картирования структуры. В этих условиях особое значение приобретают выборочные методы и анализ эго-сетей, позволяющие частично компенсировать невозможность охвата всей совокупности акторов.

Тем не менее, перспективы развития данного направления остаются значительными. Расширение эмпирической базы, сопоставление приходов различных типов (городских и сельских, «социально активных» и литургически ориентированных), а также использование цифровых инструментов визуализации и анализа данных позволяют углублять понимание православного прихода как формы локальной социальной организации. Включение межорганизационных и цифровых сетей в анализ открывает возможность изучения гибридных структур, объединяющих офлайн- и онлайн-взаимодействия.

Заключение. Проведённый обзор отечественных и зарубежных исследований позволяет утверждать, что социально-сетевой анализ формирует продуктивную методологическую рамку для изучения православного прихода как формы локальной социальной организации. В отличие от атрибутивных подходов, сосредоточенных на индивидуальных характеристиках верующих, сетевой подход смещает аналитический фокус на структуру связей, обеспечивающих

воспроизводство общины, распределение ролей и циркуляцию ресурсов. Тем самым приход предстаёт не только как каноническая единица церковной структуры, но и как динамическая система взаимодействий, в которой сочетаются элементы иерархии и горизонтальной кооперации.

Работы, посвящённые религиозной конверсии и формированию социального капитала, подтверждают, что межличностные связи играют ключевую роль в интеграции индивидов в религиозную среду [37; 23]. Отечественные исследования православных приходов продемонстрировали применимость аналогичного инструментария к российскому контексту и позволили эмпирически выявить различия в степени централизации, плотности связей и распределении функций между священнослужителями и мирянами [1; 3].

Обобщая представленные подходы, можно утверждать, что православный приход обладает характеристиками сетевой организации, в которой устойчивость и эффективность во многом определяются структурой взаимодействий. Делегирование функций мирянам, развитие социальных проектов и расширение внешних связей способствуют формированию более плотных и распределённых сетей, что увеличивает объём социального капитала общины. В этом смысле приход выступает важным элементом локального социального пространства, обеспечивая механизмы интеграции, поддержки и передачи ценностей.

Вместе с тем дальнейшее развитие данного направления требует методологического синтеза сетевого анализа с инструментами измерения религиозности и качественными методами исследования. Интеграция атрибутивных и структурных измерений позволит более полно раскрыть взаимосвязь между личной религиозной мотивацией и степенью социальной включённости. Перспективным представляется также расширение сравнительных исследований, сопоставляющих приходы различных типов и регионов.

Таким образом, социально-сетевой анализ открывает новые возможности для социологии религии, позволяя рассматривать православный приход как сложную систему социальных связей, встроенную в локальное сообщество. Его использование способствует углублению понимания механизмов функционирования религиозных организаций и формирует основу для дальнейших эмпирических исследований в данной области.

Библиографический список / References

1. *Забаяев И. В., Пруцкова Е. В.* Социальная сеть православной приходской общины: возможности применения анализа социальных сетей в социологии религии // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. 2013. № 4. С. 120–136. EDN [RCKLEF](#).
Zabaev I. V., Prutskova E. V. The social network of the orthodox parish community: possibilities for applying the analysis of social networks to the sociology of religion. *St. Tikhon's University Review. Series I: Theology, Philosophy, Religious Studies*. 2013;(4):120–136. (In Russ.).
2. *Вебер М.* Избранное: Протестантская этика и дух капитализма : пер. с нем. 2-е изд., доп. и испр. М. : РОССПЭН, 2006. 656 с. EDN [QOFMGL](#).
Weber M. *Selected Works: Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus*. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN; 2006. (In Russ.).
3. *Забаяев И. В., Орешина Д. А., Пруцкова Е. В.* Социальный капитал русского православия в начале XXI в.: исследование с помощью методов социально- сетевого анализа // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2014. Т. 32, № 1. С. 40–66. EDN [SBNPHF](#).
Zabaev I., Oreshina D., Prutskova E. Social capital of the Russian Orthodox Christianity in the early 21st century: applying social network analysis. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2014;32(1):40–66. (In Russ.).

4. Угринович Д. М. Введение в теоретическое религиоведение. М. : Мысль, 1973. 239 с. Ugrinovich D. M. Introduction to theoretical religious studies. Moscow: Mysl'; 1973. (In Russ.).
5. Яблоков И. Н. Социология религии. М. : Мысль, 1979. 184 с. Yablokov I. N. Sociology of religion. Moscow: Mysl', 1979. (In Russ.).
6. Гараджа В. И. Социология религии: учебное пособие для студентов и аспирантов гуманитарных специальностей. М. : Наука, 1995. 223 с. Garadzha V. I. Sociology of religion: a textbook for undergraduate and graduate students in the humanities. Moscow: Nauka, 1995. (In Russ.).
7. Лопаткин Р. А. Социология религии в России: опыт прошлого и современные проблемы // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2010. Т. 28, № 4. С. 266–272. EDN [PFGRPB](#). Lopatkin R. A. Sociology of religion in Russia: past experience and contemporary problems. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2010;28(4):266–272. (In Russ.).
8. Митрохин Л. Н. Религия и культура (философские очерки). М. : ИФРАН, 2000. 318 с. Mitrokhin L. N. Religion and culture (philosophical essays). Moscow: IFRAN; 2000. (In Russ.).
9. Чеснокова В. Ф. Тесным путём: процесс воцерковления населения России в конце XX века. М. : Академический проект, 2009. 304 с. Chesnokova V. F. By a narrow path: the process of church integration among Russia's population in the late 20th century. Moscow: Akademicheskyy Proekt, 2009. (In Russ.).
10. Кублицкая Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95–103. EDN [BGWJUG](#). Kublitskaya E. A. Traditional and non-traditional religiosity: the experience of sociological research. *Sociological Studies*. 1990;(5):95–103. (In Russ.).
11. Кублицкая Е. А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 96–107. EDN [JZFQOZ](#). Kublitskaya E. A. Specifics of religiosity studies in contemporary Russia. *Sociological Studies*. 2009;(4):96–107. (In Russ.).
12. Kublitskaya E. A., Nazarov M. M. The dynamics of religiosity in modern Russia based on studies in the metropolitan area. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2019;89(6):608–614. DOI [10.1134/S1019331619060091](#). EDN [DTPMJL](#).
13. Синелина Ю. Ю. О критериях определения религиозности населения // Социологические исследования. 2001. № 7. С. 89–96. Sinelina Yu. Yu. On the criteria for determining the religiosity of the population. *Sociological Studies*. 2001;(7):89–96. (In Russ.).
14. Лебедев С. Д. Виртуализация религиозного сообщества как ключ к пониманию эволюции социологических концепций религиозности // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4, № 3. С. 85–104. DOI [10.24833/2541-8831-2020-3-15-85-104](#). EDN [WNOTCA](#). Lebedev S. D. Virtualization of religious communities as a key tool to understanding the evolution of sociological concepts of religiosity. *Concept: philosophy, religion, culture*. 2020;4(3):85–104. (In Russ.). DOI [10.24833/2541-8831-2020-3-15-85-104](#).
15. Huber S., Huber O. W. The centrality of religiosity scale (CRS). *Religions*. 2012;3(3):710–724. DOI [10.3390/rel3030710](#).
16. Хубер Ш., Хубер О. Шкала центральности религиозности (CRS) / Пер. с англ. Е. В. Пруцковой, К. В. Маркина // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). 2018. № 47. С. 144–171. EDN [XJ CJNH](#). Huber S., Huber O. W. The centrality of religiosity scale (CRS). *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (Sociology: 4M)*. 2018;47:144–171. (In Russ.).
17. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе : антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. С. 494–505. Castells M. The rise of the network society. In: Inozemtsev V. L. (ed) The new post-industrial wave in the West: an anthology. Moscow: Academia, 1999. P. 494–505. (In Russ.).
18. Castells M. The rise of the network society. Cambridge, MA; Oxford : Blackwell Publ., 1996.
19. Парсонс Т. Система современных обществ : пер. с англ. М. : Аспект Пресс, 1998. 270 с. Parsons T. The system of modern societies. Moscow: Aspekt Press; 1998. (In Russ.).
20. Durkheim E. The elementary forms of religious life. New York: Free Press; 1995.
21. Prutskova E. V. Social vs. individual centrality of religiosity: Research in religious and non-religious settings in Russia. *Religions*. 2021;12(1):1–18. DOI [10.3390/rel12010015](#). EDN [UUGDBF](#).

22. Bourdieu P. The forms of capital. In: Richardson J. G. (ed) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. New York: Greenwood Press, 1986. P. 241–258.
23. Putnam R. D. *Bowling alone: the collapse and revival of American community*. New York: Simon & Schuster, 2000.
24. Bengtson V. L., Copen C. E., Putney N. M. [et al.] A longitudinal study of the intergenerational transmission of religion. *International Sociology*. 2009;24(3):325–345. DOI [10.1177/0268580909102911](https://doi.org/10.1177/0268580909102911).
25. Bengtson V. L., Putney N. M., Harris S. *Families and faith: How religion is passed down across generations*. New York: Oxford University Press; 2013.
26. Smith C., Adamczyk A. *Handing down the faith: How parents pass their religion on to the next generation*. Oxford: Oxford University Press; 2021.
27. Myers S. M. An interactive model of religiosity inheritance: the importance of family context. *American Sociological Review*. 1996;61(5):858–866. DOI [10.2307/2096457](https://doi.org/10.2307/2096457). EDN HEZQYN.
28. Petts R. J. Parental religiosity and youth religiosity: Variations by family structure. *Sociology of Religion*. 2015;76(1):95–120. DOI [10.1093/socrel/sru064](https://doi.org/10.1093/socrel/sru064).
29. Безрогов В. Г. Между Сталиным и Христом: религиозная социализация детей в советской и постсоветской России (на материалах воспоминаний о детстве) // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 130–162. EDN KCKFJN.
Bezrogov V. Between Stalin and Christ: religious socialization of children in Soviet and Post-Soviet Russia (based on memories). *Anthropological Forum*. 2006;(4):130–162. (In Russ.).
30. Kelley J., De Graaf N. D. National context, parental socialization, and religious belief: results from 15 nations. *American Sociological Review*. 1997;62(4):639–659. DOI [10.2307/2657431](https://doi.org/10.2307/2657431). EDN HEZHMT.
31. Voas D., Storm I. National context, parental socialization, and the varying relationship between religious belief and practice. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2021;60(1):189–197. DOI [10.1111/jssr.12691](https://doi.org/10.1111/jssr.12691). EDN LWEQAZ.
32. Пруцкова Е. В., Байков М. Д., Павлов Н. М. Семья и община: межпоколенческая передача религиозности на приходах Русской Православной Церкви // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 50–63. DOI [10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-3). EDN DKEDGQ.
Prutskova E. V., Baikov M. D., Pavlov N. M. Family and community: intergenerational transmission of religiosity in Russian Orthodox Church Parishes. *Research Result. Sociology and Management*. 2024;10(4):50–63. (In Russ.). DOI [10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-3](https://doi.org/10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-3).
33. Забаев И. В. «Сакральный индивидуализм» и община в современном русском православии // Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности / Под ред. А. Агаджаняна, К. Русселе. М.: Весь Мир, 2011. С. 341–354.
Zabaev I. V. “Sacred individualism” and the community in contemporary Russian Orthodoxy. In: Agadzhanian A., Russele K. *Parish and community in contemporary Orthodoxy: the root system of Russian religiosity*. Moscow: Ves’ Mir; 2011. P. 341–354. (In Russ.).
34. Granovetter M. S. The strength of weak ties. *American Journal of Sociology*. 1973;78(6):1360–1380. DOI [10.1086/225469](https://doi.org/10.1086/225469).
35. Burt R. S. *Structural holes : the social structure of competition*. Cambridge: Harvard University Press; 1992.
36. Wellman B. Structural analysis: from method and metaphor to theory and substance. In: Wellman B., Berkowitz S. D. (eds) *Social structures: a network approach*. Cambridge University Press; 1988. P. 19–61.
37. Stark R. *The rise of Christianity: a sociologist reconsiders history*. Princeton University Press; 1996.
38. Wasserman S., Faust K. *Social network analysis: methods and applications*. Cambridge University Press; 1994.
39. Barnes J. A. Class and committees in a Norwegian Island Parish. *Human Relations*. 1954;7(1):39–58. DOI [10.1177/001872675400700102](https://doi.org/10.1177/001872675400700102). EDN JMIUCD.
40. Todd N. R., Blevins E. J., Yi J. A social network analysis of friendship and spiritual support in a religious congregation. *American Journal of Community Psychology*. 2020;65(1-2):107–124. DOI [10.1002/ajcp.12359](https://doi.org/10.1002/ajcp.12359).
41. Stroope S. Social networks and religion: the role of congregational social embeddedness in religious belief and practice. *Sociology of Religion*. 2012;73(3):273–298. DOI [10.1093/socrel/srr052](https://doi.org/10.1093/socrel/srr052).

42. Lewis V. A., MacGregor C. A., Putnam R. D. Religion, networks, and neighborliness: the impact of religious social networks on civic engagement. *Social Science Research*. 2013;42(2):331–346. DOI [10.1016/j.ssresearch.2012.09.011](https://doi.org/10.1016/j.ssresearch.2012.09.011).
43. Лебедев С. Д., Сухоруков В. В. Тесный путь не туда? // Социологические исследования. 2013. № 1. С. 118–126. EDN [PMKWKP](https://www.edn.ru/PMKWKP).
Lebedev S. D., Sukhorukov V. V. A narrow path to wrong place?. *Sociological Studies*. 2013;(1):118–126. (In Russ.).

Поступила: 20.02.2026. Доработана: 12.03.2026. Принята: 17.03.2026.

Сведения об авторе:

Павлов Никита Михайлович, младший научный сотрудник,
Лаборатория исследований религиозных факторов структурных изменений
в современном обществе, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН. Москва,
Россия. nika.ss2203@mail.ru
Author ID РИНЦ: [1245864](https://elibrary.ru/1245864); ORCID: [0000-0003-4799-7832](https://orcid.org/0000-0003-4799-7832)

N. M. Pavlov¹

¹Institute of Social Demography of FCTAS RAS. Moscow, Russia

SOCIAL NETWORK ANALYSIS OF THE ORTHODOX PARISH AS A FORM OF LOCAL SOCIAL ORGANIZATION

Abstract. The article substantiates the heuristic potential of social network analysis (SNA) for studying the Orthodox parish as a form of local social organization. The relevance of the study stems from the need to move beyond the attribute-based approaches prevalent in Russian sociology of religion (measuring individual religiosity, constructing typological groups) towards a structural-analytical investigation of the real configurations of interpersonal ties within the parish community. The theoretical framework is based on the concepts of social capital (P. Bourdieu, R. Putnam), structural embeddedness, and network integration. Based on the analysis of Russian and foreign studies, it is shown that the parish can be interpreted not only as a religious community but also as a stable network of interactions, including formal and informal ties, affiliative structures, and mechanisms of symbolic integration. Special attention is paid to the methodological potential of analyzing density, centrality, clustering, and structural holes for studying the internal dynamics of the community, the distribution of roles, and leadership. The relationship between horizontal and vertical ties, the role of the clergy as a network actor, and the mechanisms of social capital reproduction within the parish space are examined. A separate section is devoted to the role of the family and the intergenerational transmission of religiosity in the context of the parish community. It is concluded that the application of SNA methods makes it possible to overcome the limitations of normative-descriptive models and opens up new prospects for a comprehensive sociological analysis of religious communities in modern Russia.

Keywords: social network analysis, Orthodox parish, local social organization, social capital, religious community, affiliative ties, intergenerational transmission of religiosity, sociology of religion, Orthodoxy in Russia

For citation: Pavlov N. M. Social network analysis of the Orthodox parish as a form of local social organization. *Science. Culture. Society*. 2026;32(1):140–156. (In Russ.). <https://doi.org/10.19181/nko.2026.32.1.10>

Received: 20.02.2026. Corrected: 12.03.2026. Accepted: 17.03.2026.

Author information:

Nikita M. Pavlov, Junior researcher, Laboratory of research on religious factors of structural changes in modern society, Institute of Social Demography of FCTAS RAS. Moscow, Russia.
nika.ss2203@mail.ru
ORCID: [0000-0003-4799-7832](https://orcid.org/0000-0003-4799-7832)

Рецензия
EDN FCJFYG
УДК 321.01:572

С. А. Мельков¹, О. Н. Забузов²

¹ Московский политехнический университет. Москва, Россия

² Московский государственный лингвистический университет. Москва, Россия

УТОЧНЕНИЕ ПРИРОДЫ ПОЛИТИКИ ЧЕРЕЗ ИЗУЧЕНИЕ ДВОЙСТВЕННОЙ ПРИРОДЫ ЧЕЛОВЕКА (Рецензия на книгу Рэнгем Р. Парадокс добродетели. Странная история взаимоотношений нравственности и насилия в эволюции человека. М.: АСТ: Corpus, 2025. 480 с.)

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на книгу американского приматолога и антрополога Ричарда Рэнгема «Парадокс добродетели. Странная история взаимоотношений нравственности и насилия в эволюции человека». В книге осмысливается авторское видение результатов продолжающейся в научном сообществе дискуссии по вопросам: почему людям, представителям единого биологического вида, свойственны одновременно и удивительная доброта, и немислимая жестокость; как эти качества появились и закрепились в ходе эволюционной истории человечества; откуда у нас нравственные чувства, понятия о добре и зле и способствовали ли они появлению политики. Обсуждается, обречены ли мы своим эволюционным парадоксом на вечную угрозу насилия и как появились первые политические институты (смертная казнь и война); действительно ли политика, как утверждают некоторые приматологи и социобиологи, старше человечества.

Опираясь на результаты эксперимента по доместикации (одомашниванию) лисиц, проведённого в XX веке под руководством академика Д. К. Беляева, Р. Рэнгем рассматривает два типа человеческой агрессии — реактивную (природную) и проактивную (плановую, организованную), что служит основанием для вывода о двойственной природе человека. Сделаны выводы о том, что у охотников-собираателей в плейстоцене возник институт смертной казни как ограничитель реактивной агрессии внутри группы и институт войны как высшая форма проактивной агрессии вне групп. Рассматривается война как форма коалиционной проактивной агрессии. Автор книги утверждает, что люди могут долго жить без войн, несмотря на свою эволюционную склонность к ним. В рецензии особое внимание уделяется значению этих выводов для политической науки.

Ключевые слова: война, двойственная природа человека, институциональная природа политики, одомашнивание, отсутствие иерархии, политическая антропология, проактивная агрессия, реактивная агрессия, смертная казнь, усилившийся самоконтроль

Для цитирования: Мельков С. А., Забузов О. Н. Уточнение природы политики через изучение двойственной природы человека (рецензия на книгу Рэнгем Р. Парадокс добродетели. Странная история взаимоотношений нравственности и насилия в эволюции человека. М.: АСТ: Corpus, 2025. 480 с.) // Наука. Культура. Общество. 2026. Т. 32, № 1. С. 157–165. EDN FCJFYG.

Актуальность поднятой в книге Ричарда Рэнгема [1] темы для политологии¹ обусловлена недостаточной разработанностью эволюционных основ политики в рамках собственно политологии и потребностью в междисциплинарном син-

¹ Здесь и далее политическая наука и политология рассматриваются как синонимы.

© Мельков С. А., Забузов О. Н., 2026

тезе. Прежде всего, в современной политологии мало используются наработки политической антропологии, приматологии, археологии, социобиологии и генетики. По сути, период до начала неолита² (до формирования протогосударств) за редким исключением [2] остаётся вне рамок политологического анализа.

Кроме того, основной объект политологии — политика — пока мало изучен в контексте уточнения её природы. Если экономисты начинают изучение экономических институтов с появления собственности и её материальных проявлений у наших предков [3, с. 7], то для политологии, пожалуй, пока неясно: какими были первые политические институты, скорее всего, появившиеся ещё до неолита³?

В современной политологии также не в должной степени уделяется внимание изучению одомашнивания как процессу, запустившему снижение реактивной (т.е. природной) агрессии. Естественно, учёные-политологи не против междисциплинарности, а многие человеческие качества (например, щедрость во всем, что касается пищи, или сильное миролюбие к представителям своего вида), вероятно, нельзя объяснить только психологически или только социологически. Эта же мысль касается и войны, биологическую предрасположенность к которой у человека полностью объяснить пока не удаётся. Нужны, таким образом, эволюционные исследования появления первых политических институтов.

Наконец, не изучив эволюционно закреплённые модели человеческого поведения, полагаем, сегодня трудно объяснить природу такого, считающегося политическим, института, как государство. Мы не ставим под сомнение его априори политическую институциональность — это для политологов аксиоматично. Но по аналогии с экономическими исследованиями политологам нужно понять: зачем появились те или иные политические институты, а затем государства (из каких потребностей они выросли)? Почему те или иные институты (например, полуде) в современном обществе себя изжили, а некоторые (например, война или тайные общества) существуют до сих пор? Частично ответы на эти вопросы даются в рецензируемой книге Р. Рэнгема. Полагаем, прав американский антрополог Р. Лоуи: «Если верен принцип преемственности, мы должны обнаружить процессы, которые могли бы превратить первобытное сообщество в современные сложные политические структуры» [4, с. 15].

Методология исследования. Для ответа на поставленные вопросы автор книги использует собственные наблюдения, полученные во время изучения шимпанзе в Танзании и Уганде, а затем бонобо. Р. Рэнгем адаптирует под свою концепцию результаты исследований антропологов и социобиологов. Основными методами исследования стали экстраполяция, синтез, анализ вторичных данных. Такой подход позволяет связать биологические данные с социальными явлениями, что особенно важно для политической науки.

Концепция самоодомашнивания человека. Книга структурно состоит из 13 глав, однако мы сосредоточимся на тех авторских идеях, которые представляются наиболее важными и полезными для политической науки и, скорее всего, политико-управленческой практики.

² Неолит (новый каменный век) — период развития человечества, характеризующий переход от присваивающего хозяйства (собирательство, охота) к производящему (земледелие, скотоводство). Многие исследователи склоняются к следующей периодике: 9,5–4 тыс. лет до н.э. — 3–2,2 тыс. лет до н.э.

³ Плейстоцен — эпоха четвертичного периода кайнозойской эры, предшествующая современной эпохе, голоценовой. Плейстоцен начался ориентировочно 2,5 млн лет назад и закончился около 12 тыс. лет назад.

Центральное место в концепции Рэнгема занимает гипотеза о том, что *Номо сарпиенс возник* от общего с шимпанзе и гориллами предка *в результате одомашнивания*⁴. Автор настаивает на том, что мы отличаемся практически от любого дикого животного тем, что примерно 250–300 тысяч лет назад начали одомашниваться (если точнее, то самоодомашниваться, поскольку специально никто людей не одомашнивал). В результате наши предки стали вести себя намного миролюбивее: стали добрее, благоразумнее, более склонными к кооперации по отношению к представителям своего вида [1, с. 16]. Биологически это привело к уменьшению размеров наших предков и толщины костей; их зубы стали мельче (особенно челюсти), маскулинность самцов стала слабее выраженной, уменьшился объем мозга⁵. В подтверждение своих аргументов автор в нескольких местах книги возвращается к результатам эксперимента, проводимого в СССР под руководством академика Д. К. Беляева по доместикации⁶ чёрнобурых лис [5].

В последние десятилетия учёные отмечали, что наша сегодняшняя миролюбивость возникла в ходе эволюционного отбора против реактивной (природной) агрессии, как побочный эффект отбора на повышенный самоконтроль. Точно написал американский антрополог М. Ридли: «...общество работает не потому, что мы сознательно его изобрели, а потому, что оно есть древний продукт наших эволюционировавших склонностей и заключено в самой природе человека» [6, с. 16].

Политические институты и виды агрессии. Р. Рэнгем считает, что через некоторое время сообщества одомашненных охотников-собирателей столкнулись с реальной *проблемой проявления реактивной агрессии отдельными мужчинами*⁷. «Живущие в состоянии “политической анархии” и свободные от какого-либо вмешательства со стороны государства» наши предки чётко разделяли «мир дома» и «войну вне дома», совершая налёты и уничтожая чужаков во втором случае [1, с. 31]. Автор пишет о том, что процесс одомашнивания сделал далеко не всех людей (особенно мужчин) миролюбивыми с пониженной реактивной агрессией, у некоторых *Номо сарпиенс* она проявлялась в виде насилия по отношению к соплеменникам [1, с. 46].

Идея автора книги состоит в том, что для противодействия наиболее агрессивным людям внутри группы (сообществ) охотников-собирателей постепенно начала формироваться принципиально иная агрессия, которую он назвал *проактивной*⁸. Эта «вторая» агрессия вылилась со временем в формирование у охотников-собирателей двух институтов, которые мы можем считать политическими (протополитическими). Имеются в виду смертная казнь и война. Если война ограничивала агрессию со стороны других групп охотников-собирателей, то смертная казнь была направлена против наиболее агрессивных мужчин своей группы, на ограничение их реактивной агрессии и их, по сути тиранической,

⁴ Одомашнивание в контексте книги Р. Рэнгема не равно приручению. Под одомашниванием понимается врождённая способность мирно взаимодействовать с другими людьми с низким порогом реактивной агрессии и повышенной способностью к кооперации [1, с. 248].

⁵ То же самое происходило в процессе одомашнивания волка и превращения его в собаку [1, с. 93].

⁶ Доместикация — одомашнивание животных, в результате чего они приобретают новые хозяйственно-полезные признаки, вырабатываются рефлексы, обеспечивающие их постоянное общение с человеком.

⁷ Реактивная агрессия — реакция на угрозу

⁸ Проактивная агрессия — спланированная и тщательно организованная коллективная мужская агрессия, которая используется, как правило, для защиты территории и ресурсов против внешних групп, либо против агрессивных мужчин своей группы.

власти. Автор книги соглашается с Ч. Дарвином в том, что именно «выбраковка внутригрупповой жестокости, отбор против эгоизма и в пользу социальной терпимости» в виде смертной казни постепенно привели к формированию общественных институтов [1, с. 176]

В книге Р. Рэнгем ставит и рассматривает *проблему тиранов* внутри групп и *появление смертной казни и войны* в связи с наличием у наших предков общественной власти⁹. Полагаем, он справедливо отмечает, что общественная власть — это сильная власть, но только внутри небольшой группы. Автор книги ссылается также на исследования К. Бема, проверившего идею Дж. Вудберна о том, что в основе эгалитаризма¹⁰ лежит устранение альфа-самцов. Он показал, что во всех т.н. «первобытных» сообществах существует универсальное социальное правило: человек не должен пытаться доминировать над другими. В то же время отдельные люди постоянно пытаются возвыситься над другими с помощью запугивания или обмана. Об этом, кстати, много написано у Э. Б. Тайлора [7]. И К. Бем сделал вывод: людей, претендующих на роль тиранов, ограничивает та или иная форма социального давления [8, с. 68], с чем Р. Рэнгем полностью согласен.

Ч. Дарвин считал, что доисторические сообщества, несмотря на все отличия от современных, всё равно могли иметь способы расправы со «злыми и неуживчивыми людьми». Излишне агрессивные мужчины всегда подвергались тем или иным наказаниям, снижавшим их репродуктивный успех, и такая «выбраковка жестокости», продолжавшаяся в течение сотен тысячелетий, могла привести к эволюционным изменениям. Существование морали, полагал Ч. Дарвин, объяснялось существованием древней системы смертной казни¹¹, которая изымала из общества эгоистичных и безнравственных людей и тем самым стимулировала отбор против эгоизма и в пользу социальной терпимости [1, с. 189–190].

Именно Ч. Дарвин выдвинул гипотезу парохияльного альтруизма¹², объясняющую причины поощрения отбором кооперации, а гипотеза смертной казни объясняет, почему снизился уровень агрессии у наших предков. Р. Рэнгем соглашается с ним лишь частично. Мысль Ч. Дарвина заключалась в том, что конфликтующие со своими соседями группы нуждаются во внутригрупповой солидарности, однако, по мнению Р. Рэнгема, Дарвин не считал эту «нужду» результатом одомашнивания [1, с. 176–177]. Поэтому он писал о двух любопытных свойствах человеческой природы (склонности к кооперации и к войне). Некоторые психологи сделали предположение, что успешная кооперация со своими и есть результат успешной войны с чужими. «Люди, воспитанные в страхе, испытывают неприязнь к авторитету и хотят бросить ему вызов, как бы открыто они не поддерживали его ценности» [9, с. 27].

⁹ У охотников-собирателей не было постоянных лидеров и жёсткой иерархии, вместо этого власть была распределена на основе эгалитаризма, где человек, проявляющий инициативу, может временно взять на себя руководство в зависимости от конкретной задачи. Социальная структура при общественной власти обычно основана на родственных связях и разделении труда, а не на формальном командовании и подчинении.

¹⁰ Эгалитаризм — концепция, основанная на идее равенства, предполагающая построение общества с равными социальными и гражданскими правами, возможностями и доступом к ресурсам для всех его членов.

¹¹ Смертная казнь, казнь — лишение жизни человека в качестве наказания, узаконенного государством и осуществляемого по вступившему в силу приговору суда или (исторически) по решению иных государственных или военных органов. В догосударственный период его место занимало, скорее всего, общественное мнение.

¹² Парохияльный альтруизм — альтруизм, направленный преимущественно на членов своей социальной группы (семьи, нации, сообщества) и сопровождающийся враждебным отношением или безразличием к представителям других групп.

Природа войны и власти. Автор книги анализирует т.н. «превосходство силы» у взрослых самцов в природе и у мужчин в человеческих сообществах. Он приходит к выводу, что в природе самцы убивают других самцов или самок только в крайних случаях, либо не своих детёнышей (инфантицид¹³). Итогом является то, что многие учёные пришли к выводу о коалиционных убийствах взрослых особей. Например, у шимпанзе довольно редко, но это характерная черта их поведения, не зависящая от человеческого вмешательства [1, с. 308]. Р. Рэнгем отмечает, что часто убийства самцов других групп шимпанзе, особенно одиночных и на своей или пограничной территории, происходят без всякого повода. У самцов есть на это силы и время. Нападающие почти ничем не рискуют, а убийство соперников приносит пользу всему сообществу [1, с. 309].

То есть, биологически человек, как и многие животные, готов убивать себе подобных. Но у большинства видов животных, пишет Р. Рэнгем, цена нападения на представителей своего вида слишком высока: в драке один на один легко можно получить тяжёлые травмы [1, с. 311]. И всего лишь у нескольких видов структура сообществ позволяет объединяться в альянсы, которые могут убивать незащищённых одиночек из других групп с минимальным риском для себя¹⁴. Однако в тех видах, где есть проактивная агрессия, она представляет собой естественное и адаптивное поведение, выгодное для убийц. Способы применения коалиционной проактивной агрессии, пишет Р. Рэнгем, у животных и человека настолько похожи, что автор книги делает вывод: в традиционных сообществах люди регулярно используют коалиционную проактивную агрессию, устраивая налёты и засады, и это поведение имеет много общих черт с межгрупповым насилием у волков и шимпанзе.

Однако, что касается внутригруппового проактивного насилия (убийства), то Р. Рэнгем выделяет несколько проблем у его организаторов: выступать ли коалицией против жертвы, или вступить в союз именно с ней? Как выбрать жертву? Как спланировать убийство? Вывод Р. Рэнгема таков: для того чтобы внутригрупповое убийство стало выгодной адаптивной стратегией, необходимы сложное планирование и развитая коммуникация [1, с. 320]. Именно этими качествами/навыками люди и отличаются от животных. Но именно они вызвали к жизни формы деспотизма (систему подчинения и государственную власть), неизвестные, например, у других приматов [1, с. 322].

Автор книги не обсуждает и не анализирует различия между властью и агрессией, но во многих местах подмечает то, что жестокость, решительная готовность применить силу, нежелание нести ответственность за своё насилие, стремление выстраивать иерархичные отношения — характерны для тех, кто имеет власть в человеческих сообществах [1, с. 325]. Поэтому Р. Рэнгем призывает не забывать о том, какой страшный потенциал несёт в себе неограниченная власть [1, с. 326].

¹³ Инфантицид — умышленное лишение жизни ребёнка. Этот термин применяется как в биологии (у хищников, чтобы стимулировать самку к повторному зачатию), так и в праве, и в социологии.

¹⁴ К примеру, П. А. Кропоткин в произведении «Взаимопомощь как фактор эволюции» пишет о законе взаимной помощи, или взаимной поддержке. Причём этот закон не распространяется на родительские чувства и родительскую заботу. Это нечто большее. Как отмечает Кропоткин: «Не любовь, и даже не симпатия (понимаемые в истинном значении этих слов), побуждают стадо жвачных или лошадей образовать круг, с целью защиты от нападения волков; вовсе не любовь заставляет волков соединяться в своры для охоты, точно также не любовь заставляет ягнят или котят предаваться играм, и не любовь сводит вместе осенние выводки птиц, которые проводят вместе целые дни и почти всю осень; и наконец нельзя приписать ни любви, ни личной симпатии то обстоятельство, что многие тысячи косуль, разбросанных по территории, пространством равняющейся Франции, собираются в десятки отдельных стад, которые все направляются к известному пункту, с целью переплыть там реку» [10, с. 10–11].

Автор книги рассматривает войну как высшую форму **коалиционной проактивной агрессии**. Логика его такова: коалиция проактивных людей может так искусно спланировать нападение на выбранную жертву, что гарантия успеха будет стопроцентной — при минимальном риске для агрессора. Р. Рэнгем считает: дарвинизм породил идею, что война, как и любое другое поведение, может быть адаптивной. Он же отмечает, что такое публичное признание многими учёными рассматривалось как политически опасное, поскольку для ряда политиков это означает, что войны невозможно ограничивать или искоренять [1, с. 322].

Так называемые **«простые войны»** (когда нападающие или обороняющиеся никак не организованы), считает Р. Рэнгем, ведутся многими животными, а не только людьми. По этой причине люди, не уважающие государственные законы, так охотно собираются в банды и пользуются локальным дисбалансом сил для совершения убийств и других преступлений [1, с. 342]. Но вот **«комплексные войны»**¹⁵ (когда сообщества имеют политическое руководство, и участвующие в них люди делятся на два типа: 1) командиров, которые решают, что делать, и 2) солдат, которые выполняют приказы) люди, по мнению Р. Рэнгема, научились вести сравнительно недавно. По мнению автора книги, у комплексной войны есть свойства, принципиально отличающие их от простых войн. Так, в комплексной войне у солдат нет выбора, участвовать им в сражении или нет. Поэтому согласимся с Р. Рэнгемом в том, что в комплексных войнах солдат тренируют преодолевать страх [1, с. 345]. По сути, военная организация как таковая позволяет людям на войне совместно более эффективно преодолевать свой страх, и социумы нуждаются в политических институтах, позволяющих отслеживать возникновение милитаристских идеологий и случаев злоупотребления властью (как во время подготовки к войне, так и во время её ведения).

Разрешение парадокса и перспективы исследований. Итоговую главу Р. Рэнгем посвящает т. н. **«утраченному парадоксу»**, под которым понимает, что люди одновременно и **«миролюбивы от природы»**, и **«жестокости от природы»**. Эта двойственность и составляет основу парадокса, которому посвящена книга. Разрешить этот парадокс автор книги предлагает признанием, что человек по своей природе — химера в отношении агрессии. Нам свойственна низкая предрасположенность к реактивной агрессии и высокая предрасположенность к проактивной агрессии.

Подводя итоги, мы согласимся с автором в том, что «человек — химера». Эта двойственность человека в отношении агрессии сформировалась в результате одомашнивания и, особенно, с появлением и последующим усложнением речи. Политологи изучают не агрессию как таковую, но её формы, проявления и институты могут стать предметом изучения политологии. Организационно-политические формы проактивной агрессии (смертная казнь, война и др.) как у наших предков, так и сегодня, нуждаются в серьёзном изучении. Это выходит за рамки компетенции приматологии, социобиологии и биологии, но возможно в рамках политологии. Таким образом, книга Р. Рэнгема открывает для политоло-

¹⁵ По мнению автора книги, «самое раннее убедительное свидетельство комплексной войны известно из Кермец-Дере в Северном Ираке, где рядом с городскими стенами было найдено множество скелетов, наконечников стрел и тяжёлых дубинок; находки датированы примерно 10 тысячами лет» [1, с. 343].

логии новое исследовательское поле — эволюционную политическую антропологию, где биологические данные становятся источником для понимания институционального развития.

Вместе с тем, в книге Р. Рэнгема остаётся ряд вопросов, требующих дальнейшего осмысления. Мы полагаем, что политологам предстоит ещё долго разбираться в различиях между властью и агрессией. Научное осмысление этих феноменов возможно в блоке политических наук, например, в рамках научной специальности 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии. Если агрессия — это только разрушение (например, в версии Б. Ч. Хана [11, с. 92–93]), то власть несёт (должна нести) в себе массу позитивного. Но что делать политологам, если прав К. Лоренц, считающий агрессию механизмом поддержания равновесия в природе [12, с. 44]? Как тогда соотносятся проактивная агрессия, анализу которой посвящена книга Р. Рэнгема, и различные виды власти в социумах? Не продуктивнее ли рассматривать агрессию как многомерный феномен, где проактивная агрессия может служить инструментом институционального строительства, а не только разрушения. Ответы на эти вопросы станут важным вектором для будущих исследований в политической антропологии.

Библиографический список

1. *Рэнгем Р.* Парадокс добродетели: Странная история взаимоотношений нравственности и насилия в эволюции человека : пер. с англ. М. : АСТ : Corpus, 2025. 480 с.
2. Ранние формы политических систем / Сост. и отв. ред. В. А. Попов. СПб : МАЭ РАН, 2012. 384 с. EDN [VGBJHP](#).
3. *Шишкина Т. М.* Экономическая антропология: История возникновения и развития. М. : АСТ, 2025. 383 с.
4. *Лоуи Р.* Происхождение государства / Пер. с англ. А. Снигирова. М. : «Дело» РАНХиГС, 2023. 128 с.
5. *Дугаткин Л., Трут Л.* Как приручить лису (и превратить в собаку): Сибирский эволюционный эксперимент. М. : Альпина нон-фикшн, 2019. 296 с.
6. *Ридли М.* Происхождение альтруизма и добродетели: от борьбы за выживание — к сотрудничеству / Пер. с англ. А. Чечиной. М. : Изд-во «Э», 2016. 412 с.
7. *Тайлор Э. Б.* Первобытная культура : пер. с англ. М. : Политиздат, 1989. 572 с.
8. *Voehn C.* Hierarchy in the forest: The evolution of egalitarian behavior. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1999. 304 p.
9. *Стивенс Э.* Самость, которой два миллиона лет. М. : Касталия, 2021. 156 с.
10. *Кропоткин П. А.* Взаимопомощь как фактор эволюции. М. : Ред. журн. «Самообразование», 2011. 251 с. EDN [QXAJGZ](#).
11. *Хан Б.-Ч.* Топология насилия: Критика общества позитивности позднего модерна / Пер. с нем. С. О. Мухамеджанова. М. : АСТ, 2024. 192 с.
12. *Лоренц К.* Агрессия, или Так называемое зло / Пер. с нем. А. Федорова. М. : АСТ, 2025. 413 с.

Поступила: 24.11.2025. Доработана: 28.12.2025. Принята: 19.01.2026.

Сведения об авторах:

Мельков Сергей Анатольевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры «Реклама и связи с общественностью в медиакоммуникациях», Московский политехнический университет. Москва, Россия. 304304@mail.ru
Author ID РИНЦ: [381898](#)

Забузов Олег Николаевич, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры информационно-аналитической деятельности, Московского государственного лингвистического университета. Москва, Россия. zabuzov@mail.ru
Author ID РИНЦ: [674543](#); ORCID: [0000-0001-6032-2042](#)

S. A. Mel'kov¹, O. N. Zabuzov²¹ Moscow Polytechnic University. Moscow, Russia² Moscow State Linguistic University. Moscow, Russia

CLARIFYING THE NATURE OF POLITICS THROUGH THE STUDY OF THE DUAL NATURE OF HUMANS (Book review: Wrangham R. The goodness paradox: the strange relationship between virtue and violence in human evolution. Moscow: AST: Corpus, 2025. 480 p.)

Abstract. This article is a review of the book by American primatologist and anthropologist Richard Wrangham, *The Goodness Paradox: The strange relationship between virtue and violence in human evolution*. In the book, the author's vision of the results of the ongoing discussion within the scientific community is reflected upon, covering the following questions: why do humans, as members of a single biological species, simultaneously exhibit both remarkable kindness and unimaginable cruelty; how did these traits emerge and become entrenched throughout the evolutionary history of humans; where human moral feelings and concepts of good and evil originate, and whether they contribute to the emergence of politics. It is discussed whether we are condemned by our evolutionary paradox to a perpetual threat of violence, and how did the first political institutions (capital punishment and war) emerge; and whether politics, as some primatologists and sociobiologists claim, older than humanity itself.

Drawing on the results of the domestication experiment with foxes conducted in the 20th century under the guidance of Academician D. K. Belyaev, R. Wrangham examines two types of human aggression — reactive (natural) and proactive (planned, organized) — which serves as the basis for the conclusion about the dual nature of humans. Conclusions are drawn that among Pleistocene hunter-gatherers, the institution of capital punishment emerged as a constraint on reactive aggression within groups, and the institution of war emerged as the highest form of proactive aggression between groups. War is examined as a form of coalitional proactive aggression. The author argues that humans can live for extended periods without war, despite their evolutionary predisposition to it. The review pays special attention to the significance of these conclusions for political science.

Keywords: war, dual nature of humans, institutional nature of politics, domestication, absence of hierarchy, political anthropology, proactive aggression, reactive aggression, capital punishment, enhanced self-control

For citation: Mel'kov S. A., Zabuzov O. N. Clarifying the nature of politics through the study of the dual nature of humans (Book review: Wrangham R. *The goodness paradox: the strange relationship between virtue and violence in human evolution*. Moscow: AST: Corpus, 2025. 480 p.). *Science. Culture. Society*. 2026;32(1):157–165. (In Russ.).

References

1. Wrangham R. *The goodness paradox: the strange relationship between virtue and violence in human evolution*. Moscow: AST: Corpus; 2025. (In Russ.).
2. Popov V. A. (comp., ed.) *Early forms of political systems*. St. Petersburg: MAE RAS; 2012. (In Russ.).
3. Shishkina T. M. *Economic anthropology: The history of origin and development*. Moscow: AST; 2025. (In Russ.).
4. Lowie R. *The origin of the state*. Moscow: "Delo" RANEPА; 2023. (In Russ.).
5. Dugatkin L., Trut L. *How to tame a fox (and build a dog): Siberian Evolutionary Experiment*. Moscow: Alpina non-fiction; 2019. (In Russ.).
6. Ridley M. *The origins of virtue*. Moscow: "E" Publ.; 2016. (In Russ.).

7. Tylor E. B. Primitive Culture. Moscow: Politizdat; 1989. (In Russ.).
8. Boehm C. Hierarchy in the forest: The evolution of egalitarian behavior. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; 1999.
9. Stevens A. The two-million-year-old self. Moscow: Castalia; 2021. (In Russ.).
10. Kropotkin P. A. Mutual aid as a factor of evolution. Moscow: "Samoobrazovanie"; 2011. (In Russ.).
11. Han B.-Ch. Topologie der Gewalt. Criticism of the positivity. Moscow: AST; 2024. (In Russ.).
12. Lorenz K. Das sogenannte Bose: Zur Naturgeschichte der Aggression. Moscow: AST; 2025. (In Russ.).

Received: 24.11.2025. Corrected: 28.12.2025. Accepted: 19.01.2026.

Author information:

Sergei A. Mel'kov, Doctor of Political Science, Professor,
Professor of the Department of Advertising and Public Relations in Media Communications,
Moscow Polytechnic University. Moscow, Russia. 304304@mail.ru

Oleg N. Zabuzov, Candidate of Political Science, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Information and Analytical Activities,
Moscow State Linguistic University. Moscow, Russia. zabuzov@mail.ru
Author ID РИНЦ: [674543](#); ORCID: [0000-0001-6032-2042](#)

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ЕЛЕНА МИРАНОВНЫ МЧЕДЛОВОЙ (14.08.1964 — 14.02.2026)

14 февраля 2026 года не стало доктора социологических наук, ведущего научного сотрудника Центра социологии идеологических и социокультурных процессов Института социально-политических исследований ФНИСЦ РАН Елены Мирановны Мчедловой.

© Из архива М. М. Мчедловой

«До сих пор не верится, что Лены... больше нет в живых. Этого не может, не должно быть!», — пишут коллеги. Трагический её уход стал неожиданной и тяжёлой утратой, но след, который она оставила, невозможно измерить только списком публикаций, поэтому редакция и редколлегия, её друзья и коллеги хотели бы поделиться с читателями журнала памятью о светлом образе Елены Мирановны Мчедловой, который остался с нами.

Елена Мирановна прошла свой честный творческий путь в науке — от младшего до ведущего научного сотрудника, посвятив себя изучению сложных социокультурных процессов, социологии прав человека. Стоит отметить её существенный вклад в изучение религии и религиозных ценностей в обществе, межконфессиональных отношений, а также в становление отечественной социологии религии как отраслевой научной дисциплины.

Окончила философский факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в 1986 году. По окончании аспирантуры того же факультета и успешной защиты диссертации в 1990 году ей была присуждена

степень кандидата философских наук (тема диссертации: «Проблемы религии и свободомыслия в теоретической и практической деятельности современных марксистов Франции»), а в 2007 году — доктора социологических наук (тема: «Социология прав человека: теоретико-методологический анализ»).

Работая более тридцати лет в Институте социально-политических исследований, Елена Мирановна стала свидетелем и участником становления самого Института. *«Мы ведь пришли работать в ИСПИ практически вместе, с самого начала, вскоре после основания Института, и у каждого была своя исследовательская проблематика, свои интересы в науке. Я видел успехи и достижения Елены Мирановны, с защитой сначала кандидатской, а потом докторской диссертации. Работая рядом, зачастую в одних и тех же кабинетах, мы редко когда были задействованы в общих темах исследования. Но при этом постоянно общались...»*. Внутренняя реорганизация и выделение отдельного Института демографических исследований (сейчас — Институт социальной демографии) мало что изменили с точки зрения сотрудничества и взаимоотношений с коллегами: *«С уходом Лены в буквальном смысле слова “осиротели” два института...»*.

На протяжении многих лет Елена Мирановна была членом Учёного совета Института социально-политических исследований, с 1995 года принимала активное участие в подготовке ежегодных коллективных научных монографий, была частым автором журнала «Наука. Культура. Общество». Также, более десяти лет, с 2013 года, являлась членом редколлегии издаваемого Белгородским государственным национальным исследовательским университетом журнала «Научный результат. Социология и управление».

Однако память о Елене Мирановне остаётся не только в профессиональных, научных результатах, монографиях и публикациях. Всю сознательную жизнь она занималась общественной работой, принимала самое активное участие в институтской профсоюзной организации. Для сотрудников она стала символом надёжности и заботы. *«На каждый Новый год Лена старалась обеспечить новогодними подарками и билетами на ёлки наших детей, а нас, взрослых, поддерживать материальной помощью от профсоюзной организации. Хочется сказать спасибо ей за такую поддержку»*. Эта забота не была формальной обязанностью. Она помогала не только как неизменный член профкома, но и по велению сердца. *«Лена — это вселенская доброта»*.

Она запомнилась нам как человек столь редкого гармоничного и комфортного характера, сформировавшегося в кругу родных и близких: доброта человеческих отношений с философской ноткой мудрости и вечности бытия. В неизбежно возникающих трудностях жизненных ситуаций она всегда была готова прийти на помощь. Оптимизм, доброта и человеческая надёжность Елены Мирановны располагали к себе окружающих, она была товарищем в самом глубоком и классическом смысле этого слова. *«Среди моих друзей нет более отзывчивого и доброго человека. Я не помню ни одного случая, чтобы Елена кому-нибудь и в чем-либо отказала... или с кем-то выясняла отношения»*, — делятся те, кто знал её без малого 30 лет.

Коллеги, познакомившиеся с ней в последние годы, отмечали редкую интеллигентность Елены Мирановны: *«Я неизменно чувствовал человеческое тепло и профессиональную поддержку, доброе слово и научное напутствие старшего коллеги»*. От неё никто никогда не слышал негатива ни о ситуациях, ни о людях, и даже в рабочем общении она всегда находила время для личных тем: о погоде, о животных, о жизни. *«Она обладала удивительным качеством, которое привнесла*

из своей семьи учёных — психологическая терпимость и стойкость к различным негативным или конфликтным ситуациям».

Елена Мирановна обладала даром очаровывать уважением и любовью к людям, независимо от их возраста, знаний и званий. Она была светлым, добрым и удивительно доброжелательным человеком, чей уход стал непоправимой потерей для всех, кто её знал. Мы будем помнить её надёжность, скромность и ту тихую заботу, которой она окружала коллег. Завершить хотелось бы ещё несколькими цитатами:

«Будет очень не хватать доброты и порядочности Елены Мирановны...»;
«Когда уходят от нас друзья, от них остаются тёплые воспоминания»;
«И память о хорошем, душевном, светлом человеке останется с нами!».

Редакция журнала «Наука. Культура. Общество»

Редакция журнала «НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО»
выражает благодарность коллегам и друзьям Елены Мирановны
из Института социально политических исследований и Института социальной
демографии, поделившимся своими воспоминаниями для подготовки
этого материала: Е. А. Кублицкой, В. К. Левашову, О. В. Гребняк,
В. А. Безвербному, А. В. Иванову, Е. А. Лукашенко, И. В. Лютенко,
О. П. Новоженной, И. А. Селезнёву, П. Е. Царькову и др.

НАУКА. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

сетевой научный журнал

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 81252 от 30 июня 2021 г.

Соучредители:

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Адрес: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Общественная российская академия социальных наук
Адрес: 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 24/7, стр. 1

Главный редактор:

Виктор Константинович Левашов

Ответственный секретарь:

Оксана Валерьевна Гребняк

Журнал «Наука. Культура. Общество» включён в РИНЦ, перечень ВАК (К2),
Белый список/ЕГПНИ (Уровень 3, 2025).

ISSN 2713-0681

Материалы журнала размещены в открытом доступе на сайте
<https://www.journal-scs.ru>

Доступ к контенту журнала бесплатный.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции. При использовании материалов ссылка на журнал
«Наука. Культура. Общество» обязательна.

2026. Том 32. № 1. Дата выхода в свет: 27.03.2026.

Адрес редакции: 119333, Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1
Тел.: +7 499 530-27-32. E-mail: nauka.kultura.obshchestvo@yandex.ru